

Министерство образования и науки Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

С.Н. РУДНИК

**ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ
1860 – 1870 годов:
ЭПОХА И ЛЮДИ**

Санкт-Петербург
2013

УДК 941(47+57) "1860/1870"
ББК 63.3(2)51

Рудник С.Н. Великие реформы в России 1860 – 1870 годов: Эпоха и люди.
Монография – СПб., изд. РГТМУ, 2013. – 176 с.

ISBN 978-5-86813-349-7

Рецензент: В.С. Измозик, д-р ист. наук, проф.

1860-1870-е годы – время коренных преобразований в России. Либеральные современники называли этот период эпохой Освобождения или эпохой Великих реформ. Современные историки называют реформы Александра II модернизацией, “переломом”, “поворотным пунктом” в истории России. Они затронули практически все важнейшие стороны жизни общества и государства.

В монографии раскрывается содержание основных реформ. На основе воспоминаний современников показано отношение к ним разных слоёв общества. Кроме того, в работе освещается история первого призыва в армию на основе всеобщей воинской повинности. Работа адресована историкам, студентам и всем интересующимся историей России.

1860-1870 years – time of radical restructurings in Russia. Liberal contemporaries called this period an era of Release or an era of Great reforms. Modern historians call Alexander’s II reforms as modernization, “changing point” or “turning point” in the history of Russia. They mentioned almost all major aspects of life of society and state.

In this monograph the content of the main reforms reveals. On the basis of memoirs of contemporaries the attitude to different sectors of society is shown. Besides, in work the history of the first conscription on the basis of General military compulsory is shined. Work is addressed to historians, students and all interested in history of Russia.

ISBN 978-5-86813-349-7

© Рудник С.Н., 2013

© Российский государственный гидрометеорологический университет, (РГТМУ), 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ВВЕДЕНИЕ	7
1. Причины и предпосылки реформ	10
2. Первые шаги реформ	14
II. ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА	18
1. Подготовка крестьянской реформы	18
2. Обнародование Манифеста 1861 г. в Санкт-Петербурге	23
3. Основные положения крестьянской реформы	28
4. Реакция крестьян на реформу 1861 года	32
5. Значение крестьянской реформы	37
III. РЕФОРМЫ В ОБЛАСТИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ	40
1. Подготовка земской реформы	40
2. Права и обязанности земств	43
3. Деятельность земств	47
4. Городское самоуправление	55
IV. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА	58
1. Подготовка судебной реформы	58
2. Судебные уставы 1864 г.	61
3. Суд присяжных и адвокаты	63
4. Отмена телесных наказаний	76
V. РЕФОРМЫ В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ	78
1. Подготовка реформ	78
2. Либеральные реформы А.В. Головнина. Начальное и среднее образование	81
3. Студенческие волнения в 1861 г.	87
4. Университетский устав 1863 г.	95
5. Студенческая жизнь 1860-1880-х гг.	99
6. Женский вопрос	103
VI. РЕФОРМА ПЕЧАТИ И ФИНАНСОВЫЕ РЕФОРМЫ	112
VII. ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ 1860-1870-х гг.	116
1. Начало преобразований	116

2. Военно-окружная реформа. Реорганизация военного министерства	119
3. Подготовка офицерских кадров. Реформа военной школы	125
4. перевооружение армии	129
5. Введение всесословной воинской повинности	133
6. Основные положения «Устава о воинской повинности» 1.01.1874 г.	139
7. Первый призыв на службу по новому закону	141
8. Первый призыв в Санкт-Петербурге	151
VIII. ВОПРОС О КОНСТИТУЦИИ. Судьба проекта М.Т. Лорис-Меликова	162
IX. ЗНАЧЕНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ РЕФОРМ 60-70-х гг. XIX в.	167
X. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	171

TABLE OF CONTENTS

I. INTRODUCTION	7
1. Reasons and preconditions of reforms	10
2. First steps of reforms	14
II. SERFDOM CANCELLATION	18
1. Preparation of country reform	18
2. Publication of the Manifesto 1861 in St. Petersburg	23
3. Basic points of country reform	28
4. Reaction of peasants to reform of 1861	32
5. Value of country reform	37
III. REFORMS IN THE FIELD OF LOCAL MANAGEMENT	40
1. Preparation of territorial reform	40
2. Rights and duties of zemctvo	43
3. Activity of zemctvo	47
4. City self-government	55
IV. JUDICIAL REFORM	58
1. Preparation of judicial reform	58
2. Judicial charters of 1864	61
3. Jury trial and lawyers	63
4. Cancellation of corporal punishments	76
V. REFORMS IN THE FIELD OF EDUCATION	78
1. Preparation of reforms	78
2. A.V.Golovnin's liberal reforms. Primary and secondary education	81
3. Student's excitements in 1861	87
4. University charter of 1863	95
5. Student's life 1860-1880	99
6. Women's issue	103
VI. REFORM OF THE PRESS AND FINANCIAL REFORMS	112
VII. MILITARY REFORMS 1860-1870	116
1. Beginning of transformations	116

2. Military and district reform. Reorganization of the Ministry of Defence.....	119
3. Preparation of officer shots. Reform of military school	125
4. Modernization of army	129
5. Introduction of a General military compulsory	133
6. Basic points of “The charter about General military compulsory” 1.01.1874	139
7. The first conscription under the new law.....	141
8. The first conscription in St. Petersburg	151
 VIII. QUESTION OF THE CONSTITUTION. Destiny of the project of Loris-Melikov	 162
 IX. VALUES AND CONSEQUENCES OF 1860-1870 REFORMS	 167
 X. LITERATURE AND SOURCES	 171

I. ВВЕДЕНИЕ

Реформы Александра II 60–70-х гг. XIX века, время коренных преобразований, сегодня вновь в центре внимания историков, политиков и политологов, поскольку на современном этапе в российском обществе активно идут дискуссии о путях развития России. Они являют собою неоценимый опыт проведения реформ, осуществлявшиеся мирным путем. Александровская модернизация затронула практически все важные стороны жизни общества и государства: социально-экономическую (ликвидировала крепостное право), политическую (судебная, земская, городская, военная реформы), образовательную и культурную (реформа школ, университетов, цензуры).

История реформ обстоятельно изучена историками. Либеральные современники называли этот период эпохой Освобождения, или эпохой Великих реформ. По мнению П.Н. Милюкова, почетный титул «первого историка эпохи великих реформ» принадлежит юристу и публицисту Г.А. Джаншиеву. В бытность свою корреспондентом «Судебного вестника», «Московских ведомостей», «Русских ведомостей», он в историческом очерке «Эпоха великих реформ» первым дал описание времени, биографии некоторых его ведущих деятелей. Г.А. Джаншиев, а вслед за ним и другие дореволюционные историки (И.И. Иванюков, С.С. Татищев) оценивали освобождение крестьян и последовавшие затем преобразования как добрую волю царя. Историк либерального направления, член партии кадетов А.А. Корнилов в своем фундаментальном «Курсе истории России XIX века», следуя теории закрепощения и раскрепощения сословий, отмечал, что движущей силой назревших реформ было правительство. В дальнейшем в процесс реформирования активно включились общественные силы. Именно влиянием общества на правительство объяснял историк многие положительные черты реформ, отмечая в то же время недостатки и противоречивость преобразований. Убийство же Александра II А.А. Корнилов расценивает как «катастрофу», как крах всех либеральных надежд на робкие конституционные начинания. Знаменитый ученый В.О. Ключевский критически оценил проводимые Александром II реформы. В 1906 г. он записал в дневнике: «Все его великие реформы, непростительно запоздалые, были великолепно задуманы, спешно разработаны и недобросовестно исполнены, кроме разве реформы судебной и воинской».

В советской историографии реформы Александра II лишились определения «великие» и получили другое название: буржуазные реформы 1860-

1870-х гг. Причины, содержание и последствия этих реформ историки изучали в рамках марксистско-ленинской теории общественно-экономических формаций и, естественно, опорой их трудов были высказывания В.И. Ленина. По мнению историков той поры, реформы были вызваны кризисом феодально-крепостнической системы и, как следствие, сложившейся в стране революционной ситуацией 1859-1861 гг. Отмена крепостного права и другие реформы оценивались как переходный этап от феодализма к капитализму. Учёные акцентировали внимание на ограниченности «буржуазных реформ», на неспособности самодержавия решить социальные проблемы в стране, порожденные сохранением остатков крепостничества и развитием капитализма.

Советские историки проделали огромную работу по изучению крестьянской (П.А. Зайончковский, Н.М. Дружинин, Л.Г. Захарова), судебной (Б.В. Виленский), земской (В.В. Гармиза), городской (В.А. Нардова), цензурной (В.Г. Чернуха) реформ. В этом ряду следует особенно выделить фундаментальное и в целом объективное исследование П.А. Зайончковского о военной реформе.

Горбачевская «перестройка» вновь пробудила интерес к александровской эпохе. На рубеже 1980-1990-х гг. историки поставили под сомнение ленинские оценки, в том числе «революционной ситуации», вернули реформам название «великие», а Н.Я. Эйдельман охарактеризовал их даже как «революция сверху». Всё чаще стали говорить о прогрессивности реформ, внимание акцентировалось на их положительных сторонах, историки и публицисты проводили аналогии между «перестройкой» и «гласностью» Александра II и М.С. Горбачева. В 1990-е годы появились более взвешенные оценки великих реформ. В частности, был сделан вывод о том, что основной причиной, подтолкнувшей царское правительство к реформам, явилось поражение России в Крымской войне.

Современные историки называют реформы Александра II модернизацией, «переломом», «поворотным пунктом» в истории России. В центре внимания личность самого Александра II (Л.Г. Захарова, Е.Н. Толмачев, В.Г. Чернуха, Л.М. Ляшенко) и его ближайшего окружения. При этом в освещении предпосылок, характера реформ 1860-1870-х гг. и роли императора Александра II в их проведении существует широкий спектр мнений.

Задача данной работы заключается в том, чтобы, опираясь на богатый историографический багаж, избегая идеологических клише, показать масштаб проводимых реформ, их особенность и противоречивость. Один из основных принципов постижения прошлого, провозглашенный

выдающимся французским историком М. Блоком, гласит так: главная задача историка – понять человека прошлого. Поэтому в центре работы, прежде всего, люди, творцы и последователи реформ, российское общество в целом. Поэтому так важно было показать, например, реакцию крестьян или студентов на изменения, происходившие в стране. Кроме того, в монографии освещается история первого призыва в русскую армию на основе нового Устава о всеобщей воинской повинности, который увидел свет 1 января 1874 года. Показано отношение разных слоев общества и сословий к воинской повинности. Заметим также, что, несмотря на богатую историографию реформ, в которой, казалось бы, не осталось лакун, эта тема практически не изучена.

Монография структурирована по проблемно-тематическому принципу, материал рассматривается в хронологическом порядке. Конкретно-историческое изложение материала подкрепляется соответствующими выдержками из документов и справками, а также оценками тех или иных событий, данных современниками и очевидцами. В работе даются краткие характеристики государственных и общественных деятелей эпохи.

1. Причины и предпосылки реформ.

18 февраля 1855 г. умер император Николай I. Перед своей кончиной Николай I сказал своему старшему сыну Александру: «Сдаю тебе мою команду, но, к сожалению, не в том порядке, как желал. Оставляю тебе много трудов и забот». Александр II (1855–1881) принял власть в тяжелейший момент, когда все очевиднее становилось поражение России в Крымской войне. Парижский мирный договор удалось заключить в марте 1856 г. Россия не понесла ощутимых территориальных потерь, однако лишилась права иметь на Черном море флот и военно-морские базы. Впервые за 150 лет огромная держава проиграла войну. Поэтому поражение нанесло международному престижу страны серьезный ущерб. Российская империя лишилась того первенствующего положения, которое занимала в Европе со времен Венских договоров 1815 года, оформивших завершение наполеоновских войн. Война обнажила многие недостатки военной и гражданской администрации, показала растущую отсталость России, прежде всего в военно-техническом отношении.

Справка. Война требовала не менее 200 тыс. ружей и пистолетов в год, в то время как изготавлившие их Тульский, Ижевский и Сестрорецкий заводы давали только 50-70 тыс. Дефицит оружия был настолько острым, что к концу войны часть новобранцев пришлось вооружать пиками. Ежегодно требовалось поставлять не менее 360 орудий, тогда как С.-Петербургский, Киевский и Брянский арсеналы производили 100-120 орудий. Рекрутские наборы и призывы в ополчение устранили из сельско-хозяйственного производства до 1,5 млн (10%) мужчин-работников. Многие помещики жаловались, что уже не знают, кого отдать в рекруты, так как от частных рекрутских наборов в скором времени останутся в поместьях только старцы и дети. Одной из причин поражения стало отсутствие удобных путей сообщения и, прежде всего, широкой сети железных дорог, столь необходимых для проведения мобилизации и переброски войск. В 1855 г. общая мировая длина железных дорог составляла 67 тыс. км. В России — всего 987 км, а в США — 49,3 тыс. км.

Другим мощным стимулом преобразовательных действий Александра II и правительства стала угроза экономического кризиса. В годы войны экспорт хлеба снизился в 13 раз. Из войны Россия вышла с истощенными финансами и подорванным денежным обращением. За время с 1853 по 1856 гг. общая сумма дефицита в государственном бюджете выросла с

52 млн до 307 млн руб. серебром. Страна чрезвычайно отставала от передовых стран Европы и США в области машиностроения, топливной промышленности, морского флота, железнодорожного строительства. Например, если в конце XVIII в. Россия находилась на первом месте по производству чугуна – важного военно-стратегического материала, – то к 1861 г. она откатилась на восьмое место и производила его в 12 раз меньше Англии.

Другой острой проблемой, злободневной, актуальной по сей день была коррупция.

Таким образом, поражение отрезвляюще подействовало на правящие круги огромной империи. Новому императору Александру II и многим из его окружения было очевидно, что без серьезных перемен Россия может навсегда перейти в разряд второстепенных стран. Но коренное обновление военно-технического потенциала было невозможно без создания современной промышленности и путей сообщений, изменений в системе образования, либерализации общественной жизни. Таким образом, *поражение в Крымской войне стало отправной точкой реформ 60–70-х гг. XIX в.*

Уже в Манифесте по поводу окончания Крымской войны 19 марта 1856 г. Александр II в обтекаемой форме высказал мысль о необходимости преобразований в стране.

Исторический портрет. *Многое зависело и от самой личности императора Александра II. Первенец великокняжеской семьи, Николая Павловича и Александры Федоровны, родился 17 апреля 1818 г. в Московском Кремле. Его рождение приветствовал поэт В.А. Жуковский, пожелавший ему в числе разных добродетелей особенно быть гуманным человеком: «... Да встретит он обильный чеством век! Да славного участник славный будет! Да на чреде высокой не забудет Святейшего из званий: человек». Уже через два дня после официального провозглашения наследником престола юный Александр стал свидетелем исторического события – восстания декабристов. В шесть лет воспитание Александра было поручено капитану К.К. Мердеру – боевому офицеру, человеку высоконравственному и гуманному. Образованием наследника занимался поэт В.А. Жуковский, который составил специальный «План учения», рассчитанный на 12 лет. В.А. Жуковский много сделал для того, чтобы привить Александру лучшие качества для будущего монарха: гуманизм и сострадание к бедным, неприятие насилия, заботу о подданных. Он писал: «Его Высочеству нужно быть не учёным, а просвещённым». Из всех предметов особое*

внимание уделялось истории. Жуковский считал, что «история из всех наук самая важная, важнее философии, ибо в ней заложена лучшая философия, то есть практическая, следовательно, полезная», что она есть «сокровищница просвещения царского..., наставляющая опытами прошедшего или объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомит Государя с нуждами его страны и его века. Она должна быть главною наукою наследника престола»¹. И всё же Жуковскому не удалось противостоять традиционной военной направленности в воспитании наследника престола, так как Николай I отдавал приоритет военному делу. Несмотря на протесты Жуковского (он апеллировал к императрице: «Страсть к военному ремеслу стеснит его душу: он привыкнет видеть в народе только полк, в Отечестве – казарму») Александр формировался как человек военный, он любил участвовать в парадах, смотрах, маневрах.

Программа образования была завершена весной 1837 г., и в том же году наследник совершил путешествие по стране. По выражению Жуковского, состоялось «всенародное обручение наследника с Россией». Александр вместе с наставниками и свитой посетил 29 губерний европейской России, Северный Кавказ, Закавказье, Крым, Западную Сибирь. В ходе встреч он получил 16 тысяч просьб, в Сибири встретился с декабристами и, проникшись состраданием, ходатайствовал перед отцом о смягчении их участи. Через год наследник отправился в заграничное путешествие, определившее личную судьбу Александра. Он влюбился в 15-летнюю принцессу Марию Гессен-Дармштадтскую, которая стала его женой (будущая императрица наречена в России Марией Александровной). В этом браке Александр II имел шесть сыновей и дочь. Постепенно наследник приобщался к государственным делам. Он участвует в работе Государственного совета, Комитета министров, в различных высших государственных учреждениях. Оставаясь убежденным сторонником крепостного права, в 1846 году он был назначен председателем Секретного комитета по крестьянскому делу.

Александр II, в отличие от своего брата великого князя Константина Николаевича, не был человеком либеральных убеждений. Большинство историков полагает, что Александр II не только не имел программы преобразований, но и не был готов к реформаторской дея-

---

¹ Цит. по: Российские самодержцы (1801-1917). М., 1994. С. 165.

тельности. Однако это не преуменьшает его роль в реформировании страны. Здравый ум, который признавали в нём его учителя и все современники, отсутствие фанатизма, восприимчивость к идеям гуманизма помогли ему сориентироваться в сложной внутри- и внешнеполитической обстановке. Главная его заслуга заключается в том, что он не только нашел в себе мужество признать крах николаевской системы и необходимость перемен, но и пошел на их осуществление. Фрейлина императрицы А.Ф. Тютчева, дочь известного поэта, сказала о нём: «его сердце обладало инстинктом прогресса». По словам историка Л.Г. Захаровой, «Александр II встал на путь освободительных реформ не в силу своих убеждений, а как военный человек на троне, осознавший «уроки» Крымской войны, как император и самодержец, для которого превыше всего были престиж и величие державы»¹.

Ключ к пониманию этого российского императора, как представляется, дал В.О. Ключевский, который, характеризуя Александра II, отмечал: «Он заметно отличался от своих ближайших предшественников отсутствием склонности играть в царя. Александр II по возможности оставался самим собой и в повседневном, и в выходном обращении... Он не хотел казаться лучше, чем был, и часто был лучше, чем казался. Он не искал усиления, но умел ценить умных и образованных дельцов... Такие дельцы и вынесли на своих плечах тяжесть законодательной работы над крестьянской реформой. Он отличался мужеством особого рода. Когда он становился перед опасностью, мгновенно выраставшей перед глазами и обыкновенно ошеломляющей человека, он без раздумья шёл ей навстречу, быстро принимал решения»².

Важной предпосылкой реформ являлось наличие либеральной бюрократии, людей, готовых взять на себя смелость, ответственность в деле преобразования России. Как отмечает историк Л.Г. Захарова, «этот слой прогрессивно мыслящих, интеллигентных людей, объединённых общностью взглядов на задачи предстоящих преобразований и методы их исполнения, начал складываться в недрах бюрократического аппарата николаевского царствования в 1830-е и особенно в 1840-е гг.»³. Это были

---

¹ Захарова Л.Г. Александр II // Российские самодержцы (1801 – 1917). – М., 1994. С. 177.

² Цит. по: Миронов Г.Е. История государства Российского: Историко-библиографические очерки. XIX век. М., 1995. С. 254.

³ Захарова Л.Г. Великие реформы 1860-1870-х годов: поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 4.

люди одного поколения (в основном от 35 до 45 лет), многие из них обучались в университетах, Царскосельском лицее, получили опыт государственной деятельности в министерствах и ведомствах, созданных при Александре I. В «команду» либеральных бюрократов, называемую противниками «красными бюрократами», входили Н.А. Милютин, Ю.Ф. Самарин, П.П. Семёнов-Тян-Шанский, В.А. Черкасский, Н.Х. Бунге. К сторонникам реформ относились будущие министры Д.А. Милютин, А.В. Головнин, А.М. Горчаков, М.Х. Рейтерн, П.А. Валуев и некоторые члены императорской семьи. В первую очередь следует назвать брата царя великого князя Константина Николаевича (1827-1892) – адмирала, морского министра, а затем председателя Государственного совета. Император называл его своим «первым помощником в крестьянском деле»¹. Весной 1855 г. Константин Николаевич заявил о необходимости приступить к освобождению крестьян сразу после окончания войны, а затем отменил крепостное право в собственном ведомстве, отпустив на волю с землей охтенских поселян, состоявших в крепостной зависимости от Петербургского адмиралтейства.

2. Первые шаги реформ

Реформам предшествовало наступление *гласности* в общественно-политической жизни страны. По словам историка В.О. Ключевского, «Севастополь ударил по застоявшимся умам». Российское образованное общество, в ходе войны пережившее чувство национального позора, заговорило и подвергло резкой критике политику предшествующего тридцатилетия. В дворянских салонах и купеческих особняках закипели страстные споры на социальные, политические и моральные темы. В статье Н.А. Мельгунова «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России» говорилось: «Пора встрепенуться. Но чтоб нас разбудить и вызвать к полезной деятельности, для того нужна – повторяем опять и готовы повторять беспрестанно – нужна гласность... Гласность! Великое слово! Одна гласность в силах оградить нас от беззаконий правосудия...поднять нас и облагодетельствовать»². Необходимость перемен осознавалась в различных слоях населения. Идеолог николаевской эпохи историк М.П. Погодин вынес общий приговор: «Прежняя система отжила свой век». Он страстно призывал нового монарха: «Медлить нечего... Надо приниматься вдруг за всё: за

¹ Дучинский Н.П. Великая крестьянская реформа при царе-освободителе. СПб., 1911. С. 35.

² Миронов Г.Е. История государства Российского: Историко-библиографические очерки. XIX век. С. 251.

дороги, казенные и каменные, за оружейные, пушечные и пороховые заводы, за медицинские факультеты и госпитали, за кадетские корпуса и торговлю, за крестьян, чиновников, дворян, духовенство, за воспитание высшего сословия, да и прочие не лучше, за взятки, роскошь, пенсии, аренды, деньги, за финансы, за все, за все...». Критические статьи (П.А. Валуева, К.Д.Кавелина, Б.Н.Чичерина и др.) распространялись по стране в рукописных записках, многие из них были прямо адресованы императору. В одной из таких записок под названием «Дума русского (во второй половине 1855 года)», П.А. Валуев, видный чиновник, Курляндский гражданский губернатор, будущий министр внутренних дел, назвал «всеобщую официальную ложь» основным пороком государственного управления, который и привёл, по его мнению, к кризису.

Документ. П.А. Валуев писал: «Чем стяжали мы себе стольких врагов? Неужели одним только нашим величием? Но где это величие? Где силы наши? Где завет прежней славы и прежних успехов? Где превосходство войск наших, столь стройно грозных под Красным Селом?... Россия мужественно переносит испытание. Она безропотно напрягает к тому все свои силы, но внемлет ли она наставлению и извлечет ли из него пользу? Вопрос о причинах, объясняющих наши неудачи и нынешнее затруднительное положение нашего отечества, естественно возникает в сердце каждого русского». На вопрос «благоприятствует ли развитию духовных и вещественных сил России нынешнее устройство разных отраслей нашего государственного управления?» Валуев отвечал: «Отличительные черты его заключаются в повсеместном недостатке истины, в недоверии правительства к своим собственным орудиям и в пренебрежении ко всему другому. Многочисленность форм подавляет сущность административной деятельности и обеспечивает всеобщую официальную ложь. Взгляните на годовые отчёты. Везде сделано всё возможное; везде приобретены успехи; везде водворяется, если не вдруг, то по крайней мере постепенно, должный порядок. Взгляните на дело, всмотритесь в него, отделите сущность от бумажной оболочки, то, что есть, от того, что кажется, правду от неправды или полуправды, - и редко где окажется прочная, плодотворная польза. Сверху блеск, внизу гниль. В творениях нашего официального многословия нет места для истины. Она затаена между строками; но кто из официальных читателей всегда может обращать внимание на междустрочия!»¹

Из Лондона добровольный изгнанник А.И. Герцен написал 10 марта 1855 г. горячее письмо императору: «Государь! Дайте свободу русскому слову. Уму нашему тесно, мысль наша отравляет нашу грудь, она стонет в цензурных колодках. Дайте нам вольную речь... Нам есть, что сказать миру. Дайте землю крестьянам – она и так им принадлежит. Смойте с России позорное пятно крепостного состояния, залечите синие рубцы на спине наших братьев».

По случаю своей коронации 26 августа 1856 г. Александра II дал амнистию декабристам, участникам Польского восстания 1830-1831 гг., петрашевцам - всего освобождалось 9 тыс. человек. Были сняты многие запреты, ослаблена цензура, ликвидированы военные поселения (1857). Важным признаком открытости России стало облегчение выезда её граждан за границу (при Николае I цена заграничного паспорта достигала 500 рублей, что было равносильно запрету выезда за границу). В результате число выехавших за рубеж в 1856–1859 гг. возросло в 4,5 раза (с 6 тыс. до 26 тыс. в год). Кроме того, на шесть лет были прекращены рекрутские наборы, прощены недоимки, смягчены судебные приговоры.

Наконец, Александр II отменил закон, по которому дети солдат уже с семи лет поступали на службу кантонистами, отрывались от отцов и матерей и всю жизнь должны были служить в солдатах. Отменив этот закон, монарх позаботился об этих детях и велел по-прежнему выдавать им продовольствие и учредить военные школы, куда дети могли поступать по собственному желанию, а не по принуждению. В результате более 400 тысяч малолетних детей было возвращено к своим родителям, и каждый мог заниматься, чем сам пожелает.

Все эти щедрые царские милости вызывали тогда горячий энтузиазм в обществе. Многое менялось вокруг. Л.Н. Толстой, вспоминая эти годы, писал: «кто не жил в пятьдесят шестом году в России, тот не знает, что такое жизнь». Менялась нравственная атмосфера в обществе. Как остроумно заметил один иностранный наблюдатель, в таком государстве, как Россия, вся администрация «ориентируется на личность монарха, и тон, задаваемый сверху, проникает до самых низших ступеней общественной лестницы. Администрация вся целиком перенимает у царя характерные черты, склад, все, вплоть до внешних признаков. При жизни императора Николая царил всеобщий тон деспотической суровости. Все лепилось по образу и подобию господина. Каждый полицейский подражал его голосу,

¹ Цит. по: Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 305.

старался перенять его походку, его манеры. Николай находил удовольствие в подавлении малейшего признака независимой мысли, в выслушивании всевозможных доносов... У Александра не было ни вкуса, ни сноровки для всеобщего инквизиторства. Однажды знаменитый доносчик представил ему донос: царь приказал выдать ему 25 рублей и разорвал донос. Полиция, видя, что нет никакой надобности в излишнем рвении, стала проявлять сдержанность»¹.

Стремясь придать привлекательный облик России в глазах европейского общественного мнения, и для того чтобы знакомить Европу с истинным положением дел в России, стремясь, по словам Ланского, «к уничтожению неосновательных, ложных понятий о нашем отечестве», в середине 1855 г. создается новое заграничное издание – газета «Le Nord» в Бельгии. Вскоре последовал циркуляр начальникам губерний с указанием поддерживать распространение «столь полезного издания».

---

¹ Шарль де Мазад. Россия при императоре Александре II // Дело Чернышевского. Сб. документов. Саратов, 1968. С. 560.

II. ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА

1. Подготовка крестьянской реформы

Главным препятствием на пути реформирования страны оставалось крепостное право. Сегодня ряд исследователей считает, что крепостническая система не исчерпала свои резервы, не обнаруживала явных признаков скорого своего краха и развала, и ещё могла существовать. Однако надо помнить, что, во-первых, крепостное право диктовало стране крайне замедленные темпы развития. В 1830-1840-е гг. в России начался промышленный переворот – переход от мануфактуры к фабрике. Его нормальное развитие тормозилось слабым притоком на фабрики свободной рабочей силы. Большинство вольнонаемных работников были оброчными помещичьими или государственными крестьянами, ещё не полностью порвавшими с землей. Промышленности нужны были постоянные квалифицированные рабочие. Во-вторых, помещичьи хозяйства в целом развивались не за счёт вложения капитала и развития техники, а за счёт усиления эксплуатации «живой собственности» – крестьян. Большинство помещичьих хозяйств применяли барщину: на ней было занято около 70% всех крепостных крестьян. Резервы роста на этом пути были исчерпаны. Крепостные всё более тяготились работой на барщине, стараясь как можно меньше тратить на неё свои силы. По словам современника, такой крестьянин приходит на работу «сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работает сколь возможно меньше – ему не дело делать, а день убить». Серьезные трудности переживали и оброчные имения. Показателем упадка помещичьих хозяйств был и рост задолженности помещиков кредитным учреждениям и частным лицам. Если в начале XIX в. помещики заложили в различных кредитных учреждениях 5% крепостных крестьян, а к 30-м годам – 42%, то к 1859 г. уже 65%, т.е. более 2/3 крепостных крестьян. Такие дворяне – помещики жили в долг, а сумма долга этим учреждениям достигла астрономической величины — 425 млн рублей, что в два раза превосходило годовой доход в бюджете страны.

Многие помещики разорились, более 12% дворян-помещиков, преимущественно мелкопоместных, продали свои имения. Другие, по свидетельству князя В.П. Мещерского, после Крымской войны устремились за рубеж, где просаживали огромные суммы, вместо того, чтобы вкладывать их в производство.

В-третьих, крепостное право было безнравственно. В большинстве стран Европы феодальные отношения были к этому времени ликвидированы. На мирных переговорах в Париже по инициативе Наполеона III утвердилась точка зрения, что Россия не будет считаться вполне европейской державой, пока крепостное право не будет уничтожено. Отменяя крепостное право, самодержавие вынуждено было идти против воли большей части помещиков – дворян, полагавших, что ликвидация их власти над крестьянами неминуемо приведет к «уничтожению дворянства».

Впервые о необходимости отмены крепостного права Александр II официально заявил 30 марта 1856 г. представителям московского дворянства. Вот те его слова, которые разнеслись по всей России: «Я узнал, господа, что между вами разнеслись слухи о намерении моем уничтожить крепостное право... Конечно, вы и сами знаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу. Прошу вас, господа, думать о том, как бы привести это в исполнение. Передайте слова мои дворянству для соображения»¹. Эта речь царя, по словам Д.А. Оболенского, «замутила общество», дав ещё один толчок росту либеральных настроений. Надеясь на новую пугачевщину, Александр II надеялся, что дворяне откликнутся на призыв царя. Но этого не случилось. Царя поддерживала только либеральная часть помещиков, хозяйство которых было сильнее других втянуто в рыночные отношения. За 1856–1859 гг. ими было представлено более сотни различных проектов крестьянской реформы.

Между тем 3 января 1857 г. состоялось первое заседание очередного Секретного комитета по крестьянскому делу (девять комитетов существовали в николаевское время) под председательством князя А.Ф. Орлова «для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян». Открывая заседание в своем кабинете, Александр II подчеркнул, что «крепостное сословие почти отжило свое время», и объявил свое решение: приступить постепенно к освобождению в России крепостных крестьян. Однако работа двигалась медленно, многие члены комитета были противниками освобождения крестьян, готовые затян timer подготовку реформы. Император проявлял нетерпение. Он ждал, что помещики сами проявят свою инициативу в деле подготовки реформы. Александру II удалось организовать обсуждение предстоявшей реформы на местах.

---

¹ Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 238.

Первыми изъявили на это согласие помещики трех западных («литовских») губерний – Виленской, Ковенской и Гродненской. В ответ 20 ноября 1857 г. последовал царский рескрипт виленскому генерал-губернатору В.И. Назимову с разрешением дворянству трёх западных губерний приступить к выработке условий освобождения своих крестьян. Рескрипт Назимову сначала держался в секрете: с текстом его конфиденциально были ознакомлены лишь губернаторы, которые должны были побудить дворян своих губерний также проявить инициативу в деле подготовки реформы. В официальной прессе рескрипт Назимову был опубликован 24 декабря 1857 г. В результате под таким неприкрытым нажимом верховной власти помещики вынуждены были откликнуться на призыв царя. В течение 1858 г. в 45 губерниях, в которых находились помещичьи крестьяне, были созданы дворянские губернские комитеты по подготовке местных проектов освобождения крестьян. В их составе работало около 1,5 тыс. человек. Опасаясь произнести слово «освобождение», правительство официально называло их «губернскими комитетами об улучшении быта помещичьих крестьян». Любопытно отношение Александра II к губернским комитетам. В ноябре 1858 г. он писал брату Константину Николаевичу: «Хотя большого прока от них не ожидаю, но все-таки можно будет воспользоваться хорошими мыслями, которые можно надеяться найти, если не во всех, то по крайней мере в некоторых из них».

Восторженно отнеслась к опубликованию рескриптов либеральная интеллигенция обеих столиц. В Москве она устроила «общественный банкет, где произносились речи, весьма сочувственные Александра, и который окончился горячей овацией перед портретом государя»¹.

С опубликованием рескриптов и началом деятельности губернских комитетов подготовка крестьянской реформы стала разрабатываться в обстановке гласности. В связи с этим Секретный комитет 16 февраля 1858 г. был переименован в «Главный комитет по крестьянскому делу», а его председательское место занял убежденный сторонник освобождения крестьян великий князь Константин Николаевич. Летом и осенью 1858 г. Александр II предпринял поездку по России, в ходе которой в Вологде, Твери, Костроме, Нижнем Новгороде, Владимире, Москве, Смоленске и Вильне заявлял о своей бесповоротной решимости освободить крестьян и призывал дворян поддержать готовящееся преобразование. Дворянские губернские комитеты свои предложения по крестьянской реформе нап-

---

¹ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 212.

равляли в Петербург. 19 февраля 1859 г. для их рассмотрения и составления подробного проекта закона об освобождении крестьян были образованы *Редакционные комиссии*. Кроме видных чиновников различных министерств и ведомств, в состав комиссий вошли так называемые члены-эксперты из помещиков (21 чел.), среди которых выделялись своим либеральным образом мыслей: Г.П. Галаган, В.В. Тарновский, Ю.Ф. Самарин, князь В.А. Черкасский. Среди членов-экспертов были представители и от науки: Н.Х. Бунге – ректор Киевского университета и П.П. Семенов, будущий Тянь-Шанский, статистик. Общее руководство редакционными комиссиями осуществлял генерал-адъютант, граф Я.И. Ростовцев. Он много сделал для создания здоровой нравственной атмосферы и творческой обстановки.

Свидетельство современника. Вспоминает член комиссий от министерства юстиции Николай Петрович Семенов: *4 марта 1859 г. по приглашению Ростовцева собрались 10 членов Редакционных комиссий. В квартире Ростовцева, которую он занимал на Васильевском острове, «всех приезжавших принимала супруга его, Вера Николаевна... Сначала отслушали молебен, с коленопреклонением, о благополучном начинании дела и его совершении... Всякое стеснение и принуждение с самого начала были изгнаны из собрания. Подавали чай, курили, и беседа шла свободно». На первом, вечернем, заседании, которые стали традиционными, Ростовцев сказал, что «вначале мы должны спеваться некоторое время, пока приедут наши товарищи, члены-эксперты, опытные помещики, это для нас очень важно». Завершил он вступительную речь словами: «мы приступаем к делу щекотливому. Мы можем быть разных мнений и взглядов. Между нами могут произойти горячие и раздражительные споры и несогласия, а потому мы все должны заранее простить друг другу огорчения, если бы у нас вышло что-нибудь неприятное, и я первый теперь же прошу у всех вас прощения, если бы неумышленно, хотя одним словом, кого-нибудь обидел»¹.*

Правой рукой Я.И. Ростовцева в Редакционных комиссиях был товарищ (заместитель) министра внутренних дел Н.А. Милютин. «Честный кузнец-гражданин», как назвал его Н.А. Некрасов, неразрывно связал своё имя с великим делом крестьянской реформы. Н.А. Милютин много сделал для того, чтобы направить работу комиссий в либеральное русло.

---

¹ Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу Н.П. Семенова. Т. 1. СПб., 1889. С. 76-77.

После смерти Ростовцева 6 февраля 1860 г. (перед смертью он сказал Александру II: «государь... не бойтесь») именно Н.А. Милютин фактически возглавил комиссии, стал главным двигателем реформы. Поддерживала императора и реформаторов и тетка царя великая княгиня Елена Павловна, которая первая в 1859 г. отпустила на волю с землей 15 тыс. своих крепостных, живших в её обширном поместье Полтавской губернии (12 сел и деревень под общим названием «Карловка»), предоставив им на выкуп часть состоящей в их пользовании земли. В помощь себе она пригласила Н.А. Милютина, который и составил план освобождения крестьян.

Основой для работы редакционных комиссий была новая программа освобождения крестьян, разработанная под руководством всё того же Н.А. Милютина. Вот её основные положения: 1) освободить крестьян с землей; 2) окончанием освобождения считать выкуп крестьянами у помещиков своих наделов в собственность; 3) оказать содействие крестьянам в выкупной операции кредитом, гарантиями или финансовыми операциями государства; 4) избежать по возможности регламентации срочнообязанного периода или сократить переходное состояние; 5) барщину ликвидировать законодательным путём через три года переводом крестьян на оброк; 6) дать самоуправление освобожденным крестьянам¹.

Редакционные комиссии за год и семь месяцев провели 409 заседаний. На протяжении всего этого времени члены комиссий работали не покладая рук. Они рассмотрели свыше 1 тысячи различных проектов. Это был титанический труд – собрание материалов, рассмотренных Редакционными комиссиями, составило 35 обширных томов. Если в Редакционных комиссиях ведущую роль играли образованные и дальновидные чиновники и эксперты (учёные, статистики, экономисты), сумевшие придать подготовительному процессу гласность и обеспечить участие в нём общественных сил, то в губернских комитетах крепостники были в большинстве. Например, из 46 тыс. помещиков 13 центральных губерний только 12,6 тыс. выразили согласие на «улучшение быта» своих крестьян. М.Е. Салтыков-Щедрин, в то время вице-губернатор Рязанской губернии, замечал: «Рвения к освобождению крестьян не заметно никакого, а напротив, слышен повсюду плач и скрежет зубовой»². Реформаторы твёрдо придерживались идеи освобождения крестьян с землей за выкуп. За это помещики-

---

¹ Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. М., 1993. С. 217-218.

² Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. Соч. Т. 18. Кн. 1. М., 1975. С. 199.

крепостники называли их «красными», обвиняли «в желании обобрать дворян», Н.А. Милютин даже вызывали на дуэль.

В этих условиях Александр II проявил необыкновенную настойчивость. В октябре 1860 г. Редакционные комиссии были закрыты царем, а выработанный ими проект поступил в Главный комитет, который возглавил брат царя великий князь Константин Николаевич. Он обеспечил в целом успешное прохождение либерального проекта Редакционных комиссий. С конца января 1861 г. крестьянский вопрос обсуждался в Государственном совете, где консервативный лагерь располагал большинством. Однако государь считал дело решённым и повелел закончить его рассмотрение к середине февраля. В Государственном Совете многие сановники выступили против предложенного проекта редакционных комиссий. Однако Александр II проявил решительность и утвердил мнение меньшинства.

19 февраля 1861 г., в шестую годовщину своего вступления на престол, император Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права в России, «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» и ещё 16 законодательных актов, органично связанных с первым «Положением», которые разъясняли условия освобождения крестьян.

2. Обнародование Манифеста 19 февраля 1861 г. в Петербурге

Однако обнародовать эти документы правительство решилось не сразу. Дело в том, что с 26 февраля на Руси была масленица – пора, когда весь простой люд пьёт и гуляет. Власти опасались, что, узнав в праздничные дни под пьяную руку о содержании царской воли, народ взбунтуется. Кроме того, задержка вызывалась необходимостью напечатать известное количество экземпляров этих документов. По свидетельству современников слухи о том, что скоро «дадут волю» в народе ходили давно. В первый раз это случилось в самом начале 1857 года, когда по Петербургу неожиданно распространился слух о том, что в Сенате продают указ о вольности крестьян. На самом деле 31 декабря 1856 г. вышел и поступил в продажу сенатский указ со следующим мудрёным заголовком: «По вопросу о порядке совершения записей на увольнение помещиками крестьян в звание государственных крестьян, водворённых на собственных землях». Народ бросился к Сенатской типографии и в течение трёх дней осаждал её до тех пор, пока полиция не приняла меры к наведению порядка. Указ перепродавали в мелочных лавках и цена за него доходила до трёх рублей

серебром. Множество экземпляров было послано из Петербурга крестьянами во внутренние губернии, и долго ещё о нём толковали в деревнях. Многие дворовые в столице «положительно уверяли, что они сделались вольными, и о том объявляли своим господам»¹. Министр юстиции граф Панин пришёл из-за этого происшествия в ярость и распорядился, «чтобы впредь никакие указы не продавались без особого на то разрешения». В самом Петербурге около 150 человек, задержанных за «беспорядок», было предписано подвергнуть телесному наказанию².

В «Материалах для истории упразднения крепостного состояния», составленных сенатором Д.П. Хрущовым, рассказано о том, как один петербургский извозчик на вопрос клиента, скоро ли будет манифест об освобождении, ответил: «Нет, должно быть не скоро, разве Гарибалдов не придет ли пособить»³. «Если Гарибалка не придёт, ничего не будет», - говорил в Петербурге другой крестьянин одному из товарищей Петра Кропоткина, толковавшему своему собеседнику из народа, что скоро «дадут волю»⁴. Известность Гарибальди среди народа объясняется просто – во многих магазинах на Невском проспекте были вывешены его портреты.

Тревога и страх охватили перед 19 февраля многие семьи столичных дворян-помещиков. «Умы в сильном напряжении по случаю крестьянского дела... В народе возбудилась мысль, что его обманывают... Опасаются тревог и вспышек... Что-то зловещее чувствуется в атмосфере. Дай бог, чтобы всё прошло благополучно», – записал в своем дневнике 18 февраля профессор петербургского университета А.В. Никитенко⁵. Боялись возникновения стихийных манифестаций, волнений, бунта, пьяных погромов. В 1910 г. современник событий Н.Н. Фирсов вспоминал: «Ныне, на расстоянии полувека, паника, господствовавшая и в провинции, и в столицах по поводу объявления воли царя, кажется почти невероятной... Конечно, были разумные, вдумчивые люди, которые считали боязнь нелепостью, но они были в меньшинстве... Чем выше был слой общества, тем страх ощущался сильнее»⁶. По свидетельству сенатора К.Н. Лебедева, этот страх доводил

¹ Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Т. 1., Берлин, 1860. С. 120.

² На заре крестьянской свободы // Русская старина. 1897. № 10.

³ Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Т. 2., Берлин, 1862. С. 178

⁴ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 128.

⁵ Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 242.

⁶ Фирсов Н.Н. (Рускин Л.) Силуэты времени реформ // Исторический вестник. 1910. № 2. С. 487.

«до соглашений о соединении в этот день нескольких семейств вместе, до перемены замков и запоров и до заготовления оружия на случай нападения»¹. Многие из поместных дворян бросали в те дни свои усадьбы и стекались в города, а иные бежали даже за границу.

Опасаясь народного восстания 19 февраля, в день ожидавшейся, но необъявленной свободы, правительство предприняло накануне ряд предупредительных мер. Войскам в столице выдали боевые патроны, в боевую готовность привели артиллерию, офицерам приказали не отлучаться круглосуточно из казарм. Полиция приказала дворникам следить за тем, чтобы во дворах и на улице не собиралось более трёх человек, и подслушивать, не говорит ли кто об освобождении помещичьих крестьян. В ночь с 18 февраля и весь следующий день никого в Петербург из окрестных селений не впускали. Наконец, в каждом полицейском участке было заготовлено несколько возов розог. Когда полицейских спрашивали, зачем им столько много, они шепотом отвечали: «Для сечения дворовых людей, которые перестанут слушать своих господ». По слухам, предполагалось закрыть на три дня все кабаки, но «откупщики на это не согласились»².

Сам Александр II также принял меры безопасности – по настоянию шефа жандармов князя Долгорукова он ночевал не в своей спальне, а на другой половине Зимнего дворца. У одного из подъездов дворца, на случай необходимости, для царя держали наготове верховых коней.

Между тем день 19 февраля 1861 года в Петербурге прошел спокойно, буднично. «Сегодня, вместо ожидаемых демонстраций и даже волнений, ничего кроме грязи и ям на улицах», – записал в своем дневнике П.А. Валуев³. «Всё спокойно. Никто и не думает шалить», – вторил ему писатель В.Ф. Одоевский⁴. Крепостной люд, в массе своей не знавший о правительственной суеде и не читавший газет, чутко прислушивался к уличным разговорам, стараясь уловить главное – не дают ли волю? Вскоре после 19 февраля общая молва стала утверждать, что манифест о воле будет объявлен 12 марта – в первое воскресенье великого поста. В итоге в Петербурге и Москве о реформе было объявлено 5 марта, в так называемое прощёное воскресенье – в первый после масленицы трезвый день.

В этот день с утра на всех перекрестках главных улиц Петербурга и у входных дверей каждого полицейского участка было наклеено печатное

¹ Из записок сенатора К.Н. Лебедева. 1861 год //Русский архив. 1911. Кн. 1. Вып. 1. С. 103.

² Записки современника о 1861 г. //Красный архив. 1926. Т. III (16). С. 127–131.

³ Валуев П.А. Дневник. Т. 1. М., 1961. С. 71.

⁴ Дневник В.Ф. Одоевского. 1859–1869 гг. //Литературное наследство. 1935. № 22–24. С. 129.

объявление военного генерал-губернатора об окончании крестьянского дела. Дворники стали разносить в каждый дом, где были крепостные, отпеча-танные экземпляры манифеста и Положения об устройстве быта дворо-вых людей. По традиции многие петербуржцы в этот день посетили церкви, где по окончании обедни священники читали манифест.

По единодушным свидетельствам современников, никаких проявлений народного восторга от вышедшей воли 5 марта замечено не было. На лицах крестьян, слушавших чтение манифеста в церквях, было заметно какое-то недоумение, вроде вопросительного знака, какое-то притупленное выражение чего-то выжидательного: «что-то, мол, будет?»¹. Будущий литературный критик, а тогда студент А.М. Скабичевский, присутствовал на богослужении в одной из церквей, и, наблюдая за выражением лиц и прислушиваясь к разговорам простонародья, он «не только не заметил ни малейших восторгов и ликований, а, напротив того, поражен был полным равнодушием и безучастием к тому, что ... произошло». Люди «выходили из церкви, машинально крестясь, как всегда, и разговаривали о своих мелких будничных делишках, и никому, казалось, в голову не приходило, что – «порвалась цепь великая»...»².

Такая реакция народа объясняется просто. Во-первых, манифест был составлен московским митрополитом Филаретом столь замысловатым и напыщенным языком, что мужики сразу и не поняли: дана ли кому воля или нет. Отставной чиновник, один из корреспондентов «Колокола», «воль-нодумец» Э.П. Перцов спрашивал в тот день многих извозчиков, читали ли они манифест, и один из вариантов ответа был такой: «Как же, принялся, было читать, да что-то в толк ничего не взял, так и не дочёл, ведь всё это для господ писано, а не для нас»³. Во-вторых, некоторые чесали затылок и думали, а надолго ли эта свобода; да и будет ли лучше и легче, чем теперь? И, наконец, в третьих. Народ ждал, что освобождение крестьян будет объявлено при звоне колоколов в церквях, что царь выедет на Дворцовую площадь и сам объявит волю и т.п. Словом, народ ждал торжества. А так случилось все довольно буднично. В прежние годы манифесты о рекрутских наборах производили больше впечатления и толков.

Однако будет несправедливо утверждать, что народ в этот день безмолвствовал. Когда в разных местах стали читать манифест – как правило, один читал, а остальные слушали – то, по свидетельству Валуева, «во-

¹ Из воспоминаний Г.Д. Щербачева //Русский архив. 1891. Кн. 1. Вып. 1. С. 76.

² Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М.-Л., 1928. С. 142.

³ Записки современника о 1861 г. //Красный архив. 1926. Т. III (16). С. 145.

ображение слышавших и читавших преимущественно остановилось на двухгодичном сроке, определенном для окончательного введения в действие уставных грамот и окончательного освобождения дворовых»¹. Другой очевидец, профессор Петербургского университета А.В. Никитенко, запомнил, как один из грамотных, дочитав до места, где говорилось, что «два года дворовые должны ещё оставаться в повиновении у господ, с негодованием воскликнул: - Чёрт дери эту бумагу! Два года – как бы не так, стану я повиноваться!»². Петербургский писатель Н.А. Лейкин приводит такой случай. С ним в доме по соседству жил чиновник – поляк, который держал крепостных повара и кучера. Тотчас же после прочтения манифеста они от него убежали, и он долго не мог их найти³.

Другим было настроение образованного общества. «Новая эра», «великий день», – с таких слов 5 марта начинаются дневниковые записи многих современников. Главный лейтмотив всех высказываний – Россия вступает в новую светлую, так много обещающую в будущем жизнь. В этот день представители общества пили шампанское, провозглашая тосты за здоровье государя и его сподвижников. В семейном кругу торжественно читали манифест. Знакомили с ним своих дворовых людей. Гуляли по городу, чтобы, как выразился Никитенко, «слиться с обновлённым народом»³. Вечером во всех театрах исполняли гимн, публика кричала «ура!» и хором пела «Боже, царя храни!».

Сам Александр II днём присутствовал на традиционном разводе в Михайловском манеже, где после завершения военной церемонии объявил офицерам об окончании крестьянского дела. Известие было встречено восторженными криками «ура!». На обратном пути император проезжал мимо Царицына луга, где гуляющая публика, завидев царя, бросала шапки вверх и вновь кричала «ура!».

По словам М.П. Погодина, царь испытывал в этот день великую радость. «Сегодня – лучший день моей жизни! – говорил Александр II. – Он плакал, и смеялся, и деточек целовал, и близких обнимал, спрашивал, рассказывал. Окружавшие диву давались, глядя на него. Машенька дочка побежала к своей образной, вынула образочек Благовещения и принесла ему в подарок на память о дне крестьянского освобождения»⁴. В следую-

¹ Валуев П.А. Дневник. Т. 1. М., 1961. С. 80.

² Никитенко А.В. Записки и дневник. Т. 2. М., 2005. С. 245.

³ Лейкин Н.А. Мои воспоминания //Н.А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб., 1907. С. 117.

⁴ Цит. по: Толмачев Е.П. Александр II и его время: В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 173.

щее воскресенье, 12 марта, тысяча крестьян, фабричных и ремесленников, отслужив литургию в Александро-Невской лавре, отправились с женами и детьми к Зимнему дворцу благодарить своего царя – Освободителя. Царь вышел к ним. Крестьяне пали на колени и со слезами на глазах поднесли ему на серебряном блюде хлеб-соль. Поблагодарив народ, император произнес короткую речь, завершив её словами: «Это дело было начато еще моим родителем, но он не успел его кончить при своей жизни. Мне пришлось, с помощью Бога, совершить оное дело для блага вашего»¹.

3. Основные положения крестьянской реформы

«Положения 19 февраля 1861 г.» распространялись на 44 губернии Европейской России, в которых насчитывалось 22563 тыс. крепостных и 543 тыс. приписанных к частным заводам и фабрикам. Главным содержанием крестьянской реформы была отмена крепостного состояния, как официально именовалось право собственности помещика на крестьян. Теперь крестьян нельзя было продавать, дарить, проигрывать в карты, менять на собак, закладывать, ссылат в Сибирь или избивать по приказу помещика. Помещичьи крестьяне объявлялись лично свободными и становились юридическими лицами. Это означало, что теперь они могли на своё имя заключать различные сделки, открывать торговые и промышленные заведения. Помимо этого, крестьяне, «как свободные сельские обыватели», по собственному желанию могли участвовать в органах общественного самоуправления, переходить в другие сословия (мещанские, купеческие и др.), отлучаться с места своего жительства, поступать на военную службу и в «общие учебные заведения».

В основе реформы лежал принцип постепенности. Полное освобождение крестьяне получали не сразу. В Манифесте объявлялось, что крестьяне в течение двух лет (до 19 февраля 1863 г.) обязаны были отбывать, по сути дела, те же самые повинности, что и при крепостном праве. Отменялись лишь особо ненавистные крестьянам так называемые «добавочные сборы» натурой: яйцами, грибами, маслом, льном, холстом, шерстью. Обычно вся тяжесть таких сборов «столовых запасов» ложилась на женщин, поэтому их отмену крестьяне метко окрестили «бабьей волей».

Свидетельство современника. Калужский губернатор В.А. Арцимович для оглашения и объяснения крестьянам важных статей

¹ Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 304; Дучинский Н.П. Великая крестьянская реформа при царе-освободителе. СПб., 1911. С. 87-88.

«Положений 19 февраля 1861 г.» направил в уезды своей губернии 167 «вестников воли» из числа своих подчиненных. Одним из них был Н.В. Сахаров, который оставил яркие воспоминания об этих событиях. Он писал, что крестьяне приняли его вежливо, но проявили «поразительную сдержанность». Когда же речь зашла об отмене прав помещиков на получение с крестьян «столовых запасов», женщины выказали заметную радость. Одна из них, «не молодая уже, видимо, разбитная, тётка Лукерья, не выдержала и с радости, очевидно, не доверяя себе, спросила у меня:

– Что же, теперь и курочку отдавать господам шабаиш?

– Теперь уж шабаиш!

– И яички шабаиш?

– И яички шабаиш!

– И тальки прять на господ шабаиш?

– И тальки шабаиш!

– И ягоды и грибы собирать для господ шабаиш?

– Да, всё шабаиш.

– А когда же шабаиш?

– А вот с этой минуты всё и шабаиш. Вчера еще можно было, а вот сейчас уж нельзя.

– Значит, как лето придёт, можно уж не ходить по грибы и по ягоды на господ?

– За деньги отчего же, ходи себе, или если будет твоя добрая воля.

– Да ты не нарочно?

– Нет, взаправду. Вот в этой законной книге написано.

– И, бабочки милые! Что ж это такое к нам привалило! – воскликнула радостно тётка Лукерья, обернувшись к женщинам. – Значит, нашей Александре Сергеевне вот теперь что!

– И она бесцеремонно послала масляный шиш по направлению к барскому двору».

Её сразу же «осадили» и выругали мужчины, а один «обозвал её балалайкой», но она не смутилась и бойко крикнула: «Я теперь вольная!»¹.

Кроме того, помещикам запрещалось переводить крестьян в дворовые. В барщинных имениях размеры барщины сокращались с 135-140

¹ Филд Д. 1861: «Год юбилея» // Великие реформы в России. 1856–1874: Сборник. М., 1992. С. 73-74.

дней тягла¹ в год до 70, сокращалась подводная повинность (подвода – конная повозка).

За два года, начиная с 19 февраля 1861 г., должны были быть составлены *уставные грамоты*, которые определяли конкретные условия освобождения крестьян, фиксировали размеры надела и объём повинностей. Уставные грамоты заключались не с отдельными крестьянами, а с «миром», т.е. с сельским обществом из всех крестьян того или иного помещика. С момента принятия уставных грамот крестьяне переводились на положение «*временнообязанных*» по отношению к помещику, т.е. они обязаны были платить ему оброк – от 8 до 12 руб. за полный душевой надел, и обрабатывать барщину до момента перехода на *выкуп*. После выкупа они именовались крестьянами-собственниками.

Выкупная операция была организована следующим образом. Около четверти суммы стоимости земли крестьянин должен был единовременно уплатить помещику. Остальную сумму (75-80 %) помещик получал от государства, а крестьянин погашал свой долг в казну в течение 49 лет. Эти условия больше всего устраивали государство, которое получило с крестьян намного больше, чем уплатило помещикам, т.к. выкуп рассматривался как «суда» крестьянину, взыскиваемая по 6 % в год. В результате до 1 января 1907 г., когда правительство было вынуждено объявить о прекращении выкупных платежей, крестьяне внесли более 1,5 млрд. рублей при рыночной оценке земли около 550 млн. рублей. При этом помещики не получили общую сумму выкупа, так как из неё были удержаны их долги государственным кредитным учреждениям в размере 262 млн руб. остальную сумму дворяне получили не живыми деньгами, а ценными бумагами с постепенным их погашением также в течение 49 лет.

Период перехода от повинностей на выкуп не был твердо установлен положением, и он растянулся с 1863 до 1883 г. (закон 1881 г. установил обязательность перехода на выкуп для всех помещичьих имений). К этому времени на положении временнообязанных оставалось 15% бывших помещичьих крестьян внутренних губерний.

Крестьяне получали в постоянное пользование усадьбу и полевой надел (за исключением тех, кто не имел земли до реформы) сначала за повинности, а потом за выкуп. Ранее крестьяне могли только пользоваться наделом, передавать его по наследству, но полным собственником всей земли считался помещик.

---

¹ Тягло в XVIII-XIX вв. – единица обложения государственными и помещичьими повинностями, обычно один крепостной и одна крепостная составляли одно тягло.

Величина земельных наделов устанавливалась для каждой местности с учётом различных факторов. Средний размер «душевого» надела составил 3,3 десятины (1 десятина = 1,09 га). Если дореформенный земельный крестьянский надел превышал пореформенный, то излишек отходил помещику (т.н. «отрезки»). Реформа сохранила помещичье землевладение с таким расчётом, чтобы переданной крестьянам земли не хватало и они вынуждены были обращаться за ней к помещикам. В итоге, у 10 млн. бывших крепостных осталось 33,7 млн. десятин, у 100 тыс. помещиков – 69 млн. десятин.

Дворовые слуги, которых было 1,5 млн., т.е. 6,5% помещичьих крестьян, выходили на волю без выкупа только через два года. При этом они не получали ни усадьбы, ни полевого надела, ни какого бы то ни было вознаграждения за их труд на помещика.

Однако реформа не создала слоя собственников, поскольку купленная у помещиков земля становилась не частной собственностью крестьянина, а неполной собственностью *сельской общины* (земля не подлежала купле и продаже). Выкупные платежи и все подати крестьяне платили сообща – общиной (миром). Каждый крестьянин был «приписан» к своей общине и без согласия «мира» не мог из нее выйти. В деревне создавалось крестьянское самоуправление — волостное и сельское с выбранными крестьянами из своей среды должностными лицами, сходами, с крестьянским волостным судом.

Непосредственное практическое проведение реформы ложилось на *мировых посредников*. Основной их задачей было правильное составление уставных грамот между помещиками и крестьянами. Мировые посредники назначались из числа местных потомственных дворян и имели значительную власть над крестьянами: они осуществляли надзор за сельским самоуправлением, утверждали избранных должностных лиц – волостного старшину, сельского старосту и др., при необходимости наказывали их, отрешали от должности. В губерниях число мировых посредников в среднем составляло от 30 до 50. Мировой участок состоял из 3–5 волостей. В июле 1861 г. в 44 губерниях страны действовало 1714 мировых посредников и 444 мировых съезда¹. В первом составе мировых посредников активно трудились Н.И. Пирогов, Л.Н. Толстой, П.Н. Обнинский, Братья Н.А. и А.А. Бакунины, бывшие декабристы А.Е. Розен, Г.С. Батеньков и др.

---

¹ Толмачев Е.П. Александр II и его время: В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 178.

4. Реакция крестьян на реформу 1861 г.

Реакция крестьян на свое освобождение не была одинаковой. Хотя слухи о воле ходили давно, многие восприняли царский указ с недоверием. К тому же манифест был так замысловато написан московским митрополитом Филаретом, что Лев Толстой заметил: «Мужики ни слова не поймут, а мы ни слову не поверим».

Помещичьи крестьяне, которые были крепко связаны с землей, ждали, конечно, не такого освобождения. Крестьяне были убеждены, что земля, как воздух или вода, принадлежит Богу или царю, остальные же люди её у них арендуют. По справедливости первенство среди таких временных хозяев должно принадлежать тем, кто обрабатывает землю, трудится на ней. Поэтому селяне мечтали о «золотой грамоте», царском манифесте, который отдал бы им всю землю, причем без выкупа. Крестьяне полагали, что «воли без земли не бывает», Манифест 1861 г. был воспринят ими как фальшивка, изготовленная помещиками, подделавшими волю «царя-батюшки».

Документ. Еще накануне крестьянской реформы, 9 февраля 1861 г. посол Англии в России сэр Джон Ф. Крамpton отправил в Лондон донесение, в котором он провидчески сообщал: «Крестьяне в целом, однако, с нетерпением хотят получить обещанное освобождение. Это правда, что их понимание свободы туманно и обычно включает в себя ожидание свободного вступления во владение землей, которую они сейчас обрабатывают, помимо освобождения от принудительного труда. Когда условия, неизбежно ограничивающие этот дар, будут введены в действие правительством, следует, однако, опасаться, что возникнет большое разочарование и будет трудно убедить их, что великодушные намерения самодержца исполнятся совершенно честно. Это чувство в сочетании с их общей неприязнью и недоверием к правительственным чиновникам могут открыть богатый источник для конфликтов»¹.

Так и случилось. Воспоминания современников рисуют многочисленные картины всеобщего разочарования и возмущения крестьянской массы. Во многих селах под влиянием различных «толкователей» манифеста вспыхнули бунты. Только с января по май 1861 г. произошло 1340 массовых крестьянских выступлений, а за весь 1861 год – 1859 волнений

---

¹ Родина. 2011. № 5. С. 93.

крестьян, почти половину из них (937) удалось подавить только с помощью войск¹.

Историк Е.П. Толмачев приводит другие сведения. Согласно официальным данным Министерства внутренних дел только весной и вначале лета 1861 г. (до вступления в должности мировых посредников) произошло 647 значительных волнений и беспорядков крестьян, большая часть которых была подавлена при содействии военной силы. Всего же за два года (с 1861 по 1863 гг.) произошло 1100 волнений крестьян. В большинстве случаев эти волнения не представляли опасности для «общественного порядка и спокойствия» ни упорством сопротивления, ни стойкостью крестьян².

Большой резонанс приобрело выступление крестьян в селе Бездне Спасского уезда Казанской губернии. Местный житель раскольник Антон Петров (Антон Петрович Сидоров) давал свое толкование «Положения». Он утверждал, что воля дана царём ещё в 1858 г., что всякая работа на господ прекращается, а вся земля отходит крестьянам бесплатно. «Помещичьи земли, - убеждал он, - горы да доли, овраги да дороги и песок да камыш, лесу им ни прута. Переступит он шаг с своей земли – гони добрым словом, не послушался – секи ему голову, получишь от царя награду». Агитация Антона Петрова имела огромный успех. В село Бездна бежались крестьяне из 75 сел и деревень. Бунтовщики отказались подчиняться властям, прогнали исправника и предводителя дворянства. Перед объявлением манифеста во все губернии были посланы генерал-адъютанты с отрядами солдат и казаков. 12 апреля 1861 г. в Бездну ступили две роты Тарутинского полка под командованием генерал-майора графа А.С. Апраксина.

Документ. Из рапорта свитского генерал-майора А.С. Апраксина Александру II о волнениях крестьян в Спасском уезде и о расстреле их в с. Бездне: «Впереди нас почти что на конце улицы, около дома Антона Петрова и во всю ширину оной, стояла сплошная масса, числом до 5000 человек. Подойдя на расстояние 180 шагов, остановил команду и для первого увещевания послал 2 адъютантов губернатора, которых слова только старались заглушить криком «воля, воля». Адъютанты возвратились, предупредив крестьян, что если они не выдадут Антона Петрова и не разойдутся по своим домам, то по ним будут стрелять; тогда послал я священника, который с крестом

¹ Федоров В.А. История России. 1861–1917: Учеб. для вузов. М., 2000. С. 36; История России. XIX век: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. Ч. 2. М., 2001. С. 37-38.

² Толмачев Е.П. Александр II и его время. В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 199-200.

в руках увещевал их долго и говорил, что если не повинуются, то чтобы расхотелись, иначе будут стрелять; они и после этого увещания священника продолжали свои крики. Тогда я сам, подъехав к толпе, объяснил им возложенное на меня поручение и приказывал выдать Антона Петрова или разойтись, но ничто не могло подействовать на ужасное упорство и убеждение этих людей; они кричали: «Нам не нужно посланного от царя, но самого царя давай нам; стреляйте, но стрелять вы будете не в нас, а в Александра Николаевича». Тогда заставил я их замолчать и сказал им: «Жаль мне вас, ребята, но я должен и буду стрелять; те, которые чувствуют себя невиновными, удалитесь». Но, видя, что никто не уходит и толпа продолжает кричать и упорствовать, я отъехал и приказал одной шеренге сделать залп, после которого снова было сделано увещание, но толпа все то же кричала; тогда я вынужден был сделать несколько залпов; к этому побудило меня более то, что крестьяне, заметив значительный промежуток между залпами, начали в большом количестве выходить из дворов с криком за кольями и угрожали окружить и задавить малочисленную мою команду»¹.

Антон Петров сдался, «неся Положение о крестьянах над головою». Итог расправы в Бездне: по официальным данным было убито 55 и ранен 71 человек. По сообщению врача, лечившего раненых, общее число жертв превышало 350 человек. 19 апреля Антон Петров был публично расстрелян. Наиболее активные крестьяне были наказаны розгами и приговорены к тюремному заключению.

Расстрел безоружных крестьян вызвал возмущение демократической интеллигенции в России и за границей. В Казани студенты университета и Духовной академии во главе с молодым профессором истории Щаповым отслужили демонстративную панихиду «за свободу убиенным» крестьянам села Бездна. Когда весть об этом пришла в Петербург, то Александр II приказал монахов, которые служили эту панихиду, сослать в Соловки, а Щапова выслать в столицу. Когда же до Лондона дошли вести о расправе флигель-адъютантов А.С. Апраксина и А.М. Дренякина над восставшими безоружными крестьянами Бездны и Кандеевки, Герцен откликнулся серией гневных статей в «Колоколе» под характерными названиями: «12 апреля 1861 года. Апраксинские убийства», «Русская кровь льется», «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ».

---

¹ Крестьянское движение в России в 1857-1861 гг. М., 1963. С. 354.

В Пензенской губернии в восстании приняло участие более 17 тыс. человек. В Кандеевке Керенского уезда Пензенской губернии ежедневно собиралось до 10 тыс. крестьян, которые, по свидетельству жандармского офицера, неустанно твердили, что «не станем более работать барину, а хоти платить оброк царю». Среди восставших выделялись влиятельные лидеры: Леонтий Егорцев и 72-летний отставной солдат Елизаров, называвший себя графом Толстым. Они не только толковали «Положения» в духе крестьянских чаяний, но и были организаторами массового неприятия «увещательных усилий» свитского генерала Дренякина, 19 апреля в Кандеевке против крестьян, имевших на «вооружении» только колья и вилы, были брошены две роты солдат. «Все до одного умрём, но не покоримся», – кричали крестьяне после первых выстрелов. «За Бога и за царя умрём все до одного», – ответили они на клятву Дренякина, что он правильно толкует «высочайшие дарованные крестьянам права». Согласно сохранившимся ведомостям, было убито 11, ранено 31, 165 наказано шпицрутенами и розгами, много сослано в Сибирь. Адъютант Дренякина Худяков, описавший картину свирепой расправы, свидетельствовал, что секли так, что «ключьями летело живое мясо». «Ну что! Каешься ли? Пойдешь ли теперь на работу?» – спросят мужичка, спина которого представляла одну бесформенную массу, из которой торчали куски прутьев, врезавшихся в тело. Несчастный во время приостановки только вздохнет как будто посвободнее и произнесет: «На работу не пойду. Дорезывайте меня». И снова льется кровь без стопа, без вопля»¹.

Крупные выступления произошли также в Подольской, Смоленской, Виленской, Ковенской, Черниговской губерниях, где участвовало много тысяч крестьян.

Документ. «Манифест о воле», обнаруженный в мае 1861 г. в Лебединском уезде Харьковской губернии. (В начале мая 1861 г., во время восстания 5-ти тысяч крестьян с. Терны был схвачен отставной унтер-офицер П. Приходько, читавший бунтовщикам этот «Манифест о воле»). «Апрель 1861 г.

Статья 1. Е[го] и[мператорское] в[еличество] объясняет: любезные мои дети, что я вам посылаю свою благодать. Не слушайте ни панов, ни попов, они вас будут обманывать, а найдите себе благодетельного человека, он вам прочтёт мою милость правильно и вы ему заплатите с души по копейке серебром. Слушайте, что он будет

---

¹ Крестьянское движение в России в 1857–1861 гг. М., 1963. С. 424, 432, 549.

читать, так и делайте, если будут насылать на вас чиновников, бейте, держитесь кучей, не выдавайте из себя и того, кто будет читать, и каким-нибудь способом приходите ко мне и правы будете.

Статья 2. Работать на барщине мужикам два, а женщинам один день с тягла, земля помещичья отдается вся крестьянам, помещикам оставляется очерета (камыш, тростник), болота, чтобы было где гнездиться, как чертям...

Статья 3. Во время жатвы на работу к помещикам не ходить, пусть собирает хлеб со своим семейством, что соберет, то и его, а если будет оставаться несобранный хлеб, то собрать миром и миром разделиться.

Статья 4. Податей и повинностей пять лет никаких не платить, государь прощает.

Статья 5. Помещик должен пахать на своем участке сам сохой, и если не умеет направить сохи, то крестьянин, который тут случится, и пан его будет просить, должен направить, но не смеяться...

Статья 8. Помещику оставляется земли пахотной участок на его семью такой же, как и мужику, а больше ничего»¹.

Чтобы положить конец слухам о земельном переделе Александр II 15 августа 1861 г. объявил собравшимся в Полтаве крестьянским волостным старостам: «Ко мне доходят слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будет, как та, которую я вам дал. Исполняйте, чего требуют закон и Положение! Трудитесь и работайте! Будьте послушны властям и помещикам». Через 15 месяцев император произнес похожую речь на собрании крестьянских представителей. Затем она была зачитана во всех уездах и, по сообщению главы III отделения, «положила конец ложным надеждам»².

Некоторые крестьяне боялись потерять заступника в лице «добробога барина», боялись остаться один на один с государством, чиновниками.

Свидетельство современника. Из воспоминаний профессора С-Петербургского университета А.В. Никитенко: «18 августа 1861 г. Сегодня я говорил со старостой о тех важных выгодах, которые дарованы ныне крестьянам вместе со свободой. Я не убедил его. Он слушал меня, повесив голову, и твердил, что до сих пор им было хорошо,

---

¹ Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи. М., 1994. С. 263–264.

² Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 309; Крестьянское движение в России в 1861–1868 гг. С. 553.

а теперь ещё бог знает, что с ними будет. Я указывал ему на одно из важнейших преимуществ нового порядка вещей — что у них будут свои суды, что они сами будут выбирать свое начальство, и не будут зависеть ни от чьего произвола. На это староста мой возражал одно, что всё это поведет только к обременению их, что до сих пор они благодарили бога за свое житье и молили за свою помещицу. В заключение он сослался на казённых крестьян, и тут-то я понял причину его страха. Здешние крестьяне думают, что отныне у них всё будет так, как у казенных, следовательно, они от сносной, в данном случае, зависимости от помещика перейдут к гораздо более тяжкой зависимости от чиновников. Вот что наводит на них панический страх. Русский чиновник — ужасная личность. Что будет впереди — ещё неизвестно, и до сих пор он был естественный злейший враг народного благосостояния»¹.

Были недовольные и среди дворовых, т. е. тех, кто составлял прислугу помещика и его дома. Теперь им предстояло самостоятельно решать свою судьбу. Большинство крестьян не знало как распорядиться этой «странной» свободой.

5. Значение крестьянской реформы

Закон 19 февраля 1861 г. отменил крепостное право в России, но крестьяне не получили полного освобождения. Реформу подвергали критике и справа, и слева. Манифест об освобождении крестьян сначала был восторженно воспринят А.И. Герценом. «Александр II сделал много, очень много; его имя теперь уже стоит выше всех его предшественников... — писал Герцен в «Колоколе», — мы приветствуем его именем Освободителя». Но уже вскоре Н.П. Огарев поместил в «Колоколе» статью с критическим анализом царской реформы под выразительным названием «Разбор нового крепостного права, обнародованного 19 февраля 1861 года в Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». В конце её он сделал вывод: «Старое крепостное право заменено новым. Вообще крепостное право не отменено. Народ царём обманут».

Понимая всю тяжесть экономических условий освобождения крестьян, либеральные чиновники исходили из интересов государства, не видя иного варианта реформы. Поэтому реформа стала результатом компро-

---

¹ Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 273–274.

мисса между помещиками, крестьянами и правительством. Причём интересы помещиков были максимально учтены, так как иного пути освобождения крестьян, по-видимому, не было. Радикальный вариант реформы с передачей всей земли крестьянам означал бы уничтожение дворянства и неминуемо вел к разрушению государства. В то время именно представители дворянства лучше других социальных групп (сословий) были подготовлены к управлению государством.

Главные недостатки реформы заключались в следующем:

1. Крестьяне не получили достаточно земли. У них даже отняли пятую часть земли («отрезки»), которой они пользовались до реформы. Поэтому крестьяне вынуждены были арендовать дополнительные участки у помещиков, прежде всего пастбища, водопои и т.п.

2. Сохранялись различные формы полукрепостнической зависимости крестьян от помещиков, во-первых, в виде барщинных и оброчных повинностей и, во-вторых, за арендованную у помещиков землю крестьяне из-за отсутствия денег обрабатывали на помещичьих полях.

3. Высокие выкупные платежи препятствовали развитию крестьянского хозяйства. К тому же они оказались значительно выше первоначально намеченной суммы.

4. Освободившись от помещика, вчерашние крепостные оказались в плену общины, которая сдерживала развитие инициативы, самостоятельности в крестьянском хозяйстве. Оставалась круговая порука – коллективная ответственность общины за уплату налогов каждым её членом.

Но и для помещиков освобождение крестьян стало великим бедствием, потому что реформа подрывала два столпа самодержавной монархии: жесткую иерархию сословий и материальное благополучие дворянства, как опоры трона. Как писал Н.А. Некрасов, «Порвалась цепь великая, //Порвалась – расскочилась:// Одним концом по барину, //Другим по мужику!..» Теперь помещики должны были приспособливаться к новым обстоятельствам, учиться вести собственное хозяйство в условиях рынка, не надеясь на дармовую рабочую силу. Однако многие помещики не были готовы к таким переменам – веками предпринимательская деятельность считалась среди них чем-то постыдным и недостойным звания дворянина. Поэтому значительную часть своей земли дворяне-помещики сдавали в аренду крестьянам или проматывали деньги, имения и уезжали в город.

Свидетельство современника. Князь В.П. Мещерский, публицист, внук историка Карамзина вспоминал о «золотом дожде», что пролился на русское дворянство в те годы: «Зима 1864 года была

веселая, как сезон, зима... Тогда начался разгар эпохи выкупных свидетельств... В каждую семью, в каждый дом свалились с неба крупные тысячные суммы в виде выкупных свидетельств..., и вот эти-то выкупные продавались и превращались в капиталы, на которые одни бросились в заграничные поездки, а другие стали жить очень роскошно в Петербурге и в Москве. Замечательно было, что только меньшая часть тогда владельцев выкупных, ввиду низкой их цены, решилась выжидать повышения цен; большая же часть с изумительной легкостью бросилась их реализовывать...

Итальянская опера в Большом театре и французский спектакль в Михайловском театре никогда не представляли на моей памяти такого блестящего бельэтажного бомонда, как в эту зиму... Это были феерические выставки великолепнейших туалетов и фамильных драгоценных камней. Балы поражали своей роскошью... Улыбки сияли на всех устах, ...на деле, после выкупной операции, начался исторический процесс разорения дворянства...»¹.

И всё же по своему влиянию на будущее развитие России это была прогрессивная, действительно Великая реформа, как называли её выдающиеся русские историки и экономисты. Крестьянская реформа явилась шагом вперед в деле модернизации страны. Она ознаменовала начало новой России, выраставшей из крепостнической эпохи. Крестьянская реформа стала только началом целой серии глубочайших преобразований.

---

¹ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 261.

III. РЕФОРМЫ В ОБЛАСТИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

1. Подготовка земской реформы

Реформа местного управления логически вытекала из крестьянской реформы. Существовавшая в России с 1785 г. система местного самоуправления охватывала лишь дворянство и состоятельные слои городской администрации. По мере того, как разрушался сословно-крепостнический строй, всё яснее становилась непригодность административного и земско-хозяйственного механизма дореформенного времени. В условиях интенсивного развития товарно-денежных отношений строго централизованная старая система управления оказывалась несостоятельной. В новых условиях она была просто неспособной более или менее сносно заниматься проблемами, связанными с жизнью широких народных масс, поскольку свои обязанности чиновники сводили к решению трех проблем – сбору налогов, комплектованию армии и борьбе с политическими преступниками. До таких дел, как народное образование, здравоохранение, ветеринария, агрономия, руки у них не доходили. Н.В. Шелгунов говорил, что в России «земство явилось не в виде уступки каким-то мечтательным либеральным требованиям, а как следствие признанной правительством необходимости. Это простой вопрос разделения труда и неизбежный выход из того затруднения, в котором почувствовало себя правительство»¹. Дело в том, что после 19 февраля 1861 г. 23,1 млн крепостных крестьян оказались на воле. Ранее их делами ведали помещики. В новых условиях необходимы были новые принципы уклада сельской жизни, иной механизм управления местными делами.

Работы по преобразованию местного управления начались вскоре после того, как были сделаны первые шаги для проведения крестьянской реформы. В марте 1859 г., из представителей министерств внутренних дел, государственных имуществ и юстиции была создана комиссия для выработки положений «О хозяйственно-распорядительном управлении в уезде» под председательством товарища министра внутренних дел Н.А. Милютина. Комиссия пришла к выводу: ведение местных дел следует передать выборным учреждениям. Состоялось царское повеление приступить к выработке именно такого закона. При обсуждении реформы главное внимание общества сосредоточивалось около двух вопросов: о роли дворянства

---

¹ Веселовский Б.Б. История земств за сорок лет. Т. III. СПб., 1911. С. 1-2.

в будущих органах самоуправления и в связи с этим – на вопросе о цене, а во-вторых, на политическом значении грядущей реформы. В течение 1862-1863 гг., когда выработывалась земская реформа, по этим двум вопросам велись самые горячие дебаты.

По вопросу о «самоупразднении дворян» наметились три течения. И.С. Аксаков полагал, что настало время, когда русское дворянство, как таковое, должно прекратить существование. «В земстве, – писал он, – мы видим или скоро увидим два начала, две бытовые стихии: начало общины... и начало личного поземельного владения. Других делений нам не предвидится. Взаимный союз этих двух стихий, чуждых замкнутости, их искреннее сближение... могли бы служить залогом богатого будущего развития». Он советовал русским дворянам «проникнуться сознанием, что дальнейшее существование дворянского сословия, как сословия, невозможно». Дворяне-землевладельцы должны войти «в класс личных землевладельцев, вполне равноправных между собою»; этот класс, в свою очередь, «не должен иметь никаких преимуществ перед общинниками-землевладельцами»¹.

Несколько позже, 6 января 1862 года, Аксаков формулировал свою мысль ещё ярче. «Дворянство, – писал он, – должно единодушно заявить правительству и ходатайствовать, чтобы дворянству было позволено торжественно, пред лицом всей России, совершить великий акт уничтожения себя, как сословия». Этим оно «стяжало бы русскому дворянству почётное место в истории, право на народную благодарность и славу великого нравственного исторического подвига».

Против точки зрения славянофила И.С. Аксакова решительно выступил Б.Н. Чичерин. Последний держался того взгляда, что «при настоящем положении вещей, пока крестьянское дело не разрешено окончательно..., вопрос о положении дворянства и об отношении его к другим сословиям представляет интерес чисто теоретический». Вместе с тем Чичерин не отрицал того, что у нас со временем разовьётся «третье сословие», в ряды которого вступит большинство дворянства и которое получит руководящее значение в земской жизни².

Взгляды Чичерина встречали полное сочувствие в высших сферах и в частности со стороны П.А. Валуева. Poleмика о «самоупразднении» дворянства привлекла серьёзное внимание правительства и оно поспешило

---

¹ Веселовский Б.Б. История земств за сорок лет. Т. III. СПб., 1911. С. 23.

² Там же. С. 23-24.

положить конец «превратным толкованиям». Уже в начале 1862 г. в «Северной Почте» появилось правительственное сообщение, в котором говорилось: «в некоторых статьях развивается мысль, что с отменой крепостного права русское дворянство утратило отдельное значение в ряду государственных сословий и само должно заявить об этой утрате. Подобные статьи не выражают мысли правительства, не согласны с точным смыслом новых узаконений и не соответствуют правильному развитию проистекающих от них последствий»¹. Другим пунктом споров всякий раз оставалась та самая линия разграничения, которая отделяла хозяйственные дела губерний и уездов от политических, общегосударственных вопросов.

До самого последнего момента никто не мог с уверенностью сказать, какой окончательный вид примет закон о земстве. На содержании закона в значительной степени отразилась борьба, которая шла вокруг теоретических концепций местного самоуправления. Из всех концептуальных конструкций, существовавших тогда в Западной Европе, российские реформаторы выбрали две – общественную и государственную. Первая из них рассматривала местное самоуправление в виде общественной организации, имевшей свои финансы, фонды оплаты труда и поощрения сотрудников, систему самоконтроля и прочее, то есть функционировавшей независимо от государственной власти. Вторая оценивала органы местного самоуправления как часть государственной системы, которая действовала под контролем административной власти и находилась на полном содержании правительства. Первый председатель комиссии товарищ министра внутренних дел Н.А. Милютин склонялся к первой точке зрения. Он и его либеральные сторонники рассчитывали, что в будущем земство послужит настоящей школой «политического воспитания» для крестьянства. Сменивший Н.А. Милютина министр внутренних дел П.А. Валуев был сторонником государственной теории. Борьба между сторонниками разных концепций к моменту принятия закона не была закончена, и это обстоятельство отразилось на всей системе земского самоуправления, которое, по словам правоведа Н.М. Коркунова, «оказалось поэтому проникнутым дуализмом».

В конце концов император Александр II потребовал, чтобы разработка закона была завершена. Сам он при разрешении возникших разногласий в большинстве случаев отдавал предпочтение либеральным мнениям. Император согласился с расширением круга полномочий земских

---

¹ Веселовский Б.Б. История земств за сорок лет. Т. III. СПб., 1911. С. 25.

учреждений, но вместе с тем сделал и некоторые уступки консервативной партии – дворянские предводители становились председателями земских собраний. На ведомости Государственного Совета, обсуждавшего проект закона о земских учреждениях, Александр II начертал: «Требую, чтобы дело это было кончено до 1 января 1864 г.».

2. Права и обязанности земств

Указом от 1 января 1864 г. в России вводилось «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». Как говорилось в объяснительной записке, закон был принят с тем, чтобы поставить «предел возбужденным по поводу образования земских учреждений несбыточным ожиданиям и свободным стремлениям разных сословий». Земства учреждались как всесословные выборные органы местного самоуправления в губерниях и уездах. Избирательная система строилась по принципу имущественного ценза. Все избиратели делились на три курии: земледельческая, городская и сельских крестьянских обществ. В первую курию входили все землевладельцы уезда, имевшие не менее 200 десятин земли или другого недвижимого имущества стоимостью до 15 тыс. руб., а также лица, располагавшие годовым доходом до 6 тыс. рублей. Во вторую – городскую – курию входили купцы, владельцы торговых и промышленных заведений в городах с годовым доходом свыше 6 тыс. руб., а также владельцы недвижимой собственности на сумму от 500 до 4 тыс. руб. Крестьянская курия состояла из представителей сельских обществ, главным образом крестьянства. Имущественного ценза курия не имела. Однако если по первым двум куриям выборы были прямыми, то по третьей – многостепенные: от каждого сельского общества избирались представители на волостные сходы, которые избирали выборщиков, а последние уже избирали гласных в уездные земские собрания. Закон разрешал крестьянским выборщикам избирать гласных от других сословий. В то же время, закон запрещал крестьянам избирать гласными городских жителей – правительство ограждало деревню от вредного влияния «просвещенного» общества.

Выборы в земства производились каждые три года. После избрания гласных уездные земские собрания чаще всего собирались осенью. Обычно на них председательствовали уездные предводители дворянства. В подавляющем большинстве случаев количественный состав уездных земских собраний колебался от 20 до 60 человек. Гласных приводили к при-

сяге, и начиналось обсуждение вопросов местной жизни. Заседания проходили открыто, и в зале мог присутствовать каждый, кто желал послушать выступления ораторов. Уездное земское собрание составляло и утверждало бюджет, расписывало земские повинности и избирало из своей среды губернских гласных: от 6 уездных – одного губернского. Кроме того, в состав губернских земских собраний входили предводители дворянства и председатели управ всех уездов, а также 2–3 чиновника от казенных и удельных имений. Таким образом, в губернских собраниях гласных было больше. Например, в Полтавском и Тамбовском было по 100 гласных, в Курском и Харьковском – по 95, Московском и Черниговском – по 93. Значительно меньше было гласных в Вологодском земском собрании – 36, Вятском – 35, Олонецком – 15 и т.д. Губернские собрания созывались один раз в год, чаще всего в декабре, но могли созываться и чрезвычайные собрания. Председателем был губернский предводитель дворянства.

Земские собрания были распорядительными органами земств. Для выполнения текущей работы земские собрания избирали исполнительные органы – земские управы из трёх человек: председателя и двух членов. Иногда разрешалось увеличивать количество членов уездных управ до четырех, а губернских – до шести. Гласные, занявшие должности председателей губернских управ, утверждались министром внутренних дел, а уездные – губернатором. Ему же принадлежало право утверждать членов губернской и уездных управ.

В земских учреждениях, помимо помещиков, состоятельных горожан и крестьян, заметную роль играла интеллигенция. Она осуществляла функции служащих. Слой служащих увеличивался из года в год и со временем достиг внушительных размеров, далеко превысив число выборных сотрудников. В период максимального развития земской деятельности на каждого гласного в среднем приходилось до 50 служащих: статистиков, инженеров и техников, секретарей, бухгалтеров, заведующих отделами, учителей, врачей, ветеринаров, агрономов, страховых агентов и т.д. Им принадлежало видное место в практической хозяйственно-культурной сфере земских учреждений. За свой труд они получали жалованье из земского бюджета. Гласные же, за исключением председателя и членов управ, работали безвозмездно.

Однако ведущей силой в земствах были помещики. На это и рассчитывали авторы реформы. 2 августа 1859 г. министр внутренних дел С.С. Ланской в докладе императору говорил: «Дабы вознаградить дворян за потерю помещичьей власти, им следует предоставить первенство в местной хозяй-

ственной администрации»¹. Авторы реформы узаконили такую систему выборов, которая обеспечивала преобладание в них дворянства – «первого сословия» империи, хотя удельный вес дворян в общем составе населения был очень низким. Так, по статистике 1863 г., в 49 губерниях и областях европейской части России, где в основном и действовало земство, потомственные дворяне составляли менее 1%. А по отдельным губерниям картина была такой: в Санкт-Петербургской губернии – 2% (это главным образом беспоместное чиновное дворянство), Смоленской – 1,5%, Калужской, Тамбовской, Тверской, Ярославской – 0,3%, Вологодской – 0,14%, Вятской – 0,005% от численности населения.

Таблица 1

Состав гласных уездных земских собраний, избранных в 1865-1867 гг.

<i>Сословие</i>	<i>Число гласных</i>	<i>%</i>
Дворяне	4962	41,64
Духовные лица	774	6,50
Купцы	1242	10,42
Мещане	54	0,45
Крестьяне	4581	38,45
Другие сословия	302	2,53
Всего	11915	100,0

Таблица 2

Состав гласных уездных губернских собраний, избранных в 1865-1867 гг.

<i>Сословие</i>	<i>Число гласных</i>	<i>%</i>
Дворяне	1524	74,2
Духовные лица	78	3,8
Купцы	225	10,95
Мещане	11	0,5
Крестьяне	217	10,6
Всего	2055	100,0

Примечание: Источник - *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. СПб., 1911. Т.3. С. 49.

Вместе с тем в ряде губерний, там, где отсутствовало или было слабо развито помещичье землевладение, в земских собраниях получили преобладание крестьяне. Так произошло в Вятской, Пермской, Вологодской,

¹ Цит. по: Герасименко Г.А. История земского самоуправления. Саратов, 2003. С. 15.

Олонецкой губерниях, в некоторых уездах. От крестьян избирались, прежде всего, сельские старосты и волостные старшины, как того и требовал проект «Положения о земских учреждениях».

Принятие «Положения о земских учреждениях» не означало одновременную и повсеместную организацию местного самоуправления. Согласно закону, земства избирались только в 34 из 50 российских губерний. Целые крупные регионы страны были лишены земских учреждений: в Архангельской, Астраханской и Оренбургской губерниях, в Сибири (где не было помещичьего землевладения). По разным причинам не были введены земства в Литве, Белоруссии, на Кавказе, Средней Азии и Казахстане. Введение земских учреждений началось через год после утверждения закона. В 1865 г. – начали работу земские учреждения в 19 губерниях, в 1866-1869 гг. – в 12 губерниях, а к концу 70-х – в остальных. Итак, за 11 лет земства были созданы в 34 губерниях исключительно европейской части России.

Закон наделил земства правами юридического лица: они могли действовать от своего имени, распоряжаться имуществом, выступать в судах в качестве истца или ответчика и т.д.

Земства получили также право для покрытия своих расходов облагать жителей налогами. В 1864 и 1865 гг., когда первые земские собрания решали этот вопрос, каких-либо сведений о доходности недвижимых имуществ не существовало. Чтобы получить эти данные, земские служащие должны были провести огромную работу. Но как только земства приступили к определению доходности предприятий и торговых заведений, на них посыпались жалобы фабрикантов и торговцев. Тогда правительство запретило облагать доходы от торговли и промыслов. Основную часть поступлений земства получали от налогов на недвижимое имущество: земель, лесов, доходных домов, фабрик, заводов. Однако главным объектом обложения оказались земли и леса, которые составляли в 1868 г. 75%, а в 1880 г. – более 50% всех земских доходов. Причём большая часть земских налогов падала на крестьянские земли. Частновладельческие угодья по качеству обычно были лучше надельных, тем не менее из-за эгоистичной политики помещиков, получивших преобладание в земских собраниях, эти земли облагались более низкими сборами. В частности, в 1885 г. с каждой десятины помещичьей земли в земскую кассу поступило 12,9 коп., а с надельной – 17,7 коп.

Помещичий характер земской налоговой политики сохранялся до Февральской революции, хотя расходы земств из года в год росли: в 1876 г. по

34 губерниям они составили 30,5 млн руб., а в 1880 г. – 36 млн, в 1885 г. – 43 млн.¹

Земские сборы расходовались на содержание земских должностных лиц и служащих, а также на исполнение возложенных на земство обязанностей. Этих средств не хватало для удовлетворения даже минимальных местных потребностей. Увеличение земских сборов было обременительным для населения. Поэтому из-за нехватки денежных средств большую роль в земской деятельности приобрели частная инициатива, благотворительность, меценатство и т.п.

3. Деятельность земств

Круг деятельности земств был строго ограничен. Закон отводил им решение вопросов исключительно местного хозяйства. Власти строго следили за тем, чтобы деятельность земств не выходила за очерченные рамки. Постановления земств, заключения займов, проекты смет, избрание на должности – все это рассматривалось и утверждалось министром или губернатором. Только за период с 1864 по 1890 г. МВД издало 13 томов правительственных распоряжений по земским делам, имевшим характер подзаконных актов. Не удивительно, что многие писатели и публицисты того времени довольно скептически оценивали жизнеспособность земств. Например, писатель М.Е. Салтыков-Щедрин считал, что земству власти отвели роль «пятого колеса в колеснице государственного механизма».

И, тем не менее, несмотря на все ограничения земства показали себя вполне жизнеспособными учреждениями. Они занимались разнообразной деятельностью. Согласно закону, земские функции делились на обязательные и необязательные. В первую группу попали дела, которые, строго говоря, никакого отношения к местному хозяйству не имели, но они нужны были правительству, а потому для земских учреждений считались обязательными. К таким обязанностям относились: содержание арестантских помещений и квартир для чинов полиции, этапная повинность, устройство и ремонт больших дорог, выделение подвод для разъездов полицейских, жандармов и других государственных чиновников, содержание мировых посредников и судей. Более половина средств из бюджета земств шло на обязательные расходы. К необязательным была отнесена работа по оказанию врачебной помощи населению, организации народного

---

¹ Герасименко Г.А. История земского самоуправления. Саратов, 2003. С. 18-19.

образования, точнее, его хозяйственной части (наем помещений для школ, их отопление, обеспечение учебниками и материалами, содержание учителей), созданию ветеринарной службы, содействию сельскому хозяйству, устройству дорог, почты, содержанию больниц и богаделен, ремонт мостов и дорог (дороги, даже в местностях, прилегающих к столице, были в «плачевном состоянии»), продовольственная помощь населению.

По сравнению с царской бюрократией земства были теснее связаны с народом и через выборных гласных, и через многочисленных служащих, чаще всего разночинцев, выходцев из средних и низших слоев населения. Немаловажную роль играл тот факт, что на выборах в земские собрания обычно проходили либеральные (по терминологии того времени, кающиеся) помещики, осознавшие прогрессивность капиталистического строя.

Одним из главных направлений в деятельности земств была статистика. Причинами её возникновения послужили споры и конфликты, возникшие из-за оценки недвижимого имущества. Земствам в силу необходимости пришлось заняться описанием имуществ и определением доходности фабрик, заводов, домовладений, земель, лесов и прочих угодий. Первоначально такую работу пытались провести силами членов земских управ. Но это им оказалось не по плечу. Пришлось привлечь специальный штат земских служащих. Впервые это сделала Вятская губернская управа в 1879 г. Со временем статистика получила другое предназначение: она должна была изучать крестьянскую жизнь во всех её проявлениях. Первые статистические бюро возникли при Московской, Тверской, Херсонской, Черниговской управах. К началу 1880-х годов статистики имелись в 20 земствах из 34¹. За два первых десятилетия статистики описали 3,5 млн крестьянских дворов и 38 млн десятин земли². Эти сведения были использованы не только для определения земского налога. Они легли в основу многих социально-экономических исследований крестьянского хозяйства.

Многие земские статистики принимали активное участие в общественной жизни, были членами народнических организаций, поэтому власть строго контролировала их деятельность. Во второй половине 80-х годов, в обстановке «ревизии» реформ, земская статистика прекратила свое существование. Но уже через несколько лет правительство ощутило недостаток точных сведений о народном хозяйстве. В 1893 г. появился закон, обязывающий земства возобновить статистические работы. Более того,

---

¹Земское самоуправление в России, 1864–1918. Кн. 1. М., 2005. С. 305.

²Герасименко Г.А. История земского самоуправления. Саратов, 2003. С. 23-24.

правительство стало ежегодно выделять на земскую статистику до 1 млн. руб. Вырос спрос на профессию статистика. Однако жизнь у статистиков была нелегкая, т.к. губернские власти относились к ним настороженно. Как писал «Вестник Европы», статистика «испытала на себе все превратности, с которыми вообще приходилось иметь дело земским управам. Её подозревала и ограничивала администрация, против неё открывались походы в самих земских собраниях; статистические работы обрекались на сожжение; статистические бюро то закрывались, то открывались вновь; в земских статистиках одни видели пионеров нового метода, другие – опасных агитаторов, которых не следует допускать в деревню»¹.

В 70-х годах в культурно-хозяйственной деятельности земств центральное место занимал вопрос о народном образовании. В первые годы земства расходовали на школы очень мало денег. В земских кругах существовало мнение, что сельская школа не чисто земское дело и максимум того, что можно было делать для школ, – это оказывать им посильную материальную помощь. Подобно тому, как правительство не считало своей обязанностью содержание начальных школ, так и земства полагали, что открытие школ и забота о них – прямая обязанность сельских обществ. Инициатива открытия учебных заведений, предоставления помещения, мелкий ремонт и затраты на оплату отопления, освещения и найм сторожей первоначально почти целиком относились на счёт частных благодетелей или крестьянских общин. На ранних этапах земства ассигновывали средства лишь на зарплату педагогам. Такое отношение к народному образованию соответствовало духу и букве закона о земских учреждениях, в котором говорилось лишь об «участии, преимущественно в хозяйственном отношении... в попечении о народном образовании».

Со временем отношение земств к народному образованию стало меняться. Многим было очевидно, что поголовная неграмотность населения стала серьезным тормозом на пути капиталистического развития страны. С момента возникновения земских школ начальная школа прекращала существование при церкви, волостном правлении, помещичьей конторе или съезжей избе, как это было в дореформенный период; школа превращалась в самостоятельное учреждение, финансируемое земствами.

Справка. *В общем бюджете земств расходы на школу постоянно росли: если в 1868 г. на народное образование было ассигновано только 528 тыс. рублей, то уже через 10 лет, в 1878 г., расходы всех зем-*

---

¹ Вестник Европы. 1898. Кн. 3. С. 439.

ств на образование составляли в сумме 4 386 тыс. руб., или 14, 5%. К 1900 г. расходы удвоились и достигли 17,6%¹. В 1880 г. земству принадлежало 12821 школа, считавшихся лучшими, что составляло 45% всех начальных школ. По свидетельству А. Титова, с 1863 по 1880 г. земством было открыто 78,5% всех существующих школ². К 1911 г. в России насчитывалось 35 тыс. земских школ³. За этот же период земства подготовили на свои средства 45 тыс. учителей.

По подсчётам Б.Б. Веселовского, если в конце 1870-х годов крестьяне оплачивали около 45% всех затрат на начальное образование, то в конце 1880-х годов эта величина уменьшилась до 30% и к началу XX в. составила около 5%⁴. Максимальные расходы земств приходились на зарплату педагогам (около 55–60% от общих затрат). Земская интеллигенция, приобщавшая к культуре и грамоте деревенских ребят, получала небольшие деньги. В конце XIX века среднегодовая зарплата земского учителя составляла 270 руб., учительницы – 252 руб. В большинстве губерний жалование педагогам выплачивалось в пределах от 200 до 300 руб., хотя в Херсонском и Таврическом земствах учителя получали свыше 360 руб. в год, причём до половины служащих имели вознаграждение более 500 руб. Повышенный размер заработной платы в этих губерниях, очевидно, должен был компенсировать недостаток квалифицированных кадров. К основному окладу во многих земских губерниях выплачивались «прибавки», размер которых определялся в зависимости от образовательного ценза педагога, его стажа и семейного положения. Как правило, приплаты увеличивались через каждое пятилетие службы на 50–100 руб. И максимальный размер жалования устанавливался за выслугу сроком в 10–15 лет⁵.

Из-за недостатка земских средств материальная база народных школ оставляла желать лучшего. В результате учителям нередко приходилось решать весь спектр проблем – от обеспечения школ дровами и устройства форточек до закупки учебников и прописей.

В первой половине 70-х годов ряд земств высказались за введение всеобщего начального обучения, но их инициатива была парализована Министерством народного просвещения в лице яростного «охранителя» прежних порядков Д.А. Толстого, возглавлявшего это ведомство.

---

¹ Звягинцев Е.А. Полвека земской деятельности по народному образованию. М., 1915. С. 54.

² Титов А.А. Реформы Александра II и их судьба. М., 1910. С. 175.

³ Звягинцев Е.А. Полвека земской деятельности по народному образованию. С. 52.

⁴ Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. СПб., 1909. Т. 1. С. 471.

⁵ Земское самоуправление в России, 1864–1918. Кн. 1. М., 2005. С. 379–380.

Земские школы на селе стали лучшими в стране начальными учебными заведениями, в которых получили образование 2 млн детей. Учащимися школ в основном являлись крестьянские дети 8–11 лет. Выходцев из среды мещан и духовенства было крайне мало (не более 3–5%). Обучались преимущественно мальчики, так как в женском образовании крестьяне не видели практической пользы.

Другой отраслью земского дела была медицина. До введения земств в Российской империи, по данным Медицинского департамента МВД (1856), в 54 губерниях насчитывалось 494 больницы в губерниях и уездах, находящиеся в ведении приказов общественного призрения. Пропускная способность больниц, ввиду малочисленности коек, была невелика (в 1856 г. через все больницы, по официальным данным, прошли 312 423 человека, из которых умерли 31 995, т. е. каждый десятый больной)¹.

***Справка.** До введения земских учреждений медицинская помощь сельскому и городскому населению лежала на различных ведомствах. Больницы в уездных и губернских городах находились в ведении приказов общественного призрения, созданных еще при Екатерине II. Сельское население медицинской помощью практически не пользовалось в связи с тем, что больницы имелись только в городах. Формально медицинской помощью в селениях государственных и удельных крестьян ведало ведомство государственных имуществ и уделов; затем к устройству медицинской части так или иначе были привлечены: фабрики и заводы, горное ведомство (например, в Пермской губернии), правление военных поселений и т.п. Наконец, кое-где оказывали медицинскую помощь врачи и фельдшера, содержащиеся на счёт помещиков, по доброму их желанию. С отменой крепостного права крепостное население было лишено в большинстве случаев и этой ничтожной помощи. Тогда обычным явлением были такие страшные заболевания, как холера, оспа, чума, венерические болезни.*

Усилиями земских врачей и фельдшеров в российской глубинке начал повышаться уровень медицинского и ветеринарного обслуживания. Хотя в первое время и в этой области земства действовали весьма робко в силу тех же факторов, которые влияли на развитие народного образования. Статьи на здравоохранение в земских бюджетах росли медленно. В 1868 г. более 50 уездных собраний вообще не выделяло никаких средств на медицину. Однако постепенно и в этой сфере народной жизни наметились

---

¹ Земское самоуправление в России, 1864–1918. Кн. 1. М., 2005. С. 400.

сдвиги. После введения земских учреждений правительство передало им 351 лечебное заведение; в них можно было поместить 11,5 тыс. больных, и это на всю европейскую часть России. В 1890 г. таких лечебных заведений было уже 1068. В волостях и селах земства начали устраивать небольшие больницы.

Несмотря на то что число врачей постепенно росло, их было крайне мало. Поэтому до начала 1890-х годов ключевой фигурой земской медицины на селе оставался средний медицинский работник – фельдшер. Например, в Нижегородской губернии в среднем на одного врача приходился врачебный участок в 820 верст. В 1890 г. земский медицинский персонал губернии состоял из 33 врачей, 108 фельдшеров, одной фельдшерицы и 26 акушерок. При этом один фельдшер приходился на 12 576 человек, а одна акушерка на 3118 родов¹. И такая картина наблюдалась повсюду. Не удивительно, что врач и фельдшер выполняли титаническую работу, принимая до ста больных в день.

В 1870-е годы некоторые губернские земские управы стали открывать фельдшерские школы. Курс обучения в них был рассчитан на три года, а после сдачи выпускных экзаменов фельдшеры обязывались отработать 4,5 года по назначению тех уездных управ, которые направили их в школу. Содержание фельдшерских и акушерских школ было довольно дорого для земства. Расход на одного ученика в год составлял 130–185 руб. Из-за отсутствия средств некоторые школы закрывались. За 70-е годы земствами было учреждено 8 фельдшерских школ, увеличено число участковых врачей с 599 до 1125. Земства учреждали аптеки, психиатрические лечебницы, с 1872 г. в обиход входят губернские съезды врачей².

В своей повседневной деятельности земские врачи и фельдшеры впервые стали проводить профилактическую работу: делать прививки, бороться с распространением заразных болезней, беря минимальную плату за лечение (5-10 копеек). В итоге смертность среди крестьян понизилась на четверть.

Все же, несмотря на все усилия, к 1905 г. в российской провинции один врач приходился на 30–40 тысяч человек. Работать приходилось в трудных условиях ещё и потому, что медицинским работникам приходилось бороться с дремучими предрассудками, укоренившимися в крестьянской среде.

---

¹ Земское самоуправление в России, 1864–1918. Кн. 1. М., 2005. С. 403–406.

² Веселовский Б.Б. История земства. Т. III. СПб., 1911. С. 188.

Свидетельство очевидца. Земский начальник А.И. Новиков дал такую характеристику состояния крестьянского быта в конце XIX в.: «Прежде чем говорить о земской медицине, хочется возобновить в памяти своей те ужасные условия, при которых эта медицина призвана функционировать. Один из укоренившихся предрассудков о нашем народе состоит в том, что он необыкновенно здоров и силен. Между тем, если походить по дворам, то редкую семью найдешь здоровой. То же впечатление выносилось из набора. Что же касается женщин, то больны все – за редкими исключениями. Сравните партию русских рабочих и партию немецких рабочих, - и разница вас поразит. Те – свежие, краснощекие, наши – бледные, испитые... Предрассудок, о котором я говорил, происходит от удивительной выносливости мужика: работать он перестает только тогда, когда ноги его буквально не держат, а то всякую болезнь он выносит на ногах, и притом в работе»¹.

Земства занимались и другими делами. Земские агрономы заботились о повышении плодородия почв, вводили различные технические новшества. На земства, в качестве обязательных дел, возлагалось обеспечение противопожарных мероприятий, в том числе страхование от огня. В условиях надвигавшегося кризиса (неурожай в Европейской России в конце 70-х годов, падение цен на хлеб на международном рынке, упадок культуры земледелия) во многих губерниях получила широкое распространение кредитная кооперация в форме ссудосберегательных касс. С 1870 по 1887 г. в земских губерниях действовали 1200 таких сберегательных товариществ, однако лишь 1/3 (400 касс) возникли при непосредственном участии земств². Опыт деятельности земств в этом направлении был признан неудачным.

Однако деятельность земств (как и городских дум) была ограничена не только их финансовыми возможностями, но и контролем со стороны администрации. В 1866 г. появились циркуляры министерства внутренних дел и «разъяснения» Сената к земскому «Положению», которые закрепили за губернским начальством право отказывать в утверждении выборных должностных лиц и служащих земских учреждений, признанных неблагонадежными. 13 июня 1867 г. появилось высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, согласно которому земствам воспрещалось без

---

¹ Новиков А.И. Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 214.

² Земское самоуправление в России, 1864–1918. Кн. 1. М., 2005. С. 312.

разрешения губернатора печатать отчёты земств и материалы о прениях и речах, произнесенных на земских собраниях. Земские учреждения подчинялись вышестоящим властям. Должностные лица земств, превысившие свои полномочия, подлежали судебному преследованию. Губернатор и министр внутренних дел могли приостановить любое решение земства, признанное противоречащим «законам или общим государственным пользам». Но земствам было разрешено обжаловать действия властей в Сенате.

Земства были лишены политических функций, хотя вскоре земские учреждения стали центрами либеральной оппозиции правительству. Эта оппозиция постепенно зрела и на почве стремления земств к объединению, участию в решении общегосударственных вопросов, созданию земского представительства в системе высших государственных учреждений, к тому, что сами земцы называли «увенчанием здания».

Умеренность требований либеральной оппозиции остроумно выражена в экспромте поэта Д.Д. Минаева, обращенном к министру внутренних дел Лорис-Меликову:

«Держась субординации,
Ввиду порядка строгого,
Сыны российской нации
Желают, граф, немногого:
На первый раз хоть куцую
Нам дайте конституцию»¹.

Земства оказались олицетворением и организационным оформлением новых сил, вызванных к жизни развитием капиталистических отношений. Эти силы больше других были заинтересованы и в подъёме экономики, и в создании эффективной системы управления. Более того, они вели дело к коренным преобразованиям в политической структуре общества. Брат царя, великий князь Константин Николаевич дал такую оценку земской реформе: «После освобождения крестьян это, по-моему, самая важная реформа в России, гораздо важнее судебной реформы, потому что от удачного образования земства зависит вся будущность политического строя и существования России». По мнению идеологов либерального движения, земства являлись зачатками народовластия, которые при их естественном развитии должны были привести к конституционному строю².

---

¹ Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011.

² Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 292

4. Городское самоуправление

До 70-х годов XIX в. основным законодательным документом, регламентировавшим городскую жизнь, была Жалованная грамота городам 1785 г., которая сильно устарела.

В 1862 г. началась подготовка реформы городского самоуправления. *16 июня 1870 г.* проект «Городового положения» был утвержден Александром II и стал законом. По этому закону в 509 городах России вводились всесословные общественные органы местного управления – городские думы, избираемые на четыре года.

В отличие от земств выборы в городские думы осуществлялись без учёта сословности на основе имущественного ценза. Право голоса в избрании гласных имели все городские обыватели, достигшие 25 лет, являющиеся русскими подданными и уплачивающие прямой городской налог с недвижимости, торгов или промыслов. Все избиратели делились на три разряда (курии). Они вносились в общий список в порядке убывания уплачиваемых налогов и сборов. Затем список делился на три разряда, каждый из которых платил 1/3 общей суммы городских сборов. Все разряды избирали равное число гласных, что обеспечивало преимущество крупных налогоплательщиков. Один голос богатых плательщиков, избравших 1/3 городских гласных, равнялся голосу от нескольких сот средних плательщиков и несколько тысяч мелких. Так, например, в Москве одного гласного выбирали 8 избирателей первого разряда, 38 избирателей второго разряда и 298 избирателей третьего разряда. Фактически лишёнными избирательного права оказались наёмные рабочие, в подавляющем большинстве не владевшие недвижимой собственностью, и люди умственного труда, в основном не имевшие собственных домов и снимавшие квартиры. В результате избирательное право получила ничтожно малая часть городского населения. Например, в Петербурге на первых выборах в избирательные списки было внесено лишь 18590 человек из 539122 жителей города (3,4%).

Гласными городской думы избирался городской голова и члены городской управы. В столичных городах (Петербурге, Москве) Дума избирала двух кандидатов в городские головы, один из них утверждался на этот пост царём. В больших городах должность городского головы занимали, как правило, выходцы из дворян, купцы и крупные промышленники. В отличие от земских собраний городские думы имели право собираться в течение всего года по мере накопления дел. Численность заседаний Городской думы законодательно не ограничивалась, да и технически распоряди-

тельный орган городского самоуправления было собрать значительно легче, чем тех же гласных земских собраний, съезжавшихся на свои заседания со всей губернии или уезда.

Городская дума самостоятельно назначала денежное содержание должностным лицам городского самоуправления, устанавливала размер городских сборов и налогов, утверждала обязательные постановления городского общественного управления, устанавливала правила пользования городским имуществом и т.д.

Первоначально «Городовое положение» было введено в городах Европейской России и Сибири. В 1875-1877 гг. оно распространилось и на национальные окраины, за исключением Средней Азии, а также Польши и Финляндии, где действовало прежнее городское устройство.

В задачи городского самоуправления входила забота о местных культурно-хозяйственных делах: внешнем городском благоустройстве, содержании коммуникаций, попечение о народном продовольствии, здравоохранении, противопожарная безопасность, содержание за счёт городских средств благотворительных учреждений, больниц, театров, музеев, библиотек, а также забота о народном образовании и т.д. Городские думы заботились о создании бирж труда, «домов дешёвых квартир» для малоимущих, ночлежек для нищих.

Городское самоуправление выполняло также ряд возложенных на него функций по содержанию государственной администрации – членов городской полиции, тюрем, пожарной команды, а также обеспечивало расквартирование воинских частей и предоставляло в центр сведения о местных пользах и нуждах.

Постановления городских дум должны были предоставляться губернатору, обладавшему правом в двухнедельный срок приостановить их исполнение как незаконных. Более того, важнейшие из постановлений, касавшиеся, например, изменений планов городов, отчуждения принадлежащих городу земель, получения крупнейших займов, поручительства от имени города и установления новых сборов, утверждались центральным правительством или соответствующим министерством. По проектам, обязательных для жителей города постановлений Думы, Управа должна была получить заключение начальника местного полицейского управления.

Как и деятельность земств, работа городских дум была ограничена их финансовыми возможностями и контролем со стороны администрации. И тем более гласным запрещалось заниматься политикой. Ведь по логике правительства местное самоуправление создавалось только для того, что-

бы улучшать положение дел в тех сферах общественной жизни, до которых у администрации «не доходили руки». Их деятельность ограничивалась исключительно хозяйственными вопросами.

IV. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

1. Подготовка судебной реформы

Судебная реформа, подобно крестьянской, была завещана императору Александру II предыдущим царствованием. Дореформенная судебная система в России, устроенная по сословному признаку (для каждого сословия особый суд) в массовом сознании олицетворялась с «кривосудием», в ней царили произвол, взяточничество, невежество судебных чиновников. Это вынуждены были признать даже царские чиновники. Министр юстиции Д.П. Трощинский, характеризуя суд того времени, писал: «Сие море великое и пространное, и в нем же гадов несть числа». В судебном производстве господствовали так называемые инквизиционные принципы: тайное, письменное судопроизводство, формальная оценка доказательств, неравенство сторон, происходящее от сословности, зависимость суда от администрации. Судьи не допрашивали свидетелей, истцов, ответчиков, подсудимых и даже не видели их. Они лишь читали бумаги, составленные в полиции (если дело уголовное) или представленные сторонами (если дело гражданское). Закон не устанавливал для судей образовательного ценза, не случайно в судах первой инстанции большинство судей были неграмотными или малограмотными. Даже в Сенате, по данным на 1841 год, числилось только шесть человек с высшим образованием.

Свидетельство современника. Юрист Н.П. Тимофеев: «Нельзя сказать, чтобы наши прежние суды, производили бы какое-либо доброе впечатление на общество. Они действительно имели устрашающее значение, но только не в его желаемом смысле, а в совершенно обратном. Прежнего суда боялись не столько сами подсудимые, сколько другие прикосновенные к делу лица. Неправда, подкупы, право сильного и богатого, так полноправно царившие в наших судах доброго старого времени, отучали народ от суда, заставляли обегать его, а не искать у него защиты, внушали народу понятия не о справедливости, а о том, что прав тот, кто больше даст; от судейского произвола, волокитства и крючкотворства разных канцелярских лиходеев и вампиров, народ по возможности сторонился, не искал за свою обиду, забывал про неё, лишь бы не знаться с судом, в котором не совесть и не долг, а деньги играли нередко самую солидную роль. Не даром потому, и более чем верно, было как-то проведено в нашей современной печати сравнение нашего прежнего суда с паутиной,

в которой вязли только мелкие мушки и букашки, а крупные мухи прорывали эту паутину, и проскальзывали невредимо для себя»¹.

О гласности и независимости суда не могло быть и речи – рассмотрение дел во всех судебных инстанциях происходило при закрытых дверях. На деятельность суда сильное давление оказывали различные административные учреждения. Приговоры судей зачастую обуславливались не требованием закона, а пристрастием, произволом и взятками. Следствие и исполнение приговора предоставлялись органам полиции, которая, кроме того, могла принимать на себя и судебные функции по «маловажным» делам.

По словам А.Ф. Кони, «следствие было в грубых и нечистых руках, а между тем составляло не только фундамент, но, в сущности, единственный материал для суждения о деле», так как суд получал дело, знакомился с ним только по материалам, подготовленным полицией.

Медлительность в делопроизводстве была невероятная. Подчас самое простое дело переходило из одной судебной инстанции в другую годами, обрастая ворохом бумаг, или, как говорили в народе, – «волочилось». Например, дело о краже из Московского уездного казначейства медной монеты на 115 тысяч, начатое в 1844 году, окончилось лишь через 21 год. В судах накопилось до 3 млн нерешенных дел, 127 тыс. подсудимых многие годы томилась в заключении, тысячи указов Сената не были приведены в исполнение.

Для исправления такого положения 31 января 1826 года Николай I учредил II Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, на которое возлагалось важное дело кодификации законов. Эта работа была проведена под руководством М.М. Сперанского. В 20-30-х годах предлагались различные проекты судебной реформы (проекты статс-секретаря М.А. Балугьянского, президента Вольного экономического общества адмирала Н.С. Мордвинова, министра юстиции Д.В. Дашкова).

Сознавая крупные недостатки отечественного судоустройства и судопроизводства, император Николай поручил в 1840-х годах главноуправлявшему II отделением своей канцелярии Д.Н. Блудову составить предложения об улучшении этой важной отрасли государственного управления. Однако была поставлена задача не преобразовать суды, а только улучшить их. Например, сам Николай I был категорическим противником введения адвокатуры, считая её революционной силой.

---

¹ Тимофеев Н.П. Суд присяжных в России. Судебные очерки. – М., 1881. С.15

Свидетельство современника. Московский военный генерал-губернатор князь Д.В. Голицын рассказывал, как встретившись однажды с царем, он посетовал на отсутствие в России защиты. На это царь отвечал, что у него есть прокуроры и стряпчие, чтобы судить о правильности решения.

- Нет, государь, прокуроры и стряпчие не защитники, а преследователи, - тут нужны адвокаты, - возразил Голицын.

При слове «адвокаты» государь нахмурился и сказал:

- Да ты, я вижу, долго жил во Франции и, кажется, ещё во время революции, а потому неудивительно, что ты усвоил себе тамошние порядки. А кто погубил Францию, как не адвокаты, вспомни хорошенько! Кто были Мирабо, Марат, Робеспьер и другие! Нет, князь, пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты, без них проживем. Делай то, что от тебя требует закон, более я ничего не желаю...¹

В 1850 г. «Особый комитет при II отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии» под председательством графа Д.Н. Блудова приступил к подготовке проекта уставов гражданского и уголовного судопроизводства.

В 1850 и 1852 годах при означенном отделении образованы были комитеты для составления проектов уставов как гражданского, так и уголовного судопроизводства, которые, вскоре по вступлении на престол Александра II, были внесены Блудовым в Государственный Совет. В эти проекты включены уже некоторые изменения (допущено состязание сторон, предложено учредить сословие присяжных поверенных, обвинению противопоставлена равноправная защита и т.д.), но они казались уже недостаточными, как не соответствующие духу и потребностям времени.

Подготовка судебного преобразования продолжилась уже после Крымской войны. В Манифесте о прекращении войны 19 марта 1856 года было сказано: «Правда и милость да царствуют в судах». Осенью 1861 г. была создана новая комиссия под председательством государственного секретаря В.П. Буткова. В состав её вошли чиновники государственной канцелярии, представители Министерства юстиции и II отделения. А также юристы-эксперты из чиновников судебного ведомства (С.И. Зарудный, Д.А. Ровинский, Н.А. Буцковский, Н.И. Стояновский, К.П. Победоносцев и др.). В апреле – сентябре 1862 года подготовленные комиссией «Основные положения преобразования судебной части в России» были рассмотрены

---

¹ Русская старина. 1886. № 12. С. 535.

рены в Государственном совете. Александром II утвердил их 29 сентября 1862 г. с указанием, чтобы эти проекты были окончательно подготовлены к январю 1863 года. Затем ещё два года «Основные положения» обсуждались в прессе, в Госсовете, Сенате, в министерствах и ведомствах; шла работа по редактированию и окончательной формулировке судебных статей. По предложению С.И. Зарудного эти «Положения» были опубликованы в «Собрании Узаконений» и получили самую широкую огласку. Со всех концов страны поступило 448 писем с различными замечаниями и предложениями.

Судебная реформа не встретила такого упорного, ожесточенного противодействия, с каким пришлось считаться освобождению крестьян. Известие о том, что правительство решило создать новый суд, было встречено без той злобы, которая сопутствовала крепостной реформе. Между тем и здесь не обошлось без некоторой борьбы. Больше всего подвергалась нападкам идея о введении в России суда присяжных. В частности решительным противником этой формы суда для России был граф Д.Н. Блудов. Оппоненты указывали на опасность допуска невежественной и «тёмной» массы крестьян, «вчерашних рабов», к отправлению правосудия. «Русский народ не способен к самоуправлению», – писала газета «День». Суд присяжных не подходит русскому человеку, утверждала она, так как он не образован и не в состоянии понять, что происходит в зале суда. Присяжные-крестьяне будут только говорить судьям: «Не знаем, кормилец» или «Как прикажете, ваша милость». Победу в конце концов одержали сторонники суда присяжных.

2. Судебные уставы 1864 г.

Новые судебные уставы император утвердил 20 ноября 1864 г. Новый суд строился на бессловных началах и на принципе равенства всех подданных перед законом. Впервые в России утверждались четыре принципа права: несменяемость судей, независимость суда от администрации, гласность и состязательность судопроизводства.

Свидетельство современников. А.Ф. Кони: «Судебная реформа была тесно связана с освобождением крестьян. Она вытекала из него непосредственно. Уничтожался домашний вотчинный суд для многих миллионов дотоле бесправных людей. Они должны были являться не только носителями гражданских прав, но и непосредственными защитниками этих своих прав на суде».

Из дневника А.В. Никитенко: « 5 декабря 1864 года. Читал обнаруженные на днях законы о судах. Вот великолепный монумент нашего времени! Дело это станет рядом с освобождением крестьян... Новые законы сначала наделают много суматохи. Их не сумеют ни понять, ни оценить, ни применить. Но не должно приходиться от этого в отчаяние, как не должно приходиться в отчаяние от летнего дождя, который смачивает на вас платье, но приготовляет обильную жатву»¹.

17 апреля 1866 г. состоялось открытие в Санкт-Петербурге первых судебных установлений, созданных по новым уставам. Ещё раньше, 14 апреля, император лично посетил вновь отделанное здание Судебной Палаты и Окружного Суда и обратился к собранному там только что назначенному составу судебных деятелей со словами: «Я надеюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вам доверие и будете исполнять новые ваши обязанности добросовестно, по долгу чести и верноподданнической присяги, что впрочем одно и то же. Итак, в добрый час: начинайте благое дело».

По реформе вводились две системы судебных органов: выборные (мировые судьи и съезды мировых судей) и назначенные (окружные суды и судебные палаты). Мировые судьи избирались земскими собраниями или городскими думами на три года из местных жителей с определенным образовательным и имущественным цензом. Судья должен был быть не моложе 25 лет, обладать имуществом не менее чем в 400 десятин земли или недвижимым имуществом на сумму не ниже 15 тыс. рублей. Мировые судьи решали дела единолично. Они рассматривали гражданские дела с суммой иска до 500 рублей, а также мелкие уголовные преступления и проступки, максимальное наказание за которые – год тюремного заключения. Территория, подсудная мировому суду, составляла мировой участок. Несколько мировых участков в одном или нескольких уездах составляли мировой округ. Решение мирового судьи могло быть обжаловано в более высокой инстанции – съезде мировых судей, и его постановления являлись окончательными, они могли быть обжалованы только в кассационном порядке в Сенат. В целом мировой суд, ближе всего касавшийся интересов массы, стал предельно прост, скор в решении дел, дешёв.

Окружные суды учреждались на губернию и занимались основной массой гражданских и уголовных дел. Судебная палата занималась самыми важными уголовными и почти всеми политическими делами. Верховным судом, а также высшим органом судебного надзора являлся Сенат. В слу-

---

¹ Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 2. М.: Захаров, 2005. С. 595.

чае нарушения закона или процессуальных норм Сенат не рассматривал дело по существу, а направлял его в соответствующий суд для вторичного разбора.

Значительной гарантией независимости судов стал принцип несменяемости судей, закрепленный ст. 243 учреждения судебных установлений. Согласно этой статье, председатели и члены окружных судов и судебных палат не могли быть уволены или переведены с одной должности на другую без их согласия, кроме как по приговору суда. Все постоянные, профессиональные члены окружного суда и судебной палаты, так называемые коронные судьи, назначались императором по представлению министра юстиции. Для назначения на должность члена окружного суда необходимо было иметь высшее юридическое образование и стаж работы в суде или прокуратуре не менее трех лет (в звании присяжного поверенного – 10 лет). Для более высоких должностей стаж увеличивался.

3. Суд присяжных и адвокаты

Окружные суды состояли из одного или нескольких отделений по уголовным и гражданским делам. В уголовных судах вопрос о виновности подсудимого решался коллегией из 12 присяжных заседателей, избравшихся по жребию «из местных обывателей всех сословий».

Справка. Как и другие демократические институты судебных уставов, суд присяжных был заимствован у европейских государств. Родиной суда присяжных считается Англия, где его становление происходит на XII – XV века. Великая Французская революция дала толчок широкому распространению этого института в Европе. Революционеры видели в нём орудие борьбы с деспотизмом, но отмечали и его непреходящую ценность. В России мысль о введении суда присяжных впервые была подана Екатерине II русским учёным-юристом Семеном Ефимовичем Десницким в начале работы Уложенной комиссии 1767 года. В 1761 году он, будучи студентом Московского университета, был командирован на учёбу в Великобританию. В университете Глазго С.Е. Десницкий в течение шести лет изучал юридические и другие гуманитарные науки, был удостоен учёной степени доктора права, а в 1767 году назначен профессором Московского университета. Реформатор и государственный деятель М.М. Сперанский предлагал ввести суд присяжных Александру I в 1809 году. Декабристы в своих программных документах («Конституция» Н. Муравьева и «Русская

правда» П. Пестеля) также предусматривали эту форму суда. Составители судебных уставов 1864 года тщательно изучали не только английское и французское законодательство. В частности, в редакционной комиссии внимательно рассмотрели процессуальные кодексы Женевы и Сардинского королевства. Таким образом, русский суд присяжных стал новым шагом в развитии европейской правовой культуры.

По закону присяжными заседателями могли быть только мужчины (вопрос об участии женщин в суде присяжных в ходе подготовки реформы даже не обсуждался) в возрасте от 25 до 70 лет, русские подданные. Для них были установлены ценз оседлости – не менее двух лет проживания в том уезде, где проводилось избрание в присяжные и имущественный ценз. Не могли быть присяжными заседателями духовные лица, учителя народных школ, служащие судебного ведомства, казначеи, лесничие, чины полиции, военные и все те, кто находился «в услужении у частных лиц». К участию в суде не допускались лица, состоявшие под судом и следствием, несостоятельные должники, немые, слепые, глухие, сумасшедшие и не знавшие русского языка. Чтобы определить круг людей, имевших право на избрание в присяжные заседатели, в каждом уезде составлялись первоначальные, или общие, списки. В них вносились почётные мировые судьи, гражданские чиновники не выше 5-го класса, а также все лица, занимавшие выборные общественные должности. В последнюю категорию входили и крестьяне, избранные в сельские суды, исполнявшие должности сельских старост, волостных старшин, голов и другие должности по крестьянскому общественному управлению, созданному «Положениями 19 февраля 1861 г.».

Для всех остальных устанавливался имущественный ценз: присяжными заседателями могли назначаться лица, «владеющие землей в количестве не менее 100 десятин, или другим недвижимым имуществом ценою: в столицах не менее 2000 рублей, в губернских городах и градоначальствах – не менее 1000, а в прочих местах не менее 500 рублей, или же получающие жалование, или доход от своего капитала, занятия, ремесла или промысла: в столицах не менее 500, а в прочих местах не менее 200 рублей в год».

Следует заметить, что имущественный ценз не был слишком высоким. А.Ф. Кони писал: «Достаточно было получать 200 рублей валового дохода или жалованья в большом губернском городе, чтобы быть внесённым в списки присяжных заседателей. Но 16 руб. 66 коп. заработка в месяц для

жителя большого города – есть признак крайней бедности, а на службе такой размер вознаграждения указывает на самые низшие канцелярские должности, занимающие которые лица должны находиться почти в нужде»¹. Тем не менее основная масса населения России, состоявшая из полунещего крестьянства, лишалась права быть присяжными заседателями, так как не отвечала и этим, довольно скромным, требованиям. Итак, имущественный ценз был, но не было образовательного ценза. По судебным уставам было достаточно чтобы грамотным был хоть один из двенадцати присяжных, который и записывал ответы на поставленные вопросы. Многие присяжные были неграмотными.

Все лица, обладавшие необходимым цензом, включались в общие списки присяжных заседателей. Система общих списков является одним из главных достоинств суда присяжных, так как присяжные – не выборные судьи, а лица, обладавшие необходимым цензом. Недаром у противников суда присяжных он получил наименование: «суд улицы», «суд толпы». На основе списков присяжных заседателей специальная комиссия составляла очередные списки, которые публиковались в газетах. В очередные списки вносились лица, подлежащие призыву в суд в течение будущего года. Никто не мог быть призван в качестве присяжного чаще одного раза в год. Для участия в сессиях окружного суда приглашения присяжным рассылались председателем суда. В суд к открытию сессии приглашались 30 присяжных заседателей. Их список предъявлялся прокурору и подсудимому, которые без объявления причин могли отводить присяжных, прокурор – не более шести заседателей, а подсудимый (подсудимые) могли оставить не менее 18 человек. После отвода путем жеребьевки из оставшегося числа выбиралась коллегия присяжных судей из двенадцати основных и двух запасных заседателей, которая и участвовала в рассмотрении дел. Они приводились к присяге (по обряду своих вероисповеданий), а затем ими избирался старшина для ведения их совещаний.

Судебными уставами не допускалось участие администрации в выборе присяжных. Губернатору предоставлялась лишь контрольная функция: исключая кого-либо из общего списка, он был обязан обосновать своё решение. Списки составлялись представителями земств и городских дум, что усиливало значение органов местного общественного управления.

Справка. Состав суда присяжных отражал структуру сословного деления жителей страны. В крупных городах в нём преобладали

---

¹ Кони А.Ф. Собр. Соч. Т. 4. М., 1965. С. 263.

дворяне, чиновники и купцы, а в мелких – мещане и крестьяне. Согласно подсчётам историка А.К. Афанасьева, в Санкт - Петербурге в 1873 г. среди очередных и запасных присяжных находилось: дворян и чиновников – 54%, купцов – 14,6%, мещан – 26,4% и крестьян – 5%. В сравнении с Санкт-Петербургом в Москве среди присяжных было в 2,5 раза больше купцов, почти вдвое больше крестьян и несколько меньше чиновников. Состав присяжных провинциальных губерний значительно отличался от столичных. Больше половины провинциальных присяжных было представлено крестьянами, тогда как дворяне, чиновники и купцы составляли около четверти заседателей¹. В целом же по России суд присяжных состоял почти на 2/3 из крестьян. Вместе с мещанами крестьяне составляли в среднем 3/4 всех русских присяжных заседателей. Участие рабочих и цеховых в суде присяжных Судебными уставами не запрещалось. Однако для этого необходимо было зарабатывать в провинции не менее 16 руб. 66 коп. в месяц, а в столицах – в 2,5 раза больше (41 руб. 66 коп.). Месячный заработок взрослого рабочего составлял в среднем по стране 14 руб. 16 коп. (на своих харчах).

Таким образом, рабочие практически были отстранены от участия в суде. Необеспеченность многих присяжных казалось бы могла стимулировать продажность. Однако, как показывают статистические данные, приводимые А.Ф. Кони, в период с 1879 по 1892 гг., за 14 лет, в течение которых с участием присяжных рассмотрено 208 тысяч дел, за «лихоимство», и то главным образом в виде принятия угощения, было осуждено всего 28 присяжных. Эти цифры несопоставимы с практикой дореформенных судов, где редчайшее дело проходило без взяток².

Судом с участием присяжных решалась основная масса – три четверти уголовных дел. Это были дела о преступлениях, за которые могло быть назначено наказание в виде лишения прав состояния, как особенных, связанных с принадлежностью к привилегированным сословиям, так и всех прав (имущественных, брачно-семейных и т.д.). Как правило, лишение прав состояния сопровождалось другими наказаниями: каторжными работами, ссылкой, тюрьмой – и назначалось за тяжкие преступления.

Присяжные в зале судебных заседаний располагались отдельно от состава коронных судей. Они имели право на осмотр судов следов пре-

¹ Афанасьев А.К. Присяжные заседатели в России. 1866–1885 гг. // Великие реформы в России. 1856–1874: Сборник. М., 1992. С. 189-192.

² См.: Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914. С. 161-164.

ступления и других вещественных доказательств, а также право задавать вопросы допрашиваемым лицам через председателя суда. Они могли просить у председателя суда разъяснений по всем обстоятельствам дела и «вообще всего для них непонятного». Присяжным запрещалось во время судебного заседания общаться с кем бы то ни было, кроме членов суда, под угрозой штрафа. Они должны были сохранять тайну совещательной комнаты и за обнаружение итогов голосования также подвергались штрафу. По окончании прений сторон председательствующий обращался к присяжным с напутственной речью (резюме) и вручал их старшине вопросный лист для вынесения вердикта, который состоял в ответе на поставленные судом вопросы, после этого присяжные заседатели удалялись в совещательную комнату. Вход в неё охранялся стражей. Никто не имел права входить и выходить из неё без разрешения председателя суда. Закон призывал присяжных к единогласному решению, но если его достичь не удавалось, то вопросы ставились на голосование. Решение каждого вопроса могло состоять только из утвердительного «да» или отрицательного «нет». Если голоса разделялись поровну, то вопрос решался в пользу подсудимого. Присяжные могли дополнить свои ответы только указанием на то, что подсудимый заслуживает снисхождения. На основании вердикта присяжных коронные судьи выносили соответственно оправдательный или обвинительный приговор. При вердикте присяжных «нет, не виновен» подсудимый освобождался прямо в зале суда. Если присяжные выносили вердикт: «да, виновен», профессиональные судьи назначали ему меру наказания. Если суд единогласно признавал, что решением присяжных осужден невиновный, то он мог передать дело на рассмотрение нового состава присяжных. Приговоры суда с участием присяжных заседателей подлежали обжалованию только в кассационном порядке в Сенат.

«Дело Овсянникова». В первые годы деятельности судов присяжных произвел сенсацию арест обвиняемого в поджоге паровой мельницы богатейшего купца Овсянникова. Степан Тарасович Овсянников был главой одной из самых известных в XIX в. столичных купеческих фамилий. К началу 1870-х гг. его капитал исчислялся астрономической суммой в 12 млн рублей. Овсянников заработал огромное состояние на поставках хлеба и хлебопродуктов Военному ведомству. Для изготовления ржаной муки зерно перемалывали на паровой мельнице, расположенной на набережной Обводного канала. В конце 1874 г. мельница перешла в собственность к конкуренту Овсянникова – известному купцу В.А. Кокореву. Таким образом, поставка муки в дальнейшем либо должна была перейти к Кокореву,

либо Овсянников обязан был бы платить огромную арендную плату. 2 февраля 1875 г. мельница неожиданно сгорела.

Свидетельство современника. *А.Ф. Кони, в то время прокурор Петербургского окружного суда, вспоминал: «Я предложил судебному следователю по особо важным делам, Книриму, начать следствие и немедленно произвести обыск у Овсянникова, а наблюдение за следствием принял лично на себя. Овсянников, не привыкший иметь дело с новым судом и бывший в былые годы в наилучших отношениях с местной полицией, причём за ним числилось до 15 уголовных дел, по которым он старым судом был только «оставляем в подозрении», не ожидал обыска и не припрятал поэтому многих немаловажных документов». Овсянников, «бодрый и крепкий, несмотря на свои 74 года, ... был поражен нашествием чинов судебного ведомства». А уж когда ему объявили, что он взят под стражу, возмущению его не было предела: «Да вы шутите, что ли, изволите? Меня под стражу?! Степана Тарасовича Овсянникова? Первостатейного именитого купца, под стражу? Нет, господа, руки коротки! Овсянникова!! Двенадцать миллионов капитала! Под стражу! Нет, братцы, этого вам не видать!»¹*

В результате следствия выяснилось, что был совершен поджог, и инициатором его стал именно Овсянников, который рассчитывал, что вследствие отсутствия паровой мельницы в Петербурге, ему удастся сохранить за собой подряд, избегнув крупных расходов. Громкое «дело Овсянникова» рассматривалось в Петербургском окружном суде. О нём писала вся российская пресса. Процесс произвел сенсацию и на всю Европу. Немецкие сатирические газеты, имея в виду пресловутые «порядки» старого русского суда, предрекали, что вскоре после ареста *двенадцатикратного* миллионера Овсянникова станет известно об освобождении *одиннадцатикратного* миллионера Овсянникова. Однако не тут-то было. Несмотря на все жалобы и заступничество разных влиятельных лиц, суд присяжных признал С.Т. Овсянникова и несколько других лиц виновными в организации поджога. Овсянникова приговорили к ссылке на поселение в отдалённые места Сибири. Через несколько лет Овсянникову было разрешено вернуться в Европейскую Россию, и он прожил последние годы своей жизни в Царском Селе. А.Ф. Кони назвал это дело «настоящим торжеством нового суда».

---

¹ Кони А.Ф. Избранные произведения. – М.: Юрид. лит., 1980. С. 222-223.

Низкая репрессивность суда с участием присяжных заседателей служила одним из самых серьезных оснований для нападков на этот институт. По данным статистики за период с 1876 по 1891 гг. присяжные заседатели оправдали от 44 до 34% подсудимых¹. На самом деле этот показатель оправданий не столь значительно отличался от других судебных инстанций России означенного периода. Необходимо упомянуть об одном существенном промахе, допущенном при составлении Судебных уставов. По закону присяжным не полагалось знать о наказании, которое грозило подсудимому. Поэтому иногда у присяжных возникало убеждение, что подсудимого ждёт каторга, хотя судят его не за столь тяжкое преступление. Тогда-то, как правило, и следовал оправдательный вердикт. А.Ф. Кони вспоминал случай из своей практики. Судили двух женщин, обвиняемых в мошенничестве. Они полностью признали свою вину, улики было достаточно. Однако присяжные оправдали их. После процесса старшина присяжных в разговоре с Кони пояснил это решение: «Помилуйте, господин председатель, кабы за это тюрьма была, то мы бы с дорогой душой обвинили, а ведь это каторжные работы!» Когда же старшине пояснили, что подсудимым за совершенное грозило лишь несколько месяцев тюрьмы, то он был крайне изумлен и сожалел о принятом решении. Кроме того, присяжные более снисходительно относились к тем, кто пошел на преступление вследствие крайних обстоятельств. Так, они считали, что неоправданно сурово осудить обнищавшего человека, укравшего несколько поленьев, чтобы обогреть семью. Присяжные могли посочувствовать тем, кого судьба довела до преступления, например, жене деспотичного мужа, регулярно избивавшего жену и убитого ею в порыве отчаяния...

Свидетельства современников. Тимофеев Н.П.: «В небольшом уездном городе, подсудимая женщина 32 лет, была признана виновною, как сообщница в шайке составившейся для разного рода грабежей, и по обвинительному вердикту присяжных, осуждена судом к ссылке в каторжные работы. Подсудимая эта была женщина в высшей степени безнравственная, развратная, потерявшая всякий стыд и совесть. При ней в тюрьме содержалась и маленькая дочь её семи лет; за осуждением матери, гибельная будущность предстояла впереди этой несчастной девочке, так как мать её должна была взять её с собой, ибо никого из близких родных у неё не было, а дальние родные её отказались взять на себя излишнюю заботу о чуждом

---

¹ Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов, 1999. С. 154.

им ребёнке. Тогда один из присяжных заседателей, чиновник местного казначейства, изъявил желание взять этого ребёнка на воспитание в свою семью, на что мать девочки, конечно, согласилась, так как, этим самым она освобождалась от обременительной лишь для себя обузы. Впрочем, и из этой уступки своего же ребенка доброму человеку, подсудимая сумела извлечь для себя выгоду, потребовав от «благодетеля» её дочери «за уступление её», и «чтобы никогда уже к ней не касаться» три рубля серебром. Деньги эти были, конечно, уплочены алчной матери, и она ушла на весну в Сибирь, а дочка её поступила в семью этого чиновника. Это было в 1868 году... Маленькая Надя научена была скоро грамоте. Затем отдана в женское епархиальное училище, где прекрасно окончила полный курс учения, получила диплом учительницы и ... поступила на должность преподавательницы русского языка и естественной истории в ...женской прогимназии». Вскоре Надежда Ивановна вышла замуж за судебного следователя. И вот, «бывшая сирота в том же городе, где так жутко и печально начиналось её детство, теперь составляет лучшее украшение нашего дамского общества».

«Мы в заседании Окружного суда с участием присяжных заседателей. На скамье подсудимых – молодая 18-ти летняя женщина, обвиняемая в покушении на отравление своего мужа. Искренность протеста этой женщины была изумительна. Она вышла замуж не по любви, её отдали насильно, но она любит другого и ей, во что бы то ни стало, хочется выйти именно за него, а это невозможно. Молодая преступница настаивает фосфорные спички, и настой этот хранит в сундуке. Дойдя до решимости совершить преступление, она не скрывается. Она говорит тётке о своем намерении, как о самом обыкновенном деле, как о чем-то неизбежном, неотразимом. Тётка передает мужу, муж отыскивает в сундуке ядовитый настой, - и преступница попадает на скамью подсудимых. В результате чистосердечная и откровенная на суде исповедь подсудимой, что «жить ей так, все одно, не смочь... либо ей капут, либо ему... куды меня хотите... жить с ним не могу, не люблю его... а он меня бить, - бьет... а от себя не пускает... терпи... говорит, ты на то... жена. Подсудимая присяжными оправдывается»¹.

Для юридической помощи нуждающимся и для защиты обвиняемых был создан институт адвокатов (присяжных поверенных). Участие защи-

¹ Тимофеев Н.П. Суд присяжных в России. Судебные очерки. М., 1881. С. 421-422, 506.

ты в уголовном судопроизводстве стало значительным шагом вперед по сравнению с дореформенными порядками. Однако адвокат не участвовал на стадии предварительного следствия. Он появлялся в процессе тогда, когда принималось решение о необходимости судебного разбирательства по делу. Адвокатура по судебным уставам была двух категорий. Адвокатами высшей категории являлись присяжные поверенные, которые объединялись в корпорации по округам судебных палат. Присяжными поверенными могли быть только лица, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по специальности не менее 5 лет, не моложе 25 лет, несудимые. Не могли быть присяжными поверенными несостоятельные должники. Для приобретения необходимого стажа адвокаты могли начинать свою деятельность в качестве помощников присяжного поверенного. Вторую, низшую категорию адвокатуры составляли частные поверенные. Они занимались малозначительными делами и могли выступать в тех судах, при которых состояли. Свидетельство на звание частного поверенного могли получать лица, и не имеющие высшего юридического образования, если они выдержали экзамен в соответствующем суде.

Адвокатура, созданная судебной реформой, сразу заявила о себе решительно и смело. Современники даже поражались обилию талантливых адвокатов и их популярности у публики. После введения в действие Судебных уставов в адвокатуру устремились образованные, талантливые люди. Многие из них оставили выгодную государственную службу (П.А. Александров, С.А. Андреевский, А.Л. Боровиковский, А.И. Урусов и другие ушли из прокуратуры).

***Голос эпохи.** Анекдот о Ф.Н. Плевако (1842-1908): «Судили священника. Он сознался во всех преступлениях. Товарищи-адвокаты в шутку сказали Плевако:*

– Ну-ка, Федор Никифорович, выступи его защитником. Тут, брат, уж и ты ничего не сможешь сделать.

– Ладно! Посмотрим.

И выступил. Все бесспорно, уцепиться совершенно не за что. Грозовая речь прокурора. Очередь Плевако. Он медленно поднялся – бледный, взволнованный. Речь его состояла всего из нескольких фраз. И присяжные оправдали священника. Вот что сказал Плевако:

– Господа присяжные заседатели! Дело ясное. Прокурор во всем совершенно прав. Все эти преступления подсудимый совершил, и сам в них сознался. О чём тут спорить! Но я обращаю ваше внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который тридцать лет отпускал

вам на исповеди ваши грехи. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему его грех?

И сел. Присяжные оправдали подсудимого».

Судебная трибуна оказалась едва ли не единственным источником свободного неподцензурного слова. Где бы ещё россиянин услышал подобное тому, что восклицал тот же адвокат Ф.Н. Плевако, человек глубоко верующий, обращаясь к игуменье Митрофании, обвиняемой перед судом присяжных в вымогательстве, мошенничестве и подлогах: «Выше, выше стройте стены вверенных вам общин, чтобы миру не было видно дел, которые вы творите под покровом рясы и обители».

Что касается численности адвокатов в дореволюционной России, то по данным «Юридического календаря» Острогорского за 1914 г., общее число присяжных поверенных не доходило до 6 тыс. человек, тогда как в Германии их было почти вдвое больше. Правда, при этом следует учитывать, что наряду с присяжными поверенными адвокатской деятельностью занимались их помощники и частные поверенные, так что общее число практикующих адвокатов достигало в России к 1917 г. 16,5 тыс. человек,¹ т.е. на душу населения больше, чем в 1977 г. в СССР. Главное же, русские дореволюционные адвокаты завоевали национальное и мировое признание, выдвинув созвездие первоклассных юридических талантов (А.Ф.Кони, П.А. Александров, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасович, А.И. Урусов и многие другие).

Предварительное следствие по уголовным делам, ранее находившееся в руках полиции, теперь перешло к *судебным следователям*. Судебные следователи являлись членами окружного суда и состояли при образованных для каждого из них участках. Должность судебного следователя – это низшая ступенька в судебной иерархии. С неё начиналась служба в судебном ведомстве. Формально судебный следователь занимал должность IV класса и по своему служебному положению был равен армейскому полковнику. Фактически их правовой статус и материальное обеспечение сравнить было нельзя. Следователь в год получал 1000 руб. жалования, 500 руб. столовых и 500 руб. на содержание канцелярии. За вычетом платы за квартиру, разъезды, содержание рассыльного, подписку правительственных изданий, на личные расходы ему оставалось 1500 руб. В масштабе цен того времени это было немало (если соотнести, например, с годовым оброком крестьянской семьи, цензами, действовавшими при фор-

---

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. В 2 т. Пг., 1914. Т. 2. С. 268.

мировании скамьи присяжных и вспомнить свидетельства современников о том, что на 5 коп. можно было пообедать). Но этого было недостаточно, чтобы чувствовать себя свободно и независимо. Судебные следователи были чрезвычайно загружены работой: в 1893 г. (спустя 30 лет после введения в 1862 г. этого института) в России насчитывался 1441 следователь; на одного следователя приходилось 2 171 2/3 кв. верст территории и 128 1/5 дел в год¹. Притом что следователей обязывали производить следственные действия «со всевозможной скоростью».

Проведение судебной реформы продолжалось до конца XIX века. Административно-территориальное и судебно-территориальное деление империи после реформы не совпадали. Уезды и города были разделены на участки мировых судей. Территория, подведомственная окружным судам, охватывала несколько уездов, округа судебных палат – несколько губерний. Окружные суды были судами первой инстанции общих судов, судебные палаты – судами второй инстанции. В начале XX века в империи было 106 окружных судов и 14 судебных палат.

Таким образом, судебная реформа создала не только новый суд, но и новую систему правоохранительных органов, более того, новое понимание и представление о законности и правосудии. Как образно выразился А.Ф. Кони, новое вино наполнило новые мехи. Губернатор уже не мог, как раньше, арестовать судью за не соответствующий его представлению о законе приговор, а подсудимые и потерпевшие, истцы и ответчики были избавлены от необходимости задабривать судебных чиновников. Избираемые мировые судьи пришли на смену полицейским чиновникам. Вину подсудимого нужно было доказывать гласно, а не келейно, в борьбе с адвокатурой перед лицом представителей населения – присяжных заседателей.

Судебная реформа была самой последовательной и демократической из всех, но уже вскоре её основания стали ограничиваться. Одним из первых с участием присяжных было рассмотрено в Петербургском окружном суде дело редактора «Современника» А.Н. Пыпина и автора Ю.Г. Жуковского, обвиняемых «в оскорблении чести и достоинства всего дворянского земледельческого сословия». Обоих присяжные оправдали. И в том же 1866 году, 12 декабря был издан закон, изменяющий подсудность дел об оскорблении в печати. По этому закону рассматривать такие дела с участием присяжных не дозволялось. Дела о преступлениях печати были переданы судебным палатам.

---

¹ Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов, 1999. С. 120.

С 1871 г. следствие по политическим делам стали проводить жандармы. Эти дела передавали не в суд присяжных, а в особое присутствие Сената. Сохранились особые суды для крестьян (волостной суд) и духовенства (консистория). Остался ведомственный суд и для военных.

Серьезной угрозой суду присяжных стала реакция власти на *процесс Веры Засулич*, который, как никакой другой, продемонстрировал не только перед страной, но даже перед всем миром независимость русского суда присяжных от давления не только со стороны министров, но даже и самого императора. Дело Веры Засулич является самым известным из всех дел, рассмотренных судом присяжных в России. Вера Засулич обвинялась в том, что 24 января 1878 года выстрелом из пистолета тяжело ранила петербургского градоначальника генерал-адъютанта Ф.Ф. Трепова (внебрачного сына Николая I). В обвинительном акте её действия квалифицировались как покушение на убийство с заранее обдуманном намерением, т.е. как общеуголовное, а не политическое преступление. Хотя по существу это был террористический акт. Вера Засулич рассматривала его как возмездие за превышение Ф.Ф.Треповым своей власти лично и как протест против произвола, творящегося в стране. В июле 1877 года Трепов приказал высечь политического заключенного Боголюбова (настоящее имя – А.С. Емельянов), что вызвало волнение в доме предварительного заключения и возмущение всей революционно настроенной молодежи России. Дело, имевшее откровенный политический характер, рассматривалось Петербургским окружным судом с участием присяжных заседателей как общеуголовное преступление. Превосходная речь П.А. Александрова и мудрое наставление присяжным заседателям, произнесенное председательствующим А.Ф. Кони, стали эталоном русского судебного красноречия. В своей речи П.А. Александров подробно проанализировал судьбу и нравственный облик подсудимой, но ничего не сказал о потерпевшем.

Документ. Из речи присяжного поверенного П.А. Александрова в защиту Засулич: «...Теперь, по отрывочным рассказам, по догадкам, по намёкам, нетрудно было вообразить и настоящую картину экзекуции. Восставал эта бледная, испуганная фигура Боголюбова, не ведающая, что он сделал, что с ним хотят творить... Вот он, приведённый на место экзекуции и пораженный известием о том позоре, который ему готовится... Всё замерло в тревожном ожидании стога; этот стог раздался – то не был стог физической боли – не на неё рассчитывали; то был мучительный стон удушенного, униженного, поруганного, раздавленного человеческого достоинства.

Священнодействие совершилось, позорная жертва была принесена!.. (Аплодисменты, громкие крики: браво!)... Господа присяжные заседатели!... В первый раз является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести, - женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею во имя того, кто был ей только собратом по несчастью всей её молодой жизни... Немного страданий может прибавит ваш приговор для этой надломленной, разбитой жизни... Как бы мрачно ни смотреть на этот поступок, в самих мотивах его нельзя не видеть честного и благородного порыва...»

31 марта 1878 г. В. Засулич была оправдана. Её оправдание судом присяжных стоило министру юстиции поста. 30 мая 1878 г. К.И. Пален получил отставку. После этого процесса указом 9 мая 1878 года из подсудности присяжных были изъяты дела не только террористов, но и все преступления против должностных лиц и все должностные преступления. В 1885 году К.П. Победоносцев передал царю записку «о необходимости судебных реформ», где, в частности, предлагал от института присяжных «отделаться, чтобы восстановить значение суда в России». В 1887 году устанавливается образовательный ценз для присяжных – умение читать по-русски, а также увеличивается имущественный ценз. (Однако до революции попытки ликвидировать суд присяжных не увенчались успехом. Суд присяжных был упразднен вместе с другими судебными органами декретом о суде № 1, принятом Совнаркомом 22 ноября 1917 года.). В 1889 году на большей части страны был ликвидирован институт мировых судей.

По мнению как современников, так и исследователей судебной реформы 1864 года, она была самой демократической из всех реформ, проведённых правительством Александра II и явилась самым крупным в истории России шагом к правовому государству. Даже такой монархист и ярый борец против суда присяжных М.Н. Катков в шестидесятые годы писал, что это «не столько реформа, сколько создание судебной власти». Как отмечал в своих воспоминаниях С.Ю. Витте, «император Александр II даровал России правосудие, гражданское и уголовное. Как бы ни критиковали эту реформу, не затемнят её величия. Эта реформа охраняет права и обязанности верноподданных своих монархов путем закона, а не усмотрения».

Все принципы и учреждения судебной реформы содействовали развитию в стране цивилизованных норм законности и правосудия.

4. Отмена телесных наказаний

Эпоха Великих реформ принесла в общество большой заряд гуманизма. По Уложению 1857 г. телесное наказание составляло для лиц непривлекенных (крестьян и мещан) необходимое дополнение всякого уголовного наказания, начиная от тяжкого уголовного и кончая лёгким исправительным. При ссылке на каторжную работу назначалось публичное наказание от 30 до 100 ударов плетью через палачей. Публичное наказание плетью назначалось и при ссылке в Сибирь на поселение. При отдаче в арестантские роты назначалось от 50 до 100 ударов розгами через полицейских служителей. Розгами же заменялось и кратковременное тюремное заключение и арест. Кроме того, для ссыльно-каторжных и военнотрудовых существовали в Своде законов особые жестокие наказания шпицрутенами или прогнание сквозь строй. Число ударов шпицрутенами достигало ужасающей цифры – 5000–6000. Это наказание сопровождалось для каторжных приковыванием к тележке на время от одного года до трёх лет. Жестокость нравов, поддерживаемая и питаемая телесными наказаниями, в то время была повсюду. Побои и истязания повсеместно и в государстве, и в семье, и в школе признавались как единственное спасительное средство для всех преступников.

17 апреля 1863 г., в свой день рождения, император Александр II подписал указ «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных». Этим указом навсегда отменялись жесточайшие наказания и пытки: шпицрутены или прогнание сквозь строй для военного ведомства, «кошки» для морского и плети для лиц гражданского ведомства; отменялось также наложение клейм и штемпельных знаков; женщины, кроме ссыльных, вовсе освобождались от телесного наказания. Розги были заменены тюрьмой. Розги оставались в случаях, когда невозможно было исполнить назначенное наказание в виде тюремного заключения, смиренного и рабочего домов и ареста. Для солдат же, переведенных по суду в разряд штрафованных, оставлены розги в дисциплинарных батальонах – до 50 ударов по приказу полкового командира. На флоте, впредь до устройства мест заключения, оставлены розги до 200 ударов. Сохранилась, как тогда говорили, «привилегия быть секомыми» розгами для крестьян. По приговорам волостных судов они могли быть наказаны розгами до 25 ударов (закон 1889 г. о земских начальниках ещё более расширил случаи возможного применения их в крестьянском быту). В случае побега или нового важного преступления ка-

торжные подлежали наказанию плетьюми и приковыванию к тележке от одного года и до трех лет. При этом наказание плетью разрешалось только в Сибири, и это наказание не должно было совершаться публично. Окончательно плеть для ссыльно-поселенцев и каторжан была отменена в 1903 г. Для бродяг сохранялись 25 ударов розог, получаемых ими келейно, «в Петербурге, в тюремной, например, бане».

В августе 1864 г. последовала отмена телесного наказания в Царстве Польском, в 1893 г. отменили телесные наказания для ссыльных женщин. 2 июня 1903 г. был издан закон, отменивший тягчайшие виды телесных наказаний для ссыльно-каторжных и ссыльно-поселенцев: бритье головы и наказание лозами, плетьюми и прикованье к тележке. 11 августа 1904 г. высочайший манифест запретил телесные наказания для крестьян, а также и для более мелких групп населения: для малолетних ремесленников, корабельных служителей, штрафованных солдат и моряков. Положение от 12 декабря 1909 г. устранило розги из исправительно-воспитательных учреждений для несовершеннолетних.

V. РЕФОРМЫ В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

1. Подготовка реформ

Реформа образования была продиктована потребностью модернизации страны. Безграмотность населения препятствовала дальнейшему прогрессу страны. Промышленность, транспорт, сельское хозяйство, торговля нуждались в квалифицированных специалистах не меньше, чем государственный и административный аппарат.

Формально продолжал действовать университетский устав 1835 г., сменивший либеральный устав 1804 г. и преобразовавший жизнь университетов на бюрократических началах. Однако за прошедшие 20 лет со времени его введения произошли большие перемены. В конце 1840-х годов под впечатлением революций 1848-1849 гг. в Западной Европе правительство Николая I ужесточило политику в сфере просвещения. По распоряжению царя число студентов в каждом университете было ограничено 300 человек (не считая медицинских факультетов и казенных стипендиатов). Приём вольнослушателей был прекращён. Юношей из податных сословий предписано было «ни в каком случае не освобождать от платы за учение». Запрещалось читать лекций по государственному праву европейских держав. Был ликвидирован философский факультет, а также закрыты кафедры философии, преподавание логики и психологии было передано профессорам богословия. Преподавание политической экономии, истории и других общественных дисциплин заключили в тесные рамки.

Было установлено придирчивое наблюдение «за духом и направлением» преподавания, которое постарались максимально приспособить к доктрине официальной народности. Принцип коллегиального решения дел в университетах свели почти на нет. Университетские советы потеряли сколько-нибудь серьезное значение. Их лишили даже права выбирать ректора, которые отныне стал назначаться царём. Всеми делами самовластно распоряжались правительственные чиновники – попечители учебных округов, преимущественно из военных. В Киевском и Харьковском учебных округах функции попечителей были переданы генерал-губернаторам. Власти усилили надзор за учащейся молодежью. Теперь студенты подчинялись полувоенной дисциплине. Ходили слухи, что все университеты, кроме столичных, закроют, что министерство народного образования прекратит самостоятельное существование и будет присоединено к системе военно-учебных заведений. Об этом сообщил профессору Бодянскому П.Я. Чаадаев в мае 1853 г.

«Под мини-стерство подкапываются со всех сторон», – записал тогда же профессор А.В. Никитенко.

Поражение в Крымской войне было воспринято обществом как расплата за культурную отсталость страны. Вопросы народного образования становятся «жгучими вопросами дня». Перемены в ведомстве народного просвещения начались сразу после воцарения Александра II. В указе царя Сенату народное образование признавалось «одной из самых важных государственных наших забот... как залог будущего благоденствия» России. В мае 1853 г. умер министр народного просвещения кн. П.А. Ширинский-Шихматов, управление которого современник метко назвал «помрачающим». Его место занял А.С. Норов (брат декабриста) – участник Отечественной войны 1812 г., человек образованный и даже с литературным именем, но несамостоятельный. Товарищем министра стал поэт П.А. Вяземский. Генерал-губернаторов отстранили от руководства учебными округами. На постах попечителей военных стали сменять люди штатские, либерально настроенные. Среди них – русский учёный Н.И. Пирогов, князь Г.А. Щербатов, сенатор Е.П. Ковалевский, Н.Р. Ребиндер (зять декабриста С.П. Трубецкого). Во второй половине 1850-х годов отменяются ограничения в сфере обучения, введённые в последние николаевские годы. 23 ноября 1855 г. по представлению Норова, последовало высочайшее повеление, разрешавшее принимать на все факультеты университетов неограниченное число студентов. Расширялся доступ в университеты для посторонних слушателей. Был снят запрет с преподавания философии и государственного права европейских держав. С 1856 г. возобновились научные командировки профессоров за границу, приостановленные в 1848 г. Профессорам вернули некоторые льготы.

В 1856 г. был восстановлен Учёный комитет министерства народного просвещения, упраздненный в начале 1830-х годов. В его состав вошли авторитетные учёные, профессора. Комитет контролировал преподавание в учебных заведениях, занимался составлением новых учебных программ, а также приступил к подготовке школьной реформы. В 1857 г. в столицах было разрешено открывать частные пансионы и школы. В подготовке школьной реформы участвовали выдающиеся русские писатели, общественные деятели и педагоги – Л.Н. Толстой, Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский. Статья знаменитого русского хирурга Н.И. Пирогова «Вопросы жизни», опубликованная в «Морском сборнике» в июле 1856 г., выдвигала концепцию общечеловеческого, гуманистического воспитания и образования в противовес сословному и узкопрофессиональному. «Быть человеком» – такую цель ста-

вил Пирогов перед каждым русским юношей, вступающим в пору самостоятельной жизни, вот чему предлагал он учить и следующие поколения. Статья имела большой успех, встретив широкий отклик в обществе и печати. Сам Н.И. Пирогов стал попечителем Одесского, а затем Киевского учебного округа. К.Д. Ушинский разрабатывал идею создания начальных народных школ – образовательных учреждений, ориентированных на широкие круги социальных низов. Л.Н. Толстой в 1859 г. открыл в Ясной Поляне школу для крестьянских детей, где проявлялось его педагогическое новаторство.

В России ширилось педагогическое движение. Проблемы реформ системы народного просвещения обсуждались в авторитетных изданиях – журналах «Русский вестник», «Отечественные записки», «Современник», «Сын Отечества» и др. Появляется и собственно педагогическая печать – с 1857 по 1864 г. в России открылось 6 педагогических журналов: «Русский педагогический вестник», «Педагогический сборник», «Журнал для воспитания», «Журнал для родителей и наставников», «Учитель», «Ясная Поляна». Старый официальный «Журнал министерства народного просвещения», редактируемый К.Д. Ушинским, приобретает научно-педагогический характер. В 1857 г. было создано *Педагогическое общество («Педагогическое собрание»)*, в работе которого приняли участие лучшие русские педагоги. В 1861 г. при Вольном экономическом обществе был учрежден Комитет грамотности, который рассматривал общие вопросы народного просвещения и активно содействовал устройству народных школ. Помощь народным школам оказывало местное дворянство и сельское духовенство.

В конце 1850-х гг. по инициативе общественности в России возникают *воскресные школы*, работавшие по воскресным дням. Первые воскресные школы возникли в Киеве в 1859 г. по инициативе бывшего профессора университета Св. Владимира П.В. Павлова, а также попечителя Н.И. Пирогова. К обучению в этих школах допускались как дети, так и взрослые. Они обучались чтению и письму, а также Закону Божию и начальным правилам арифметики. Обучение было бесплатным. Учителя школ (студенты, преподаватели, литераторы, чиновники, офицеры) не получали за свой труд никакого материального вознаграждения. Была открыта подписка для добровольных пожертвований на содержание воскресных школ, учащиеся которых бесплатно должны были получать книги, бумагу, перья и другие предметы, необходимые для обучения. При школах создавались библиотеки и читальни. Воскресные школы появились в сто-

личных городах и быстро распространились по российским губерниям. В начале 60-х гг. насчитывалось около 300 воскресных школ (подавляющее большинство – мужские школы), общая численность учащихся составила 20 тыс. человек. В 1860 г. воскресные школы были официально приравнены к начальным учебным заведениям.

Как «полезное» общественное начинание, воскресные школы встретили одобрение и поддержку правительства. Министр народного просвещения А.В. Головнин распорядился предоставлять воскресным школам гимназические помещения. Однако вскоре положение изменилось. Немалая часть преподавателей придерживалась радикальных взглядов и надеялась превратить воскресные школы в очаг антиправительственной пропаганды. После раскрытия Киевско-Харьковского тайного общества, члены которого были учителями воскресных школ, власти подвергли работу школ расследованию, и в июне 1862 г. по распоряжению императора, чтобы «пресечь зло», воскресные школы были закрыты. В 1864 г. их вновь разрешили открывать, но действовали они уже под началом местного духовенства, под надзором полиции и инспекторов народных училищ. Таким был первый опыт непосредственного участия общества в решении проблем народного просвещения.

2. Либеральные реформы А.В. Головнина. Начальное и среднее образование

С декабря 1861 по апрель 1866 г. министерство народного просвещения возглавлял А.В. Головнин, друг и соратник великого князя Константина Николаевича, одного из самых активных деятелей Великих реформ. Головнин провел важнейшие либеральные реформы начальных, средних и высших учебных заведений.

***Исторический портрет.** Александр Васильевич Головнин (1821-1886) был сыном знаменитого мореплавателя и писателя Василия Михайловича Головнина. В 1839 г. А.В. Головнин с отличием закончил Царскосельский лицей. Он принадлежал к тому поколению «людей сороковых годов», которые, сформированные николаевской эпохой, подвергли её критическому осмыслению и оказались наиболее подготовленными к реформаторской деятельности.*

Современник называл Головнина «одним из самых цельных и искренних» западников среди государственных деятелей. Своей неутомимой работоспособностью (по отзывам современников, Головнин

мог работать с утра до ночи без отдыха) он высоко поднял значение министерства народного просвещения, которое до него считалось одним из второстепенных. При нём расходы на Министерство народного просвещения увеличились вдвое, при этом министр настойчиво убеждал власть в том, что этого далеко не достаточно, подчёркивая, что просвещение – «один из самых полезных и самых производительных предметов государственных расходов». Головнину удалось реорганизовать центральное управление министерством, восстановить университетскую автономию, принять новый гимназический устав, создать систему народных училищ, открыть Новороссийский университет. Всего этого ему удалось добиться в значительной мере потому, что он привлек к работе над реформами научную и педагогическую общественность. А.В. Головнин вернул на службу в министерство уволенных его предшественников Н.И. Пирогова и М.М. Стасюлевича, привлёк к сотрудничеству с министерством либеральных профессоров Петербургского университета К.Д. Кавелина, В.Д. Спасовича, Б.И. Утина. В условиях острой нехватки преподавателей высших учебных заведениях Головин особое место отводил командировкам молодых учёных за границу «для приготовления к профессорскому званию», которые начал предпринимать с 1862 года в обширных размерах.

Современников удивляли необычные по своему демократизму поступки Головнина. Например, весь Петербург говорил о том, что Головнин отказался от казенной министерской квартиры и предоставил это помещение для новой гимназии.

Характерной чертой в деятельности министра был принцип гласности. Работа над проектами уставов начиналась с изучения истории вопроса, в том числе иностранного опыта, а затем проводился сбор мнений всех заинтересованных лиц и широкое обсуждение проблемы в печати. «Программа Головнина, направленная на европеизацию страны, постепенную либерализацию государственного управления, установление более тесных и гибких отношений между властью и образованным обществом, отражала умонастроения целого поколения государственных деятелей, идеалы либеральной бюрократии в целом», - пишет современный исследователь жизни Головнина¹.

---

¹ Стаферова Е. Покушение на либерализм //Родина. 2007. № 1. С. 7.

Наиболее слабым звеном в устаревшей сословной системе образования была начальная школа. Лишь небольшая часть начальных школ находилась в ведении министерства народного просвещения, а остальные подчинялись министерствам государственных имуществ, уделов, внутренних дел и Синоду. Данные официальной статистики (к 1863 г. в России насчитывалось 35 660 школ с миллионным контингентом учащихся¹) явно расходились с реальным положением дел: фактической безграмотностью сельских жителей, удручающе низким качеством обучения в сельских школах, где учительствовать мог любой грамотный крестьянин или отставной солдат. С учащихся взималась плата за обучение от 20 коп. до 1 руб. ежемесячно. Причём учителя, получавшие низкую плату за преподавание, пользовались «харчевым довольствием от родителей учеников». Каждый «учитель» вел занятия в своей школе «как Бог на душу положит, нисколько не подозревая о существовании каких-либо дидактических и методических правил»².

***Свидетельство современника.** В своей книге «Народное начальное образование в Курской губернии» И.П. Белокопский так пишет о начальной школе в дореформенный период: «Помимо жалкого положения школ с точки зрения педагогической и санитарной, и обращение учителей с учениками было просто ужасно: в самых широких размерах и повсеместно была распространена порка розгами, лозою, битье линейками и даже палками, не говоря уже о таких «легких» наказаниях, как стояние учеников голыми коленями на гречихе, дранье чубов и т. п.... в другом селении учителя, вместо учения, проводили время на охоте, при чём учеников употребляли в качестве загонщиков зверей; в некоторых школах по суткам не давали есть и т. д.» Добавим к этому, что многие такие учителя были полуграмотными людьми, «и только самая незначительная часть их имела учительское звание»³.*

А.В. Головнин подчинил своему ведомству все начальные общеобразовательные заведения. 14 июля 1864 г. Александр II утвердил «Положение о начальных народных училищах». Согласно ст. 2 Положения начальные школы разрешалось открывать и содержать как общественным учреждениям, так и частным лицам. Начальными народными училищами министерства народного просвещения становились: 1) приходские учили-

¹ Земское самоуправление в России, 1864–1918. Кн. 1. М., 2005. С. 364.

¹ Чарнолуский В.И. Земство и народное образование. СПб., 1910. Ч. 1. С. 28.

² Звягинцев Е.А. Полвека земской деятельности по народному образованию. М., 1915. С. 14, 17.

ща в городах, посадах и селах, которые должны были содержаться за счёт казны и частных пожертвований; 2) народные училища, созданные и содержащиеся частными лицами. Право открывать свои сельские школы имели также министерства государственных имуществ, внутренних дел, удельное и горное; содержание этих школ поручалось местным обществам. Духовное ведомство открывало и содержало свои церковно-приходские училища. Воскресные школы могли учреждаться как правительством, так и городскими и сельскими обществами, а также частными лицами для обучения ремесленников и рабочих. Огромная роль в устройстве и содержании начальных школ отводилась земским учреждениям, о чём сказано было выше.

Срок обучения в начальных школах, как правило, не превышал трёх лет. В программу начальных училищ входило преподавание чтения, письма, четырёх правил арифметики, Закона Божьего и церковного пения. Хотя обучение в начальных школах было почти повсеместно бесплатным, расходы по содержанию детей в них (на учебники, одежду, питание и т.д.) были непосильны для беднейших слоев населения. К тому же пребывание детей в школе лишало бедные семьи дополнительных рабочих рук. Начальная школа служила в основном зажиточным слоям крестьянства, в то время как беднота овладевала грамотностью преимущественно внешкольным путём, особенно те, кто уходил на отхожий промысел в города. Между начальным звеном образования и средними учебными заведениями не было никакой преемственности.

В период подготовки реформы средней школы были использованы заключения 110 педагогических учреждений и 255 частных лиц. 19 ноября 1864 г. Александр II утвердил «Устав гимназий и прогимназий министерства народного просвещения». Реформа провозглашала принцип равенства – в гимназии и прогимназии принимались дети «всех состояний без различия звания и вероисповедания», с 10 лет. Купцы, мещане, крестьяне вновь получили право учиться в гимназиях, которое было им предоставлено в 1803 г. Александром I и отнято в 1828 г. Николаем I. Однако высокая плата за обучение закрывала доступ в гимназии большинству простонародья.

По уставу 1864 г. среднее образование давали семиклассные гимназии: классические и реальные. Четырехклассные прогимназии также были классическими и реальными и соответствовали первым четырем классам гимназии. Выпускники прогимназий могли переводиться в 5-й класс гимназии соответствующего типа. В классических гимназиях большее внима-

ние уделялось преподаванию древних «классических» языков – латыни и греческому. В реальных гимназиях, взамен древних языков, увеличивался объём преподавания математики и естествознания. Оставался, правда, и латинский язык. Окончание классической гимназии давало право без экзаменов поступить в университет, реальной – в технические вузы.

Проект реформы средней школы в Государственном совете вызвал ожесточенные споры и прения между «классиками» и «реалистами». Poleмика эта продолжилась и после утверждения устава 1864 г. По мнению правящих кругов, всесловная школа являлась слишком широким каналом проникновения демократических элементов в среду привилегированных слоев. Этот канал «охранители» считали необходимым перекрыть, поскольку, как писал позже один из них М.Н. Катков, «нигилизм, как общественная язва... есть совершенно естественный продукт господствовавшей у нас школы...»

Реакция части общественных кругов на преобразование гимназий отразила эпиграмма поэта-сатирика Н.Ф. Щербина:

«О, Головнин! Твоих уставов гимназисты
Откроют на Руси свободы новый рай.
И выйдут все такие прогрессисты,
Что хоть сейчас на каторгу ссылай!»¹.

Многое из задуманного министр А.В. Головнин не успел осуществить. В сентябре 1865 г. он представил императору доклад о проделанной работе и изложил программу на ближайшее десятилетие, которая включала в себя открытие высших технических училищ, создание образцовых народных школ, учреждение новых премий, стипендий и пособий для деятелей науки и просвещения, крупную этнографическую экспедицию по различным областям империи, морскую экспедицию по Тихому океану. Однако к тому времени министр потерял доверие императора, осторожно относившегося к либеральным инициативам Головнина. Александр II распорядился передать доклад Головнина на рассмотрение особой комиссии во главе которой он назначил графа С.Г. Строганова.

Семидесятилетний сановник руководил воспитанием наследника царевича Николая Александровича и с особой заинтересованностью относился к проблемам просвещения. Если в николаевские времена граф, по отзывам современников, «был либералом настолько, насколько можно бы-

---

¹ Цит. по: Стаферова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М., 2007. С. 287.

ло, чтобы не поссориться с государем», то в эпоху реформ выступал как «осмысленный консерватор»¹. С.Г. Строганов и возглавляемая им комиссия подвергли политику министерства народного просвещения суровой критике. Комиссия признала головнинскую политику гласности крайне вредной и ненужной; нецелесообразными признала и учительские съезды в различных губерниях, которые министерство пропагандировало как пример инициативы и самостоятельности учителей. Серьезной критике подверглись и планы Головнина.

Участь либерального министра была предreshена ещё до того, как 4 апреля 1866 г. на Александра II совершил покушение Дмитрий Каракозов. Выстрел в императора стал лишь формальным поводом для отставки А.В. Головнина. Учрежденная для расследования этого дела под председательством графа М.Н. Муравьева следственная комиссия уже через несколько дней установила факты распространения среди учащейся молодежи разрушительных революционных идей. Ответственность за это была всецело возложена на министра народного просвещения и на то направление, которое он дал своему ведомству. В рескрипте Александра II от 13 мая 1866 г. на имя председателя Комитета министров князя Гагарина школа обвинялась в распространении «пагубных лжеучений».

Уже через 10 дней после покушения Головнин был уволен от занимаемой им должности, а место его занял граф Д.А. Толстой. Деятельность нового министра началась с предписания попечителям учебного округа усилить бдительный надзор за состоянием частных учебных заведений, за домашними учителями и наставниками. По настоянию Д.А. Толстого для усиления административного контроля в начальной школе в 1869 г. была учреждена должность инспектора народных училищ. 25 мая 1874 г. было утверждено новое «Положение о начальных народных училищах». Руководителями учебной части, фактически надзирателями за земской школой и учительством становились директора и инспекторы народных училищ.

Всё же, несмотря на усиление административного контроля, при активном участии самого населения и земства начальная школа продолжала развиваться. Если к 1861 г. имелось около 3 тыс. школ для государственных крестьян, то в 1874 г. всех школ, состоящих на учёте правительства, было 22389, а в 1880 г. – уже 28118. В них училось около 900 тыс. мальчиков и более 200 тыс. девочек. Как уже отмечалось выше, наиболее быстро росла сеть земских школ.

---

¹ Цит. по: Стаферова Е. Покушение на либерализм //Родина. 2007. № 1. С. 8.

Под руководством Д.А. Толстого был подготовлен новый устав гимназий, утвержденный вопреки мнению большинства Государственного совета 30 июля 1871 г. Новый устав предусматривал сохранение только классических гимназий с восьмилетним сроком обучения (7-й класс делился на 2 года). В них на латинский и греческий языки отводилось более 40% учебного времени. Уменьшалось число уроков русского языка, литературы, истории и географии. Физика, математика и естествознание занимали 18% учебного времени. Из-за неимения достаточного числа русских преподавателей латыни и греческого языка пришлось приглашать специалистов из-за границы (в основном, чехов), которые слабо владели русским языком. Значительно были усилены регламентация учебного процесса. Вводились должности классных наставников и классных надзирателей, проводивших воспитательную работу, а также наблюдавших за благонадежностью учащихся. Взамен упраздненных реальных гимназий в 1872 г. учреждались шестиклассные реальные училища. Доступ реалистам в университет был закрыт.

***Справка.** Статистика показывает: в гимназиях учились в основном дети дворян и городских сословий. В 1874 г. в классических гимназиях дети дворян и чиновников составляли 57,8%, духовенства 5,6, городских сословий 29, крестьян – 6,4, прочих 1,2%. В реальных училищах наблюдался заметный рост городских сословий. В прогимназиях, которые давали законченный курс образования, достаточный для поступления на гражданскую службу, училось много выходцев из городских сословий (в 1880 г. их было 43,2%).*

Общая численность учебных заведений стремительно возрастала. Если в 1856 г. в России насчитывалось 8,3 тыс. начальных и средних школ, училищ и гимназий, то в 1880 г. – 22,7 тыс., а в 1896 г. – 78,7 тыс. В 1856 г. в них обучалось 450 тыс. человек, в 1880 г. – 1141 тыс., в 1896 г. – 3801 тыс.

3. Студенческие волнения в 1861 г.

Осенью 1861 г. все университеты России (кроме Дерптского) были охвачены волнениями. Зачинщиками протеста выступили петербургские студенты. Поводом к выступлению студентов стали новые правила Петербургского университета, опубликованные 31 мая 1861 г. С их помощью правительство и министерство просвещения собирались покончить с той студенческой вольницей, которая царила в университете с конца 1850-х годов.

Свидетельство современника. А.М.Скабичевский, который сам был студентом в эти годы, вспоминал: «вместо прежнего мертвого безмолвия пустых коридоров...теперь с утра и до сумерек университет шумел, как пчелиный улей, в его коридорах и аудиториях было не протиснуться». Пестрая толпа «наполняла ежедневно университет. Тут вы могли встретить людей всех возрастов, званий и состояний: и военных, и штатских, и попов, и крестьян в чуйках, рядом с роскошно разодетыми великосветскими барынями...Все, кому только был досуг и охота, шли в университет: кто – учиться, кто – послушать блестящих в то время знаменитостей, кто – просто из любопытства или следуя моде»¹.

Студенты отращивали длинные волосы, усы, бороды, «считавшиеся в то время несомненным признаком политической неблагонадежности»². Вне стен университета студенты фактически обладали правом неприкосновенности. В случае каких-либо проступков с их стороны, полиция не имела права их арестовать, а могла только препроводить виновных в университет и отдать в руки начальства.

Новые правила Петербургского университета запрещали студенческие сходки, без предварительного разрешения начальства. Отменялись свидетельства о бедности – теперь все вновь поступившие студенты и вольнослушатели должны были вносить плату за обучение в размере 50 рублей в год. Студенты теряли право распоряжаться кассой взаимопомощи – оно переходило к инспектору и ректору. Выдавать пособия беднейшим студентам из общей кассы разрешалось только с позволения ректора.

Кроме того, устанавливались более строгие правила переводных и выпускных экзаменов. Студентов, не выдержавших экзаменов, положено было сразу исключать из университета, а не оставлять на второй год. Посещение лекций признавалось обязательным. Все студенты должны были получить так называемые матрикулы – особые книжки с напечатанными новыми правилами, которые они были обязаны всегда иметь при себе. В них должны были записываться посещения студентами обязательных для них лекций и различные замечания об их поведении. Подтверждалось прежнее распоряжение «не допускать ни под каким предлогом и ни в каком виде шумного одобрения или порицания преподавателя». Студенческая форма отменялась «дабы, – по словам Д.А. Милютина, – окончательно из-

---

¹ Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М.-Л., 1928. С. 142-143.

² Воспоминания старого студента //Русская старина. 1906. Кн. 11. С. 446.

гладить всякие корпоративные предания, а вместе с тем освободить университетское начальство от ответственности за поведение и поступки каждого студента вне стен университета». Одновременно было объявлено о запрете студентам носить «отличительные наружные знаки» каких-либо национальностей или сообществ, и в первую очередь поляков¹. Здесь проявилось свойственное властям недоверие к польским студентам, которых подозревали в антиправительственной пропаганде. Новые правила произвели на образованную часть общества удручающее впечатление. Газета «Русское слово» определяло их как «препятствия для образования», как «преграды, препятствующие росту и развитию нашего общества».

Новые правила появились в то время, когда студенты уже разъезжались на каникулы, поэтому они сначала не произвели на студентов особенного впечатления. Летом 1861 г. министра народного просвещения Ковалевского, человека, по общему мнению, мягкого и либерального, сменил на этой должности генерал-адъютант адмирал граф Е.В. Путятин, известный своей строгостью. Военный моряк и дипломат, он не имел ни малейшего понятия об университетских нравах и традициях. По словам Д.А. Милютин, «неожиданное назначение его министром народного просвещения удивило всех и его самого... Он видел перед собою одну только задачу – водворить дисциплину в распушенной толпе студентов»². В августе, перед самым началом нового учебного года, сменился и попечитель Петербургского университета. Им стал генерал-лейтенант Г.И. Филипсон, бывший начальник главного штаба Кавказской армии. По выражению А.И. Герцена, его сделали «евнухом императорского просвещения».

Занятия в университете начались позже обычного – 18 сентября. Матрикулы к сроку не успели подготовить. В ожидании новых правил, студенты стали каждый день собираться на сходки, на которых обсуждали сложившееся положение. 23 сентября, прочитав вывешенное на стенах университета объявление о запрете сходок, толпа до 500 возмущенных студентов взломала дверь в актовывый зал, переломала стулья, разбила стекла. Начался митинг. Исправляющий должность ректора профессор И.А. Срезневский пытался успокоить студентов, уговаривал их подчиниться новым правилам, но студенты продолжали шуметь. Бунтовщики решили не брать «ненавистных матрикул», «тут же были составлены адреса, один – на имя государя, а другой – министру народного просвещения»³. Следует

¹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1860-1862. М., 1999. С. 159-160.

² Там же. С. 158.

³ Воспоминания старого студента //Русская старина. 1906. Кн. 11. С. 453.

особо отметить, что ни в тот день, ни после студенты не выдвигали никаких политических требований. Через полчаса студенты разошлись. В тот же день граф Путятин распорядился временно прекратить лекции до тех пор, пока не будут розданы матрикулы студентам, запереть входы в университетское здание.

25 сентября, утром в понедельник, студенты, собравшиеся перед закрытыми дверями университета, почувствовав себя обманутыми, решили идти все вместе к попечителю. К ним присоединились учащиеся Медико-хирургической академии и других высших учебных заведений, а также несколько молодых офицеров – слушателей военных академий. Решено было идти тихо, без возгласов, только по тротуарам и притом дорогой не курить, чтобы не давать повода для вмешательства полиции. Более тысячи человек двинулась через Дворцовый мост по Невскому проспекту и Владимирской улице в Колокольный переулок, где жил генерал-лейтенант Филипсон. По свидетельству участников демонстрации, студенты шли стройными рядами, «попарно и по три человека вместе» и «это производило особенно сильное впечатление на непривыкшую к таким зрелищам публику»¹. Народ был изумлен непривычным зрелищем. В начале Невского проспекта их приветствовали французские парикмахеры. Они «выбегали из своих магазинов и с оживленными лицами, сверкая глазами и весело потирая руки, восклицали на своем языке: «Революция! Революция! Свобода! Да здравствует свобода!»². После Полицейского моста колонну демонстрантов сопровождали городовые. Время от времени к студентам подходили жандармские офицеры, вежливо спрашивали, куда они идут и затем удалялись для доклада вышестоящему начальству. Сам попечитель Филипсон видел шествие студентов по дороге в университет, но, прибыв на место и узнав в чем дело, поспешил вернуться к своему дому.

В начале первого часа толпа молодых людей подошла к дому попечителя. За ними по пятам следовал отряд конных жандармов и масса народа – по утверждению самого Филипсона, «разного сброда привлеченного любопытством в этой многолюдной части города»³. Таким образом, по разным оценкам, там собралось от трех до пяти тысяч человек. Студенты шумели, кричали, свистели. Мальчишки бегали по улицам и кричали: «Бунт!

¹ Колокол. 1861. 15 ноября. Л. 112. с. 934; 1 декабря. Л. 114. С. 951; Скабический А.М. Указ. соч. с. 338.

² Воспоминания старого студента. С. 455.

³ Гессен С. Петербургский университет осенью 1861 г. (по неопубликованным материалам из архива А.В.Никитенко) // Революционное движение 1860 годов. М., 1932. С. 13.

Бунт!» Один полицейский офицер объяснял толпившемуся народу, что все собравшиеся здесь – поляки¹. Попечитель не сразу, но все-таки согласился выслушать студентов. В это время на Владимирской улице появилась полицейская пешая команда, пожарные с топорами и рота солдат. Сюда прибыло всё городское начальство: военный генерал-губернатор генерал-адъютант Игнатъев, обер-полицмейстер генерал-адъютант Паткуль, а также шеф жандармов Шувалов. Многие из учащихся с криками «войска идут! насилие! ура!» бросились навстречу им. Но столкновения совместными усилиями удалось избежать: студенты согласились выбрать из своей среды депутатов для переговоров с начальством, но потребовали, чтобы Филипсон отправился вместе с ними в университет. Толпа двинулась обратно по улицам, но уже кто на извозчике, кто на лодке по воде, кто пешком. Генерал Филипсон «сначала шел пешком, а потом взял извозчика и поехал шагом, под конвоем толпы студентов»². Прибыв к университету, молодежь выбрала трёх депутатов для переговоров и осталась ждать на улице и во дворе. В результате студентам было обещано ходатайствовать перед высшим начальством о смягчении новых правил и о возобновлении лекций на следующей неделе. После этого студенты разошлись.

Однако, как писал «Колокол», «с точки зрения полицейского порядка, спокойное шествие нескольких сот человек по улице, представлялось страшной демонстрацией»³, напугавшей высокое начальство. Правительство перешло к агрессивным действиям. В ночь с 25-го на 26-е сентября были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость 28 студентов (в том числе их депутаты Михаэлис, Ген и Стефанович), как главные зачинщики беспорядков. Это обстоятельство дало ещё один повод студентам неповиноваться властям. Утром 27 сентября на университетском дворе собралось 600 человек, среди которых, как следует из донесения Филипсона министру, «по крайней мере, четвертая часть была не студенты, а люди разных званий и сословий»⁴. Вскоре прибыли солдаты лейб-гвардии Финляндского полка во главе с генерал-губернатором П.Н. Игнатьевым. Сходка была окружена. Несмотря на угрозу открыть огонь, студенты отказывались разойтись и с энтузиазмом кричали: «Умрём! Умрём!» И лишь речь слушательницы Марии Богдановой отрезвила их. Она убеждала, что

¹ Колокол. 1861. 15 ноября. Л. 112. С. 935.

² Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки (1854–1886). М.-Л., 1934. С. 296; Милютин Д.А. Указ. соч. С. 165.

³ Колокол. 1861. 1 декабря. Л. 114. С. 951.

⁴ Гессен С. Указ. соч. С. 17.

студентам предстоит не геройская смерть, а позорное избиение, и призвала своих товарищей подчиниться насилию. Студенты после недолгих споров, организованно вышли из ворот и на глазах многочисленной толпы зевак, стоявшей на набережной, «вежливо раскланиваясь с генералом Игнатьевым и прочими сановниками», разошлись по домам¹.

28 сентября в газетах появился приказ обер-полицмейстера А.В. Паткуля о запрещении всяких сходок. Все последующие дни аресты студентов продолжались, поэтому они стали собираться на квартирах. 3 октября университетское начальство объявило студентам: те из них, кто желает подчиниться «правилам, изложенным в матрикулах», обязаны прислать прошение по городской почте; не подавшие прошения отныне считались уволенными из университета². К 7 октября в правление университета поступило до 552 прошений от студентов и 101 от вольнослушателей. В то же время министр граф Путятин согласился с предложением совета университета образовать комиссию для пересмотра правил о порядке взыскания платы за слушание лекций.

11 октября двери университета снова открылись, но на занятия явилось только 260 слушателей. На следующий день разыгрался последний акт студенческой драмы. По словам очевидцев, студенты, не принявшие матрикул, хотели отобрать их у тех студентов, кто принял эти «несчастные» книжки, «и тут же у порога университета» их уничтожить³. По приказу великого князя Михаила Николаевича к университету прибыли войска. Солдаты с помощью прикладов и конные жандармы, обнажив палаши, бросились на студентов и загнали их на университетский двор. Студенты отбивались палками. Несколько человек было ранено. После этого, студентов под конвоем солдат отвели в крепость. По пути следования студенты «не переставали ругать солдат всякими неприличными словами и угрожали офицерам»⁴. Арестованных студентов поместили сначала в Петропавловскую крепость (как государственных преступников), некоторых за недостатком места – в здании казначейства. Потом большинство перевезли на пароходах в Кронштадт, так как Петропавловская крепость была переполнена арестованными. Как видно из отчёта III отделения за 1861 г., всего было арестовано 335 человек⁵.

¹ Воспоминания старого студента. С. 459; Скабичевский А.М. Указ. соч. С. 338.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1861. 17 октября.

³ Гессен С. Указ. соч. С. 18.

⁴ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 169.

⁵ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993. С. 52.

Кто-то мрачно сострил, написав на воротах Петропавловки: «Петербургский университет».

Студенческая история нашла живой отклик в обществе. Либеральная общественность сочувственно относилась к студентам, смотрела на них, как на мучеников, негодовала по поводу карательных мер, предпринятых Игнатьевым и Паткулем, осуждала молодых офицеров, которые командовали солдатами во время избиения несчастных студентов. Делались даже попытки составить адрес на имя государя. Консервативная часть общества полагала, по словам князя В.П. Мещерского, что «все студенческие беспорядки были делом политических подстрекателей, которые пролезли в университет»¹, в особенности польских студентов. Министр внутренних дел назвал происходящее «университетским восстанием». В глазах простого народа студенты надолго предстали главными, наряду с поляками, врагами царя-батюшки. Многие «маленькие люди» были уверены, что «бунтуют барчуки», потому что «царь отнял у их родителей крестьян». В связи с этим в народе распространились сильные антистуденческие настроения: «Выпустил бы царь-батюшка нас на них – мы показали бы им кузькину мать!» Скабичевский приводит интересное свидетельство, как однажды он шёл по Большому проспекту Петербургской стороны, всё ещё одетый в студенческий сюртук, и навстречу ему шла старушка с маленькой внучкой. Девочка показала на него «своей бабушке пальцем и промолвила:

– Бабушка, смотри-ка, один-то ещё остался!

Точно дело шло о тараканах, истребляемых персидским порошком»².

Свидетельство современника. *Правда, были среди них и сочувствующие студентам. Анна Петровна Маркова-Виноградская (по первому браку Керн) в письме своему знакомому передает рассказ одного юноши, который пожелал узнать, что думает о студенческой истории простонародье. Извозчик, с которым он беседовал, был слегка выпивши и, следовательно, разговорчив. «А вот я вам расскажу, барин, всё как есть видел собственными глазами... Они, вот видишь ли, все такие умные, да учёные нынче, уж без книжек ни-ни. Вот они и хотят все учиться, а им говорят: «Подай 50 целкачей». Ну, а иные есть такие, что разбеднеющие...Ну, они и пришли раз в Ниверситет. Хвать, а Ниверситет заперт! Как быть? Что делать? Они к набольшему их, к генералу-то, что в Колокольной улице, - так*

¹ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 124.

² Скабичевский А.М. Указ. соч. С. 149-150.

все гурьбой и пошли спросить, что, мол, это значит, что заперт Ниверситет? Ну, генерал им сказал: «подите, отпрут». Они и пошли так тихо, скромно и все книжки читают, так по Невскому проспекту идут смирно и все читают. Пришли к Ниверситету-то, а там войско всякое такое и жандармы... Их и накрыли, моих голубчиков! Больно жалко их бедненьких. Не хорошо только, что, говорят, между ними есть и такие, что замышляли что-то недоброе против царя. Ну, это неладно: царь добрый, он нам волюшку дал. Его не замай»¹.

Итог противостояния студентов и властей выглядел следующим образом. По делу об университетских беспорядках была учреждена особая следственная комиссия под председательством тайного советника Пущина. Группа наиболее видных профессоров (Пыпин, Спасович, Стасюлевич, Утин и Кавелин) вследствие резкого расхождения во взглядах с министром народного просвещения подала в отставку. 20 декабря университет был закрыт до пересмотра университетского устава. Участь арестованных студентов была решена: пятерых исключили из университета и выслали в отдаленные города под надзор полиции, 32 студента четвертого курса присуждались к тому же наказанию, если никто не примет их «на поруки». Остальным студентам первых трёх курсов предложили взять матрикеры или немедленно покинуть столицу (если не найдут поручителей)².

Студентов Петербурга поддержали студенты Московского университета. С 27 сентября в Московском университете начались многолюдные сходки. «По случаю закрытия Петербургского университета за волнения, – писал только что принятый на первый курс будущий историк В.О. Ключевский, – на юридическом факультете у нас читали прокламацию, рьяную, раздражительную, в тоне «Aux armes citoyens!»*. Она прислана была из Петербурга. Читавшему отвечали шумными рукоплесканиями». 12 октября 1861 г. студенческие «беспорядки» в Москве закончились столкновением с полицией около дома генерал-губернатора. К полиции присоединились жандармы – конные и пешие, которые избивали студентов. По свидетельству очевидцев, на студентов была устроена настоящая охота: «где только показывалась студенческая фуражка, полиция и жандармы устремлялись на

---

¹ Петербург в конце 1861 г. (Дневник А.П. Марковой-Виноградской) // Минувшие годы. 1908. № 10.

² Гессен С. Указ. соч. С. 18-19.

* «Aux armes citoyens!» (фр.) – «К оружию, граждане!» - призыв времен Французской революции XVIII в.

несчастные жертвы и били их бесчеловечным образом». Столкновение студентов с полицией в Москве получило у современников название «Дрезденского сражения», «битвы под Дрезденом» (дом генерал-губернатора находился напротив гостиницы «Дрезден»). Волна студенческих «беспорядков» прокатилась и по другим городам (Казань, Киев, Харьков).

4. Университетский устав 1863 г.

Под непосредственным влиянием студенческих волнений правительство приступило к разработке реформы высшей школы. В империи к этому времени имелось восемь университетов. Кроме «неблагонадежного состояния умов» студенчества, отечественная высшая школа столкнулась с очень серьезной проблемой – крайне низким уровнем базовой подготовки студентов.

***Свидетельство современника.** Дневник А.В. Никитенко донёс до нас удручающую картину экзамена, который состоялся 12 апреля 1861 года в Санкт-Петербургском университете: «Экзамен в университете из русской истории. Надо отдать справедливость этим юношам: они прескверно экзаменовались. Они совсем не знают – и чего не знают? – истории своего отечества. В какое время? – Когда толкуют и умствуют о разных государственных реформах. У какого профессора не знают? – У наиболее популярного и которого они награждают одобрительными криками и аплодисментами [Костомарова]. Кто не знает? – Историко-филологи, у которых наука считается все-таки в наибольшем почёте и которые слывут лучшими студентами, не знаю, впрочем, почему. Невежество их, вялость, отсутствие логики в их речах, неясность изложения превзошли мои худшие ожидания»¹.*

18 июня 1863 г. Александр II подписал новый университетский устав, который превратился в закон. Новый закон существенно увеличивал материальные средства университетов и расширял права их выборных органов. Устав 1863 г. был признан общим уставом российских университетов. Действие его распространялось на Московский, С.-Петербургский, Харьковский, Казанский и Киевский университеты. Структура их в основном осталась такой, какой была накануне реформы. В каждом устанавливалось четыре факультета: историко-филологический, физико-

---

¹ Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 2. М., 2005. С. 250-251.

математический, юридический и медицинский (в Петербургском не было медицинского, но был факультет восточных языков). Вместе с тем допускались некоторые различия между университетами в их внутренней жизни.

Наиболее важные нововведения были направлены к улучшению научной и учебной работы в университетах. Значительно увеличивалось число штатных кафедр на всех факультетах – до 13–19 на каждый университет. Вводились новые предметы. Восстанавливалась кафедра философии. Вводилось преподавание античной (греческой и римской) литературы. Создавались особые кафедры истории русского права, истории важнейших законодательств древних и новых, истории славянских законодательств и т.д. В то же время из преподавания были исключены фехтование, рисование, музыка – атрибуты чисто дворянского образования. Богословие осталось обязательным предметом. Устав предусматривал создание многих новых лабораторий, кабинетов, музеев, клиник. Сильно увеличивался количественный состав профессоров и преподавателей. По прежним штатам общее число их (в пяти университетах) равнялось 265. Теперь оно должно было вырасти до 443, т.е. на 67%, не считая внештатных преподавателей¹.

Улучшения эти стали возможны благодаря значительному усилению денежных средств, которое предусматривалось новыми штатами. До реформы на содержание Московского, Петербургского, Киевского, Харьковского и Казанского университетов ежегодно отпускалось 988 357 р. 26 к. Теперь эта сумма возросла до 1762 383 р. 50 к. Seriously улучшилось материальное содержание профессорско-преподавательского состава, причём был ликвидирован имевшийся раньше разрыв между ставками в столичных и провинциальных университетах. Денежные оклады профессоров и других преподавателей возросли в среднем примерно *вдвое*. Обыкновенным профессорам (получавшим ранее от 1263 до 1572 руб.) назначалось по 3000 руб. в год, экстраординарным (получавшим от 954 до 1175 руб.) – 2000 руб., доцентам – 1200 руб. (прежний адъюнкт получал от 643 до 800 руб.). Увеличение материального содержания примерно вдвое позволяло университетским преподавателям не искать дополнительных заработков. Но этим дело не ограничилось. Все они были повышены в чинах, что имело немаловажное значение. Ректору теперь полагался высокий чин IV класса. Профессора, доценты, прозекторы, лекторы, астрономы-наблюдатели, лаборанты производились сразу «двумя чинами выше присвоен-

---

¹ Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993. С. 185.

ного их должностям класса». Ординарному профессору отныне присваивался чин V класса (как прежде ректору), экстраординарному – VI, доценту – VII. Подобные перемены наглядно выражали признание высокой общественной полезности университетов. Престижность и привлекательность профессии университетского преподавателя возросли, что должно было привлечь в университеты многих способных людей. Важно и то, что, расширив права коллегиальных органов, новый устав поставил профессоров (да и остальных преподавателей) в более независимое положение по отношению к попечителю, укрепил их авторитет и влияние.

Существенные изменения вносились в преподавательский состав университетов. Наиболее важной была замена адъюнкта доцентом. Доцент самостоятельно преподавал те или иные предметы, а не являлся помощником профессора, как прежний адъюнкт. По приглашению ректора доценты могли присутствовать на заседаниях университетского совета, а после двух лет службы в этом звании получали право голоса в факультетском собрании.

Устав 1863 г. заметно ослабил чиновничью опеку над университетами и возродил принцип автономии или самоуправления высшей школы. Всеми учебными, научными, и многими административными (в том числе студенческими) делами ведали коллегиальные органы – университетский совет (состоял из всех профессоров университета) и факультетские собрания (состояли из всех профессоров факультета). Университетский совет выбирал ректора, проректоров, деканов и профессоров, а министр просвещения в дальнейшем утверждал их в должности. Решения совета по многим важным вопросам признавались окончательными: ему предоставлялось распределять предметы между факультетами и устанавливать порядок преподавания, утверждать в ученых степенях, присуждать премии за учёные труды и медали студентам, назначать им стипендии и т.п. Возросла роль факультетских собраний. Университетские советы сохранили право освобождать студентов от платы за обучение, сокращать её размер, разрешать отсрочки во взносе. Однако предоставлять такие льготы и выплачивать стипендии отныне позволялось лишь тем, кто успешно занимается. Размер платы остался прежним: 50 руб. в столицах и 40 руб. в остальных городах. К занятиям допускались и посторонние слушатели (на основании особых правил).

Существенно видоизменялись формы надзора за учащимися. Теперь совет мог поручить надзор за студентами либо проректору (из профессоров), либо инспектору из лиц с университетским образованием. Тот и другой

действовали на основании выработанной советом инструкции. Функции надзора были ограничены наблюдением за тем, чтобы учащиеся исполняли установленные правила. Проступки студентов рассматривал университетский суд.

В пореформенный период численность профессорско-преподавательского состава сильно возросла, хотя в университетах всё ещё имелось много вакансий. Основным затруднением при замещении новых кафедр был недостаток денежных средств.

Одним из главных результатов преобразования университетов стало усиление их научного значения. В 1860-1880-е годы по авторитетному свидетельству К.А. Тимирязева, именно университеты являлись «показателями движения науки в стране». Университетская реформа заметно содействовала возникновению многих научных обществ. По новому уставу университеты могли учреждать их с разрешения министра. Уже в октябре 1863 г. в Московском университете начались хлопоты о создании Общества любителей естествознания. Его основателем был 29-летний профессор зоологии А.П. Богданов, вокруг которого объединился кружок ещё более молодых энтузиастов – кандидатов и студентов университета. Работа Общества любителей естествознания оказалась на редкость плодотворной. Оно стало выпускать печатный орган на русском языке, организовало весной 1867 г. в Москве Всероссийскую этнографическую выставку, получившую широкий общественный резонанс, несколько научных экспедиций в Среднюю Азию, к Черному, Балтийскому и Белому морям и т.п.

В пореформенный период были созданы Математическое общество при Петербургском университете, Общество опытных наук (с физико-химической и медицинской секциями), Эпидемиологическое при Харьковском университете, Общество любителей российской словесности при Московском университете. В 1863 г. было основано Московское юридическое общество, действовавшее при университете. В годы действия нового университетского устава в России состоялось шесть археологических съездов в Москве (1869), Петербурге (1871), Киеве (1874), Казани (1877), Тифлисе (1881) и Одессе (1884). Эти съезды проводились под эгидой высокопоставленных лиц (графа и графини Уваровых, великого князя Константина Николаевича).

Всего к концу XIX века в России было 63 (в том числе – 10 университетов) высших учебных заведений, в них обучалось около 30 тыс. студентов. Численность университетских студентов возросла с 5,5 тыс. в 1860 г. до 16,5 тыс. в 1899 г. Причём более половины этого числа студентов

приходилось на Московский и Петербургский университеты.

Мнение историка. Элен Каррер д Анкосс (Франция): «нельзя недооценивать размах усилий, предпринятых в этой области во времена Александра II. Они преследовали две цели: необходимость снабдить Россию, вставшую на путь стремительных перемен, квалифицированными кадрами, которых ей катастрофически недоставало, и отчаянное стремление приспособиться к постоянному росту оппозиции, и противопоставить оппозиционной элите другую элиту, получающую продвижение от государства и, как предполагалось, преданную ему»¹.

Справка. За 25 лет царствования Александра II с 1855 по 1880 г. расходы государства на народное просвещение выросли с 3 до 16,5 млн. руб. Одним из главных недостатков системы народного образования оставалось слабое финансирование. Расходы министерства народного просвещения составляли около 2,6% бюджета (в Англии почти 10% всего бюджета, во Франции – 6,4%, в Пруссии – около 6%, в Австрии – 2,8%, в Италии – 2,5%)². На просвещение одной души в год в России расходовалась примерно 21 коп., что было в 10 раз меньше, чем в Англии и Франции.

Несмотря на сравнительно быстрый рост народного образования в пореформенной России, к концу XIX в. подавляющее большинство населения продолжало оставаться неграмотным. По переписи 1897 г. удельный все грамотных людей составлял всего 22,3% населения страны (к 1917 г. он повысился до 31,9%).

5. Студенческая жизнь 1860-1880-х гг.

За время действия устава 1863 г. состав учащихся ещё более демократизировался. Новый статус жизни учащихся определялся правилами 1863 г., составленными в каждом университете особо. Согласно этим правилам, студенты признавались «отдельными посетителями университета». Любые коллективные действия их запрещались – сходки, подача адресов, жалоб и прошений, выбор депутатов для объяснений с начальством, устройство

---

¹ Каррер д Анкосс Э. Незавершенная Россия /Пер. с франц. – М.:РОССПЭН, 2005. С. 128.

² См.: Россия. Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А., Ефрона И.А. СПб., 1898. С. 206.

в университетских зданиях студенческих касс, библиотек, читален, курительных комнат, спектаклей, концертов, выражение одобрения и неодобрения преподавателю. В некоторых случаях были сделаны небольшие смягчения: в Петербургском университете студенческие объявления допускались с разрешения инспектора и за его подписью, в Московском позволялось «сообщать о своих нуждах начальству и профессорам, но в личной форме»; косвенно допускались сходки, не запрещенные инспекцией.

Усиливался контроль над занятиями учащихся. Почти все университеты вернулись к проведению ежегодных переводных экзаменов, от которых за несколько лет до того отказались. В Петербургском университете такие экзамены устанавливались только для лиц, пользующихся стипендиями и льготами, в Московском и Харьковском – для всех без исключения. Только в Киевском университете сохранился прежний порядок: мерами контроля здесь признавались не экзамены, а практические занятия и письменные сочинения; выпускные экзамены сдавались в два срока: после двух лет обучения и на последнем курсе.

Допущение льгот в плате за обучение ставилось в зависимость от успешности занятий. Так, по правилам Московского университета для полного освобождения от платы требовалось получить на годичном испытании в среднем не менее 4,5 балла, для сокращения платы наполовину – не менее 4, для отсрочки – не менее 3,5. Студенты, получившие менее 4 баллов или не сдавшие какой-нибудь экзамен, лишались стипендии, так же как и те, кто вел себя «непохвально». В Казанском университете право на стипендии и пособия, как и на освобождение от платы, получали только те студенты, которые хотя бы на половине экзаменов и репетиций удостоились высшей оценки («весьма удовлетворительно») и отличились в письменных работах или практических занятиях. Менее строгими были требования Харьковского университета (3,5 балла по главным предметам и 3 по дополнительным).

Льготы и стипендии давались на год или на полгода, после чего требовалось возобновлять ходатайство. Для посторонних слушателей льгот не допускалось. В Московском университете плата с них устанавливалась более высокая, чем со студентов: 5 руб. в полугодие за каждый предмет, а за посещение лекций приват-доцентов – по соглашению с преподавателем. В Петербургском университете назначалось 4 руб. за предмет и не более 50 руб. в общей сумме в год.

Доступ в университеты устанавливался только по билетам. Такими мерами правительство надеялось предотвратить повторение студен-

ческих «беспорядков». По словам министра юстиции графа Палена, учащая молодежь составляла в 1870-х годах «главный контингент лиц», занимающихся пропагандою «пагубных и разрушительных учений». По данным III отделения, на долю студентов приходилось 32,7% общего числа лиц, привлекавшихся по делам о противоправительственной пропаганде. Одной из главных причин существования в студенческой среде «бунтарского духа» следует признать бедность.

Документ. Из отчёта III отделения за 1869 год.:

«Другая особенность наших высших учебных заведений, сравнительно с однородными заведениями в других странах, заключается в огромном числе студентов, не имеющих никаких средств к жизни...

За тысячи вёрст, со всех концов нашего обширного отечества, стекаются в Петербург молодые люди искать высшего образования. Собственных средств у многих едва хватает на дорогу, и они льстят себя надеждою, что в большом городе им нетрудно будет кормить себя уроками. Эта надежда если и сбывается, то большею частию не скоро и не в достаточной мере, чтобы обеспечить существование студента...

Тиф, чахотка и другие болезни, являющиеся вследствие истощения сил, делают ежегодно обильную жатву среди этих бедняков, которые, оставаясь при среднем образовании, без сомнения, нашли бы себе занятия и пропитание.

Нищета, с вытекающими из неё физическими и нравственными страданиями, и, с другой стороны, вид столичной роскоши - ожесточают молодого человека, и он, вместо того, чтобы винить себя за избрание ложного пути дает веру коварным наущениям людей, которые указывают ему на существующий общественный и государственный строй как на источник всех бед его и ему подобных...

Неимущих студентов в здешних учебных заведениях так много, что, несмотря на чрезвычайно большое число стипендий, их далеко недостаточно по числу лиц, которые, за отсутствием собственных средств к жизни, в них бы нуждались или желали бы их получить...

К несчастью, эти злонамеренные наущения находят веру: провлачив год или два бедственную, почти нищенскую жизнь, не досчитываясь некоторых товарищей, умерших от порождаемых нуждою болезней, многие студенты оставляют заведения и идут приискивать себе пропитание на другом поприще, внося в новую деятельность глубоко засевишие семена озлобления против правительства,

мнимого виновника их злополучия, и запас противугосударственных лжеучений»¹.

По собранным в 1875 г. правительственной комиссией сведениям, во всех университетах наблюдалось «чрезвычайное развитие бедности между студентами»: «И в прежнее время... в наших университетах бывало немало недостаточных и бедных молодых людей; но бедность эта никогда не являлась ни в таком поразительном виде, ни в таких обширных размерах». Прямо говорилось о студенческом «пролетариате». Так, в Казанском университете только 28% студентов жили на собственные средства, остальные могли существовать лишь благодаря стипендиям и пособиям. «Некоторые из студентов, – сказано в «Материалах» комиссии, – живут в ужасной обстановке и расходуют на свой стол от 3 до 5-ти копеек в день (чёрный хлеб с луком или редькой). Живут они по несколько человек вместе, в подвальных этажах». В том же документе отмечалась «непомерная» нищета между студентами Московского университета, «крайняя бедность студентов в Киеве» («едва ли 1/3... существует на собственные средства, а остальные кое-как перебиваются») и в других местах. Льготами во взносе платы пользовались по бедности в 1866 г. 49%, в 1874 г. – 78,4% всех студентов².

***Свидетельство современника.** Казанский студент Иван Мещанинов вспоминал о своеобразной коммуне из 5-6 студентов, которые «с разрешения полицмейстера жили в доме, опечатанном полицией как предназначенный на слом за ветхостью. Им была предоставлена даровая квартира с правом употреблять на отопление ненужные им части строений: сарай, перегородки в доме и даже, в случае особой нужды, крыльцо.*

У коммуны было только два полных комплекта одежды, в которых можно показаться на улице; в них они ходили по очереди на лекции и отправлялись в разного рода экскурсии (например, на уроки, гонорар от которых шёл в общую кассу); чем они питались – Господь ведает. Помню я, однажды рассказывали они нам с восторгом, что «имели сегодня превосходный куриный суп». Оказалось, что у соседки скончалась естественною смертью курица – они её заполучили будто бы для каких-то опытов и съели»³.

¹ «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869: Сборник документов. М., 2006. С. 679–682.

² Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. – М., 1993. С. 235.

³ Мещанинов И. Из воспоминаний старого казанского студента //Русская старина. 1914. № 4. С. 140.

«Всеобщую бедность студентов» отмечал в 1877 г. ректор Петербургского университета А.Н. Бекетов. Большинство учащихся, по его словам, составляли сыновья чиновников, бедных или малосостоятельных дворян и сельского духовенства.

6. Женский вопрос

В эпоху «гласности» одним из наиболее обсуждаемых общественностью вопросов являлся женский вопрос – вопрос эмансипации. В дореформенное время в России для девушек не было государственных школ.

***Справка.** В 1856 г. в России насчитывалось всего 8227 начальных народных школ, в которых числилось 450 002 учащихся, девочек среди них было 36 900, т. е. 8,2%. Девушки из благородных семейств воспитывались или дома, или в закрытых учебных заведениях – институтах благородных девиц. В 1853 г. существовало 25 таких заведений, где училось 4187 человек. Институты благородных девиц подчинялись так называемому Мариинскому ведомству – IV управлению собственной его императорского величества канцелярии, ведавшему женскими и сиротскими учебно-воспитательными заведениями¹.*

«Положение о начальных народных училищах», утвержденное 14 июля 1864 г. законодательно закрепило создание начальных народных школ, в которых могли обучаться «дети всех состояний ... обоего пола». В последующие 40 лет количество учащихся девочек в начальных школах выросло в 22 раза, но все равно их было мало, одна учащаяся в начальной народной школе приходилась: в городах на 34 женщины, в селах – на 79 женщин².

Учреждение открытых средних женских учебных заведений в России началось почти одновременно и в Мариинском ведомстве, и в министерстве народного просвещения. 19 апреля 1858 г. в Петербурге в здании на углу Невского и Троицкого переулка (ныне ул. Рубинштейна) по инициативе педагога Н.А. Вышнеградского Мариинским ведомством было открыто первое училище «для приходящих девиц», позднее переименованное в гимназию. На торжественном открытии училища присутствовали императрица Мария Александровна, принц П.Г. Ольденбургский, петербургский генерал-губернатор, министр народного просвещения Е. Ковалевский и многие другие светские и духовные лица. К моменту открытия в училище

¹ Федосова Э.П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878-1918). М., 1980. С. 7, 14.

² Там же. С. 11.

значилось 140 девушек, из которых 97 были дочери дворян и чиновников¹. Н.А. Вышнеградский составил для мариинских училищ «Правила внутреннего порядка». Ответственность за всё происходящее в училище возлагалась на начальника. Ближайшими его помощниками были надзирательницы и наставники. В их обязанности входил контроль за посещаемостью детьми занятий, наблюдение за внешним видом учениц, их поведением во время уроков. «По окончании классов ученицы, одевшись чтобы идти домой, должны были опять подойти к надзирательнице – как для того, чтобы проститься с нею, так и дать ей возможность убедиться в том, что платье и вся одежда на ученице в порядке и всё надето как следует. Каждую неделю начальство училища выдавало ученице ведомость с обозначением полученных ею баллов за учение и поведение и пропущенных ею дней»².

Месяц спустя были учреждены подобные же учебные заведения и в ведомстве просвещения. «Положение о женских училищах Министерства народного просвещения», утвержденное 30 мая 1858 г., предусматривало создание открытых женских училищ двух разрядов – шестигодичных и трёхгодичных, будущих гимназий и прогимназий. Основным отличием в устройстве мариинских и министерских женских училищ было то, что первые получали достаточно обширные казённые субсидии, а вторые должны были содержаться преимущественно на средства общественности, благотворительных организаций и частных лиц, получая денежные субсидии от правительства лишь в отдельных случаях.

Оплата учёбы в Мариинских гимназиях (такое название они получили в 1862 г.) была довольно высокой – от 25 до 40 руб. в год; таким образом, в них могли учиться лишь дочери обеспеченных родителей. К 1867 г. было открыто 25 Мариинских гимназий. С учреждением открытых женских гимназий, прогимназий и духовных училищ, среднее женское образование перестало быть привилегией девиц только высших слоев общества. Оно стало доступно представителям всех сословий. Если в 1866 году в России насчитывалось 92 женских гимназий министерства народного просвещения и там училось 3 440 учениц, то в 1893 г. имелись 143 гимназии, которых обучалось 40 309 человек. По данным 1894 г. в Мариинском ведомстве насчитывалось 30 женских гимназий, в которых училось 10 тыс. человек.

---

¹ Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России 1856-1880. СПб., 1901. С. 37-38.

² Там же. С. 165-166.

Кроме них, довольно широкое развитие получили в 70-90-х гг. средние школы духовного ведомства – епархиальные училища, созданные в 1869 г. по типу женских гимназий. В 1894 г. их насчитывалось 51 с 13,2 тыс. учащимися¹.

До эпохи великих реформ русских женщин в университеты не допускали, так как это считалось опасным и неприличным. В 1859 г. женщины стали регулярно посещать лекции в Петербургском университете в качестве вольнослушательниц. Первой стала систематически посещать лекции в университете Наталья Иеронимовна Корсини. Впоследствии она станет женой известного вожака студенческого движения в Петербурге Н.И. Утина, уедет за границу и будет одной из активных деятельниц русской эмиграции в Швейцарии. Примеру петербургских «студенток» последовали московские, киевские, харьковские «стриженные барышни». Попытки женщин пробиться в Московский и Казанский университеты не увенчались успехом. Учеба молодых женщин не была узаконена и целиком зависела от доброй воли профессоров. В Петербурге, например, первые студентки обращались за разрешением посетить лекцию к ректору П.А. Плетнёву. Позже достаточно было согласия профессора, который проводил занятия.

Свидетельство современника. Студент университета Л.Ф. Пантелеев так описал первое посещение лекции первой из студенток – Натальи Корсини: «Входит Кавелин, но к крайнему нашему удивлению вслед за ним показывается фигура ректора П.А. Плетнева, ведшего под руку молодую миловидную барышню. Петр Александрович усадил барышню в кресло, уселся сам, а Кавелин, как ни в чём не бывало, прочёл лекцию... То же повторилось и на следующей лекции; затем Кавелин сам несколько раз вводил барышню, а потом она стала появляться в аудиторию одна, принося с собой тетрадь для записывания лекций, и в ожидании профессора усаживалась за одним из общих столов... Барышня, видимо, не желала ограничиваться слушанием лекций одного Кавелина, а стала весьма исправно посещать других профессоров юридического факультета, как то В.Д. Спасовича, потом Б.И. Утина»².

Первым студенткам пришлось столкнуться как с поддержкой, дружеской помощью со стороны демократического студенчества, так и с насмешками, оскорблениями, сплетнями со стороны обывателей. В это же

¹ Федосова Э.П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878-1918). С. 22.

² Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1959. С. 213.

время девушки начинают систематически работать в Публичной библиотеке Петербурга. Это было настолько ново и необычно, что становилось достоянием материалов периодической печати. В 1861 г. в связи с пересмотром университетского устава Министерство народного просвещения поставило на обсуждение вопрос об официальном «допущении» женщин к занятиям в университете и о предоставлении им права подвергаться испытанию на учёные степени. Большинство университетов высказалось «за». Против выступили только Московский и Дерптский университеты. Объясняя свою точку зрения, совет Московского университета утверждал, что «совместное со студентами слушание профессорских лекций лицами женского пола» не должно быть допускаемо ни под какими предлогами потому, что оно может иметь «вредное влияние на успешный ход занятий молодых людей». Вопрос о высшем женском образовании в России дискутировался не одно десятилетие. Демократическая печать (журналы «Женский вестник», «Дело» и «Отечественные записки») энергично защищали лозунг эмансипации женщин. Противники женской эмансипации, вслед за известным публицистом Ф.В. Булгариным (который еще в 30-х гг. XIX в. заявлял: «Горе отцу, у которого дочь учёная, горе обществу, в котором водятся женщины-учёные, и горе мужу, у которого жена ученая»¹), настойчиво внушали читателям мысль, что посещение женщинами университетских лекций явится началом неминуемого краха всех семейных устоев.

Документ. Противником женского образования был известный своей консервативной позицией князь В.П. Меццерский. Он, в частности, писал: «Разве от того, что мы напихаем в университеты баб, Россия сделается Европой... В том-то и беда, что мы во многом очень далеки нравами от Европы. Что, вы в каком-нибудь европейском городе заметите по наружным приметам учёную женщину или студентку? Нет, ибо эта женщина ничем не отличается от всякой скромной и порядочной женщины. А у нас вы из 10 учёных женщин или курсисток девять сейчас же узнаете по гадкому отсутствию женственности, по гадкому выражению лица, по гадким манерам, по распущенности. Встретите ли вы где-нибудь в Европе, чтобы слушательницы курсов позволили себе малейшую фамильярность к студентам? Нигде и никогда! А у нас сборища, где сходятся студенты с курсистками, очень нередко напоминают нравами притоны разврата»².

---

¹ См.: Северная пчела. 1834. № 78. С. 5.

² Родина. 1996. № 3. С. 25.

Университетский устав 1863 года воспретил доступ женщинам в университетские аудитории. В немалой степени на это решение повлияло участие вольнослушательниц в студенческих волнениях 1861 г. «Когда желание женщин учиться вызвало вражду, – вспоминал известный педагог В. Сиповский, – когда даже высокообразованные мужчины не могли от решиться от кавалерского отношения к учащимся женщинам, то они возненавидели «женственность», как помеху к достижению своей страстной мечты. Уничтожили женственность до нелепости, до сумасбродства: нарядились в мужской костюм, остригли волосы, надели синие очки, усвоили угловатые манеры, напускной цинизм»¹.

Под давлением общественности Петербург вынужден был задуматься об организации специальных женских курсов университетского типа. В ноябре 1868 г. депутация, состоявшая из профессора А.Н. Бекетова и трёх дам (А.П. Философова, Е.Н. Воронина, Н.В. Стасова) обратились от лица общественности к министру народного просвещения графу Д.А. Толстому с прошением разрешить открыть для женщин университетские курсы. Через три недели министр дал ответ, в котором, выразив «сочувствие стремлению женщин получить высшее образование», ответил отказом на том основании, что для слушания университетских лекций необходима подготовка, которой не дают средние женские учебные заведения. Вместо курсов Д.А. Толстой санкционировал учреждение публичных лекций для лиц обоего пола в Петербурге. 20 января 1870 года петербургские публичные курсы были открыты. Ко дню открытия на курсы записалось более 900 человек, из них 767 женщин. Лекции читались по вечерам, 4 раза в неделю, в разных аудиториях, в том числе в здании Владимирского уездного училища (отсюда название курсов – Владимирские).

1 апреля 1869 г. по инициативе известного педагога И.И. Паульсона в Петербурге открылись Аларчинские женские курсы (располагались в 5-й мужской гимназии у Аларчина моста). Паульсон мотивировал их учреждение желанием «дать вполне законное и правильное направление развившемуся общему стремлению лиц женского пола к высшему образованию»². Наконец, в Москве женские курсы были открыты 7 октября того же 1869 года в здании второй мужской гимназии, на Лубянке (поэтому стали называться «лубянскими»). Интересно, что на этих курсах большинство слушательниц записалось на лекции по физике (150 человек), ма-

---

¹ Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России 1856-1880. СПб., 1901. С. 480.

² Там же. С. 515.

тематике (120), русского языка и истории (по 80), латинского языка (15). В первые годы женские курсы существовали во многом благодаря энтузиазму профессоров, читавших лекции бесплатно. Единственной доходной статьей курсов являлись неофициальные частные пожертвования и плата за обучение, взимаемая со слушательниц – 25 руб. в год.

***Свидетельство современника.** По воспоминаниям Н.В. Стасовой, на петербургских публичных лекциях «профессора игнорировали навязанных им слушателей-мужчин, они всецело относились только к женской аудитории, а тех терпели, как необходимое зло, и на демонстративных лекциях только обращались к женщинам. Но, надо сказать, что на некоторые лекции приходили и действительно занимающиеся мужчины; только их было мало и их хорошо можно было отличить от той грязной толпы», которая состояла из мужчин, явившихся, «кто из любопытства, кто соглядатаем, а кто и за гнусным поиском интриги»¹.*

Программа курсов была крайне сокращена по сравнению с программами мужских высших учебных заведений. Курсы не давали абсолютно никаких прав своим выпускницам, кроме ранее существовавшей возможности стать домашней наставницей, гувернанткой или учительницей начальных классов.

Не имея возможности получить высшее образование на родине, русские девушки вынуждены были искать высшего образования на чужбине. Первыми русскими женщинами, получившими высшее образование за границей, были Н.П. Сулова и М.А. Бокова. Ежегодно росло число русских женщин в Париже, Берне, Берлине, Кенигсберге и других университетских городах Европы. Но центром оставался Цюрих. В 1865 г. в Цюрихском университете занимались две русские студентки (одна из них Н.П. Сулова), в 1868 г. уже четыре, в 1869 г. – 10, в 1872 г. – 54, в 1873 – уже 104 студентки². Нередко, чтобы получить возможность учиться, девушки вступали в фиктивные браки (С.В. Ковалевская, Е.Л. Дмитриева) или же бежали за границу без разрешения родителей (А.В. Жаклар, А.М. Евреинова, Ю.В. Лермонтова).

Для изучения причин постоянного отъезда женщин за границу была создана особая правительственная комиссия. В её состав вошли шеф жандар-

---

¹ Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России 1856-1880. СПб., 1901. С. 521-522.

² Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России. С. 489; Федосова Э.П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878-1918). С. 43.

мов П.А. Шувалов, министр внутренних дел А.Е. Тимашев, министр народного просвещения Д.А. Толстой. В мае 1873 г. комиссия подготовила доклад, в котором суть «женского вопроса» была подана в выгодном для власти виде.

Документ. Авторы доклада писали: «Под его покровом, рядом с требованиями для женщин прочного, основательного образования и расширения круга их деятельности проводятся и другие, имеющие утопический, почти революционный характер: уравнивание прав женщин с правами мужчины, участие её в политике и даже право свободной любви, разрушающее самое семейное начало и возводящее в принцип крайнюю распущенность». Характеризуя русских заграничных студентов, авторы доклада писали далее: «Иные по два, по три раза в год ездят из Цюриха в Россию и обратно, привозят письма, поручения, прокламации и принимают живое участие в пропаганде. Другие увлекаются коммунистическими теориями свободной любви и меняют любовников чаще, чем перчатки». Правительственные чиновники задавались вопросом: «Нельзя забывать, что эти женщины возвратятся когда-нибудь в Россию и будут жёнами, матерями и воспитательницами. Нельзя не остановиться на страшном вопросе: какое поколение могут возрасить такие женщины?»¹.

21 мая 1873 г. в «Правительственном вестнике» появилось распоряжение о немедленном возвращении всех женщин, обучавшихся в Цюрихском университете, на родину не позднее 1 января 1874 года. В то же время правительственная комиссия признала необходимость учредить в России высшие женские учебные заведения. В апреле 1876 г. было официально утверждено Положение, по которому министерство народного просвещения получило право учреждать по своему усмотрению высшие женские курсы в университетских городах.

Но ещё раньше, в 1872 г. появились Высшие женские курсы историко-филологического направления, организованные профессором В.И. Герье в Москве. На них записалось 58 слушательниц. Лекции читались по предметам: русский язык и литература (профессор Тихонравов), история цивилизации (профессор Герье), русская история (проф. Ключевский), а также всеобщая история и всеобщая литература, физика, математика и астрономия. Профессорам за 18 годовых лекций платили 3600 рублей². В пос-

---

¹ Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50-60-е годы XIX в. М., 1984. С. 213-214; Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России. С. 559-561.

² Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России 1856-1880. СПб., 1901. С. 533-534.

ледующие годы подобные курсы были организованы в Казани, Киеве, Одессе. В 1872 г. при содействии военного министра Д.А. Милютин от-крылись высшие женские медицинские курсы при Николаевском госпи-тале в Петербурге.

Особенно большую роль в развитии женского образования в России сыграли высшие женские курсы, открытые 20 сентября 1878 г. в Петер-бурге. По имени первого директора курсов, профессора русской истории Петербургского университета К.Н. Бестужева-Рюмина (племянника каз-нённого декабриста) курсы неофициально стали называться Бестужев-скими. В числе организаторов курсов были известные русские учёные и пе-дагоги (А.Н. Бекетов, А.М. Бутлеров, Д.И. Менделеев, А.Н. Страннолюб-ский и др.).

Справка. Курсы были учреждены как частное учебное заведение. По сути они стали первым женским университетом и первоначаль-но имели три отделения: словесно-историческое, физико-математи-ческое (естественное) и специально-математическое. Подчинялись курсы попечителю С.-Петербургского учебного округа, который ут-верждал учебные программы и состав преподавателей. Согласно пра-вилам на курсы принимались барышни, предоставившие аттестат об окончании 8 классов женской гимназии, института благородных девиц или другого учебного заведения, дающего право быть домашней наставницей или учительницей. В правилах подчёркивалось, что если со времени получения аттестатов прошло более одного года, то пред-ставляющие их лица могли стать только вольнослушательницами. Для поступления на курсы необходимо было также представить справ-ку о политической благонадежности и согласии родителей или опеку-нов. Чтобы преодолеть это препятствие, девушки иногда решались на такие меры, как фиктивные браки. На курсы могли поступать лица не моложе 21 года. Плата за обучение определялась 50 руб. в год, вольно-слушательницы вносили по 5 руб. за «слушание» каждого предмета. На курсы уже в 1878 г. записалось 814 человек. Одновременно с открытием Бестужевских курсов было создано «Общество для доставления средств высшим женским курсам». Благодаря энергичной деятельности коми-тета общества и поддержке общественности удалось собрать необ-ходимую сумму на строительство собственного здания. В 1885 г. пос-тройка здания была закончена¹.

---

¹ Федосова Э.П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878-1918). С. 49-52.

Так в 1870-х годах было положено начало высшему женскому образованию. С 1865 г. женщин впервые стали брать на службу в государственные учреждения, а именно – в телеграфное ведомство.

VI. РЕФОРМА ПЕЧАТИ И ФИНАНСОВЫЕ РЕФОРМЫ

Кроме уже рассмотренных, в 60-70-е гг. были проведены и другие реформы. Шестидесятые годы стали временем быстрого количественного роста и значительных качественных изменений русской журналистики: так, если за 1851–1855 гг. возникло всего 31 издание, то в 1856–1860 гг. – уже 147 новых газет и журналов, причем ряд сатирических, отсутствовавших в российской прессе с XVIII в. Созданная А.И. Герценом в Лондоне Вольная русская печать положила начало становлению эмигрантской журналистики. В 1857 г. Герцен предпринял издание газеты «Колокол», которая выходила сперва раз в две недели, а потом раз в неделю. «Колокол» приобрёл огромное значение. Например, редактор журнала «Русский вестник» М.Н. Катков, посетив Герцена в 1858 г. в Лондоне, говорил ему, смеясь, что его «Колокол» лежал на столе у руководителя редакционных комиссий Я.И. Ростовцева для справок по крестьянскому вопросу¹.

Все слои общества требовали если не отменить, то обуздать цензуру. «Простор слова нужнее всех реформ!» – восклицал И.С. Аксаков. Идя навстречу обществу, император в 1857 г. распорядился пересмотреть цензурные постановления. Работа в этом направлении растянулась почти на десятилетие. Одной из основных проблем, требовавших решения, был переход от цензуры предварительной к карательной, предусматривавшей ответственность за нарушение закона по суду. В феврале 1861 г. начались занятия комитета по пересмотру цензурного устава.

Свидетельство современника. Из дневника Никитенко: «многим из нынешних главных начальств не нравится литературное бичевание мерзостей, совершающихся в их ведомствах. Они находят, что это поселяет неуважение к правительству. Гласность и усиление общественного мнения в делах общественных они находят вредным, особенно граф В.Н. Панин...

31 мая 1858 г. ... Запрещено употреблять в печати слово прогресс... Дело было так: Ковалевский [министр просвещения. – Авт.] в одной из своих бумаг, представленной в журнале особого еврейского комитета, говоря о необходимости устранения кое-каких стеснений, указал на противоречие их с прогрессом гражданственности. Государь сделал пометку: «Что за прогресс!!! Прошу слова этого не употреблять в официальных бумагах».

---

¹ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 232.

12 мая 1862 г. появились Временные правила по цензуре, разрешавшие критику существующих законов и административных злоупотреблений. Запрещалось излагать учения, способствующие свержению существующего строя. Министрам внутренних дел и народного просвещения предоставлялось право в случае «вредного направления» приостанавливать периодическое издание на срок до восьми месяцев. Поскольку термин «вредное направление» никак не оговаривался, это давало возможность интерпретировать его очень широко. 14 января 1863 г. цензура была передана из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел.

После длительной разработки 6 апреля 1865 г. взамен цензурного устава были утверждены новые «Временные правила о печати», которые действовали в течение 40 лет с некоторыми изменениями. Новые правила ослабляли цензуру. В Петербурге и Москве от цензуры освобождались книги объёмом более 10, переводы – более 20 печатных листов и периодические органы, на издание которых было получено разрешение министра внутренних дел. Периодические издания, освобожденные от предварительной цензуры, должны были вносить крупный денежный залог. Газеты, выходившие не менее 6 раз в неделю, – 5 тыс. рублей, остальные издания – 2,5 тыс. рублей. Залог служил обеспечением уплаты денежных штрафов.

В провинции России от предварительной цензуры освобождались только правительственные издания и издания научных учреждений. Устанавливалась судебная ответственность за помещение «недозволительных» сведений. Министр внутренних дел после трёх «предостережений» имел право прекратить выпуск газеты или журнала, но не более чем на 6 месяцев. После окончания срока приостановки оно могло быть запрещено по решению Сената. В 1860–1870 гг. было объявлено 173 предостережения, издания приостанавливались 41 раз. Больше всех предостережений получили «Неделя», «Голос» и «Русское обозрение».

Расстройство *финансов* в ходе крымской войны настоятельно потребовало упорядочения всего финансового дела. В 1860 г. Александр II повелел отменить с 1 января 1863 г. откупную систему, при которой отдавался на откуп частным лицам сбор косвенных налогов с населения за соль, табак, вино и т.д. Вместо откупов, изобиловавших злоупотреблениями, была введена более цивилизованная акцизная система, которая регулировала поступление косвенных налогов в казну, а не в карманы откупщиков.

Указом 31 мая 1860 г. «для оживления промышленности и торговли» был учреждён единый *Государственный банк*, которому передавались

вклады упраздняемых кредитных учреждений – Заемного и Коммерческого банков, Сохранной казны и приказов общественного призрения.

Проведение в 1860-х годах серии финансовых реформ было направлено на централизацию финансов и коснулось, главным образом, аппарата финансового управления. Здесь большую роль сыграл видный финансист, государственный контролёр В.А. Татаринов, ранее специально изучавший финансовое дело в Европе. Он поставил своей задачей прекратить бесконтрольное расходование государственных средств, злоупотребления и произвол в министерствах, которые имели в своем распоряжении крупные денежные суммы и расходовали их по своему усмотрению. Татаринов предложил все средства сконцентрировать в руках министерства финансов и сделать его единственным распорядителем этих денег. Отныне вся смета доходов и расходов подлежала утверждению Государственным советом, а министр финансов ставился под бдительное око Госконтроля.

***Исторический портрет.** Важную роль в экономической деятельности правительства в пореформенный период играл министр финансов Михаил Христофорович Рейтерн (1820–1890), занимавший этот пост в течение 16-ти лет, с 1862 по 1878 гг. В экономической политике Александра II большое и постоянное внимание уделялось бюджету империи, контролю за его состоянием. В изменившейся исторической обстановке Рейтерн считал важным допущение гласности в этой сфере деятельности правительства. В декабре 1861 г. Комитет финансов принял решение о публикации со следующего года государственной росписи доходов и расходов в периодических изданиях. Это вызвало в «верхах» переполох. Чиновник финансового ведомства, отвечавший за выполнение указа, отказался обнародовать данные бюджета и подал в отставку. Он сказал министру, что подобная мера «повлечет за собой революцию». Публикация росписи подняла престиж российских финансов за границей и укрепила кредит империи на мировом рынке. В 60–70-е гг. Рейтерн сделал попытку устранить все препятствия для развития свободного предпринимательства по западному образцу. Но слабо цивилизованное российское общество ответило на это безудержными афёрами, созданием дутых акционерных обществ, откровенным воровством, коррупцией. В этих условиях Рейтерн считал, что государство должно активно способствовать развитию народного хозяйства.*

Министр финансов М.Х. Рейтерн пытался отговорить императора от войны с Турцией, хотел из-за этого уйти в отставку. Вновь,

как и в середине XIX в., русско-турецкая война 1877–1878 гг. нанесла тяжелый удар по финансовой стабильности России.

Таким образом, с 1862 г. государственный бюджет становится достоянием общества – с этого времени его публикуют в русских и иностранных журналах. Раньше количество государственных доходов и расходов сохранялось в строгой тайне. Всем лицам, составлявшим росписи, строго-настрого запрещалось разглашать какие бы то ни было сведения о них. Правительство вынуждено было пойти на публикацию бюджета, чтобы повысить кредитоспособность России на международном денежном рынке. Заграничные банки, к которым все чаще вынужден был обращаться Петербург, хотели быть осведомлены о его финансовых делах. Впервые в России бюджетная роспись 1862 г. была опубликована в журнале «Северная почта».

Финансовая реформа, которой удались некоторые преобразования, была лишена таких основ, как хорошо работающая налоговая система и высокий курс денежной единицы. Нерешенность этих задач делала финансовое положение России неустойчивым и легко травмируемым при любых внешних кризисах или внутренних происшествиях. Такая неустойчивость компенсировалась только тем, что упор в это время делался на частную инициативу, а за государством оставались только необходимые расходы: на армию, флот, государственный аппарат¹.

---

¹ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. М., 2006. С. 298.

VII. ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ 1860-1870-х гг.

1. Начало преобразований

Поражение России в Крымской войне обнажило техническую отсталость русской армии и флота на фоне стремительного роста и модернизации военного потенциала западноевропейских держав. Военные реформы были вызваны и глубокими социально-экономическими изменениями, в первую очередь отменой крепостного права, которые заставили пересмотреть основополагающие принципы организации сухопутных и морских сил.

Реформы в русской армии и на флоте не были единовременным актом, а представляли собой постепенно осуществляемый комплекс мер по реорганизации военного управления, военно-учебных заведений, перевооружению и улучшению боевой подготовки войск. Самым значимым преобразованием был новый порядок комплектования армии.

В течение 30 лет царствования Николая I сила и непобедимость русской армии не ставились под сомнение. Лишь события Крымской войны вынудили дать критическую оценку состоянию армии. В июне 1855 г. один из лучших военачальников прежнего царствования – главнокомандующий гвардейским и гренадерским корпусами генерал Ф.В. Редигер представил Александру II две записки. В первой записке вскрывались причины неудач русской армии: излишняя централизация управления, превращение военных в бездумных марионеток, вырождение офицерского корпуса, «чей кругозор ограничен уставами и парадами». Во второй записке предлагался ряд первоочередных мер, с помощью которых предлагалось решить эти и другие проблемы. Александр II одобрил эти предложения и создал «Комиссию для улучшения по военной части» под председательством того же Ф.В. Редигера.

В 1856 г. военным министром стал заурядный генерал Н.О. Сухозанет, который не имел никакого плана военных преобразований. С окончанием Крымской войны возглавляемому им ведомству была поставлена главная задача – уменьшить сколько возможно военные расходы. Поэтому все действия Сухозанета, крайне отрицательно относившегося к реорганизации русской армии, сводились к урезанию военного бюджета и сокращению армии, без учёта интересов обороноспособности государства.

Первые шаги военного ведомства имели большое социальное значение. Были упразднены военные поселения. В 1856 г. кантонисты (солдатские и матросские дети, обязанные проходить военную подготовку, а затем

военную службу) были приписаны к свободному податному населению. Сокращался личный состав вооруженных сил: к 1856 г. под ружьем находилось 2200 тыс. человек, на содержание которых тратились огромные суммы. Прежде всего было распущено ополчение, затем отправили в отпуск (временный и бессрочный) около 400 тыс. нижних чинов. Наконец, в 1859 г. срок службы в сухопутных войсках был сокращен с 25 до 15 лет, на флоте – до 14 лет. Уменьшился призыв рекрутов, сократились тягостные для народа квартирные и постоянные повинности.

В мае 1861 г. генерала Сухозанета назначили наместником Царства Польского, а 9 ноября того же года Александр II утвердил военным министром генерал-майора Дмитрия Алексеевича Милютину.

Исторический портрет. *Дмитрий Алексеевич Милютин (1816-1912) родился в среднепоместной дворянской семье. Начальное образование получил под руководством родителей. В 1832 г. окончил с серебряной медалью Благородный пансион при Императорском Московском университете, и уже через год в возрасте 17 лет был произведен в офицерский чин прапорщика лейб-гвардии. После блестящего окончания в 1836 г. Военной академии Д.А. Милютин служит в Гвардейском генеральном штабе. В это период своей карьеры он написал свыше 150 статей по математике, астрономии, физике и, конечно же, военным наукам. Его статья «Суворов как полководец» представляет собою, по существу, первую попытку научного анализа военного искусства великого полководца. В начале 1839 г. Милютин отбыл на Кавказ. В 1840 году, в неполные 24 года, Милютин был уже гвардии капитаном, награжденным двумя боевыми орденами и медалью за участие в экспедиции на Кавказе и штурме аула Ахульго. Вернувшись в Петербург в 1845 г., он стал профессором Военной академии по кафедре военной географии. Д.А. Милютин написал ряд трудов по географии, военной истории и статистике. Три года он работал над капитальным трудом «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году». Эта монография положила начало научному изучению военной истории. Более 15 лет Милютин собирал материал для исследования «История кавказских войн», однако осуществить задуманный труд ему не удалось из-за постоянной занятости. Военный министр князь В.А. Долгоруков сделал Д.А. Милютину своим помощником. В 1856 г. он предложил ему пост директора канцелярии министерства, но сменивший Долгорукова Н.О. Сухозанет поспешил избавиться от соперника. Милютин*

подал в отставку и осенью 1856 г. выехал на Кавказ, где Наместник Кавказа, друг царя, князь А.И. Барятинский назначил его начальником штаба. Умелая тактика, избранная А.И. Барятинским и Д.А. Милютиным, привела к пленению Шамиля и окончанию войны в Чечне и Дагестане.

В 1860 г. Александр II, по предложению А.И. Барятинского, назначил Д.А. Милютина товарищем военного министра. В его лице император обрел человека, обладавшего теоретическими знаниями и боевым опытом, способного провести глубокие реформы. Великий трудолюбец – так называли Д.А. Милютина современники. Став министром, он спал не более 5,5 часа в сутки. Опасной чертой реформаторской деятельности правительства Милютин считал отсутствие общей выработанной стратегии. Милютин сумел благодаря незаурядным способностям, исключительному трудолюбию и завидной целеустремленности сделать блистательную карьеру и добиться высших почестей: дослужился до чина генерал-фельдмаршала (1898), получил графский титул и был удостоен всех высших российских орденов. Д.А. Милютин пользовался неизменной поддержкой императора Александр II, так и не рискнувшего уволить его в отставку, несмотря на многочисленные попытки аристократической оппозиции избавиться от либерального министра. Д.А. Милютин всю жизнь был равнодушен к материальным благам и светским развлечениям. Он был счастлив в семейной жизни. Супруга Наталия Михайловна родила ему шесть детей (сына и пять дочерей). Уже находясь в отставке, Дмитрий Алексеевич написал семь обширных томов своих воспоминаний и оставил пять томов дневников.

Д.А. Милютин крайне отрицательно относился к деятельности своего предшественника. Можно было думать, замечал он, что с заключением Парижского мира военные силы сделались ненужными на будущее время. Сухозанет же видел в Милютине своего конкурента и не допускал его к делам министерства. Д.А. Милютин 20 лет возглавлял военное ведомство и стал самым выдающимся из военных министров за всю историю России.

Милютин был не одинок в своей деятельности. У него были единомышленники. К составлению плана намеченных преобразований привлекалось большое число лиц. Ближайшими помощниками военного министра были тайный советник Ф.Г. Устрялов, имевший большой опыт в делах военного законодательства; полковники Генерального штаба профессора Николаевской военной академии Генерального штаба В.М. Аничков и Н.Н. Обру-

чев; генерал Ф.Л. Гейден; директор канцелярии Военного министерства генерал К.П. Кауфман; генерал-провиантмейстер А.Л. Данзас и многие другие.

15 января 1862 г. Д.А. Милютин представил Александру II в виде всеподданнейшего доклада программу преобразований в армии, подготовленную меньше чем за два месяца. Император внимательно прочитал все десять статей доклада и выразил свое одобрение.

Под руководством Д.А. Милютина произошло сокращение численности армии (с 1,1 млн. человек в 1864 г. до 704 тыс. в 1868 г.) без снижения её реального военного потенциала, т. к. запас обученных кадров составил к 1870 г. 553 тыс. человек. Закон 25 июня 1867 г. обеспечивал гражданское положение солдата после увольнения его из армии. Военное ведомство проявляло заботу об офицерах. Так, с 1868 г. стали отпускать по 1200 руб. на полк на выдачу пособий нуждающимся офицерам. В тоже время Д.А. Милютин стремился покончить с т. н. «безгрешными доходами» в армии, когда полковые командиры беззастенчиво распоряжались полковыми казёнными деньгами для личного обогащения. Нововведения коснулись и формы: тяжелые каски, заимствованные из прусской армии, были заменены лёгкими мягкими шапками, которым в просторечии было присвоено французское название «кепи»; введены башлыки, облегчен ранец, упрощена амуниция и пр.

Указом 17 апреля 1863 г. Александр II отменил самые жестокие телесные наказания (шпицрутены, плети, «кошки»). Правда, в армии (и для крестьян, по решению волостных крестьянских судов) сохранилось наказание розгами.

2. Военно-окружная реформа. Реорганизация военноминистерства¹

Одной из первых реформ в армии явилась реорганизация центрального военного управления и создание военных округов. Работа в этом направлении велась в течение семи лет (с 1862 по 1869). Центральное управление – Военное министерство с момента своего возникновения претерпело небольшие изменения и представляло собой к началу реформы, как выразился Д.А. Милютин, «орган неудобств, проволочек и пререканий». Это был громоздкий бюрократический аппарат, отличавшийся прежде всего

---

¹ В разделах 2-4 в основном использован материал из монографии П.А. Зайончковского «Военные реформы 1860-1870 годов в России». – М., 1952.

отсутствием оперативности и должного взаимодействия в работе отдельных департаментов. Военное министерство состояло из следующих основных департаментов: инспекторского, ведавшего личным составом и внутренним устройством войск, исключая артиллерийские и инженерные части, не входившие в подчинение военному министру; генерального штаба, занимавшегося вопросами дислокации, размещения войск, разработкой дислокационных карт, маршрутов и др.; провиантского; комиссариатского, ведавшего денежным и вещевым снабжением всех войск, а также устройством госпиталей и их снабжением.

Департаменты артиллерийский и инженерный выполняли главным образом хозяйственные функции, включая обеспечение всех родов войск оружием. Кроме указанных департаментов существовала должность генерал-фельдцейхмейстера, в руках которого находилось общее руководство артиллерией. Генерал-фельдцейхмейстер имел право непосредственного доклада царю и не подчинялся военному министру. В полной независимости от военного министра был и генерал-инспектор по инженерной части со своим штабом, возглавлявший инженерные войска. Обе эти должности замещались лицами императорской фамилии, которые вели себя самостоятельно и независимо от министерства.

Вопросами медицинского и ветеринарного обслуживания ведал медицинский департамент, военно-судебными делами – аудиторiatский департамент. Несмотря на огромные пространства империи и разбросанность войск в различных районах страны, местных военных учреждений, которые бы занимались вопросами управления, по существу не было. Только некоторые департаменты – комиссариатский, провиантский, артиллерийский и инженерный – имели свои «представительства» на местах (они назывались комиссиями или округами).

Районы действий этих «представительств» (комиссий и округов) не совпадали. Одна и та же войсковая часть, расположенная в определённом пункте, вынуждена была обращаться, в целях удовлетворения своих нужд, в разные места, что создавало огромные неудобства. Достоянием гласности были факты чудовищного беспорядка и воровства, царившего в действующей Крымской армии.

О цели преобразования Военного министерства Д.А. Милютин писал: «Общая мысль этого преобразования состояла в том, чтобы привести всё здание в стройный вид и упростить весь сложный механизм его, а для этого признано было полезным слить вместе части, однородные по кругу действий, и уничтожить лишние наросты, которые в течение времени об-

разовались более или менее случайно, без всякого плана». Условием сокращения и децентрализации управления являлась строгая персональная ответственность начальников отдельных его звеньев. Требовалось ликвидировать, с одной стороны, чрезмерную централизацию, предоставив больше прав и самостоятельности командирам частей и соединений, с другой – ликвидировать существовавшую полную децентрализацию в управлении войсками, расположенными на окраинах империи, подчинив действия командования контролю Военного министерства.

Войска, расположенные на Кавказе, в Оренбургском крае, Сибири, были объединены в корпуса. Каждый такой корпус представлял собой не только строевую единицу, но и военно-административную: корпусный командир одновременно являлся и наместником края. Ближайший помощник Милютина по Военному министерству генерал Н.Н. Обручев, много выступавший на страницах печати, особенно в «Военном сборнике», писал: «Кавказ, Оренбургский край, Сибирь образовали особые территории с самостоятельными управлениями, освобожденными, до известной степени, от опеки Министерства». На этих окраинах существовала другая крайность: «Они (эти войска, - Авт.) стояли уже в таком независимом положении, что Министерство не имело никаких сведений даже об общем ходе их дела, как, например, - отмечал Обручев, - по части провиантской». На особом положении всегда находились гвардейские и гренадерские корпуса. В административном отношении они подчинялись особому главнокомандующему гвардейскими и гренадерскими корпусами – обычно одному из членов императорского дома.

В марте 1863 г. Военное министерство приступило к разработке проекта положения о военно-окружных управлениях. Были образованы три редакционные комиссии. Проекты указанных комиссий поступили в т.н. редакционную комиссию, в которой председательствовал Д.А. Милютин. Комиссия Милютина в составе тайного советника Устрялова, генерал-лейтенанта Поливанова, действительного статского советника Пикторова и полковника Аничкова окончательно отредактировала поступившие проекты и, кроме того, составила положение по хозяйственной части.

Итогом реорганизации местного военного управления явилась военно-окружная реформа. *6 августа 1864 г.* Александр II утвердил ряд положений, разработанных комиссией Д.А. Милютина и представленных Военным министерством. Создавалось особое устройство местного военного управления – военные округа. На основании «*Положения о военно-окружных управлениях*» было образовано 10 округов: Петер-

бургский, Финляндский, Рижский, Виленский, Варшавский, Киевский, Одесский, Харьковский, Московский, Казанский. В последующие годы были созданы Кавказский, Туркестанский, Оренбургский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский военные округа.

При делении Европейской России на военные округа учитывались не размер территории, а численность войск, находящихся на территории округа, наличие комиссариатских и артиллерийских складов, госпиталей, крепостей, арсеналов, парков и других военных учреждений, а также пути сообщения.

Во главе каждого округа стоял командующий войсками, которому подчинялись все войска и учреждения округа. В его руках сосредоточивалась не только военная, но и гражданская власть. Он являлся одновременно и генерал-губернатором. На него возлагалась и обязанность наведения порядка в случае революционных выступлений. При чрезвычайных обстоятельствах командующему войсками предоставлялось право действовать, не дожидаясь указаний сверху. Но затем он был обязан сообщать о принятых им мерах в столицу.

На территории военного округа вся полнота власти теперь принадлежала командующему войсками. Ему подчинялись полевые и местные войска, а также находящиеся на территории округа военные учреждения.

Образование военно-окружных управлений позволило разгрузить в значительной степени Военное министерство от обязанностей по снабжению войск и контролю за деятельностью отдельных войсковых единиц. Эти функции перешли в руки военно-окружных управлений. Военное министерство сохраняло за собою только общее руководство и контроль за деятельностью окружных управлений.

Между тем эти преобразования встретили яростное сопротивление со стороны ряда военных деятелей. В частности, А.И. Барятинский, великий князь Николай Николаевич (старший), А.Н. Лидерс, М.Н. и Н.Н. Муравьевы выступили против введения военно-окружной системы. Они считали, что такая система приведёт к подчинению «общих стратегических соображений» интересам военных округов, а в случае оборонительной войны – к кордонной стратегии.

Образование военно-окружной системы и сосредоточение всей полноты военной власти на территории округа в руках командующего войсками привели к некоторому изменению статута местной гражданской власти. До образования округов генерал-губернатор являлся одновременно гражданским и военным начальником в губернии; теперь же, в свя-

зи с тем, что караульная и гарнизонная служба войск, а также комендантские управления, перешли в ведение командующего округом, а в большинстве центральных губерний России была учреждена новая должность губернского воинского начальника, непосредственно подчиненного военно-окружному управлению, – функции военной власти от генерал-губернаторов были изъяты. Губернатор стал представлять теперь только гражданскую власть. В связи с этим 31 августа 1864 г. был издан указ, по которому начальники губерний стали называться генерал-губернаторами или губернаторами без дополнительных званий «военный» или «гражданский». Звание военных губернаторов было сохранено на Кавказе, в Оренбургском, Туркестанском и Сибирском военных округах, а также в Кронштадте и Николаеве. В Москве и Петербурге функции военных генерал-губернаторов были сохранены до 1866 г.

В докладе царю 15 января 1862 г. Д.А. Милютин поставил также вопрос и о реорганизации строевого управления войск. До реформы войска в мирный период соединялись в дивизии, корпуса и армии. Однако на практике, как показал опыт войны, случалось редко, чтобы армии и корпуса действовали на театре войны в полном составе. Нередко по различным стратегическим соображениям в период войны формировались новые войсковые соединения из войск разных корпусов. Для новых отрядов и соединений создавались и новые штабы. Опыт нескольких последних войн показал, что корпуса русской армии представляли слишком крупные тактические единицы для постоянного применения на театре войны в целом их составе. Кроме того, Милютин считал экономически выгодным ликвидировать корпусные штабы. Начальники дивизий, получив большую самостоятельность, имели возможность лучше проявлять свои способности, что способствовало более удачному подбору командных кадров. Вместе с созданием военных округов корпуса были ликвидированы. Самой крупной тактической единицей в пехоте и кавалерии стала дивизия. Согласно военно-окружной реформе корпуса формировались только в военное время и то в исключительных случаях. Только для гвардии Александр II сохранил название «корпус», причём гвардейский корпус вошел в состав войск Петербургского округа.

1 января 1869 г. было издано новое *«Положение о Военном министерстве»*, которое окончательно определяло новую структуру министерства. Верховное начальство над сухопутными силами сосредоточивалось в руках императора. По новому Положению, Военное министерство состояло из следующих частей: императорской Главной квартиры, воен-

ного совета, главного военного суда, канцелярии Военного министерства, Главного штаба. Вместо существовавших ранее департаментов были образованы семь главных управлений (интендантское, артиллерийское, инженерное, военно-медицинское, военно-учебных заведений, казачьих войск и военно-судное), ведавших целиком той или иной отраслью.

Департамент Генерального штаба и департамент инспекторский были объединены ещё 31 декабря 1865 г. в Главный штаб, в круг деятельности которого вошли все вопросы строевого устройства войск, личного состава, боевой подготовки и т.д. Должности генерал-фельдцейхмейстера и генерал-инспектора инженерной части с их штабами были упразднены, а их функции полностью были переданы Главному артиллерийскому и Главному инженерному управлениям.

Штаб главного начальника военно-учебных заведений был ликвидирован. Военно-учебные заведения и все вопросы подготовки офицерских кадров были переданы непосредственно Военному министерству. С этой целью было образовано Главное управление военно-учебных заведений. Аудиториатский департамент был превращен в Главное военно-судное управление, медицинский департамент – в Главное медицинское управление.

Реформа военного управления вызвала сильное недовольство со стороны генерал-губернаторов и в военной среде. В записке на тему «Почему много недовольных нашими военными реформами» Д.А. Милютин 2 июля 1871 г. писал: «Положение о военных округах, сопряженное с преобразованием всех отраслей местного военного управления, а потом и новое положение о Военном министерстве, изменившем строй управления центральных органов, имели непосредственным результатом огромное, почти наполовину, сокращение числа служащих».

Осуществленная реформа, сосредоточив в руках Военного министерства все нити военного управления, значительно упорядочила и упростила его. В результате реформы аппарат Военного министерства сократился почти на тысячу человек, канцелярская переписка уменьшилась на 45%. Центральное военное управление было приведено в стройную систему, просуществовавшую без изменения до 1917 года. Начальники главных управлений Военного министерства получили одинаковые права. Авторитет аппарата Военного министерства, его влияние и воздействие на внутреннюю жизнь войск значительно возросли.

Наряду с реорганизацией центрального военного управления была проведена реорганизация строевого управления войск на период войны.

17 апреля 1868 г. было утверждено «Положение о полевом управлении войсками в военное время». По сравнению с предшествующим уставом 1846 г. оно уточняло функции главнокомандующего, который освобождался теперь от руководства второстепенными административными вопросами. Начальник штаба армии считался ближайшим помощником главнокомандующего по всем вопросам управления армией. Вместо упразднённых должностей генерал-квартирмейстера и дежурного генерала была введена должность помощника начальника штаба.

3. Подготовка офицерских кадров. Реформа военно-учебных заведений

В дореформенный период комплектование армии офицерами производилось главным образом за счёт т.н. «недорослей из дворян», поступавших в армию юнкерами и вольноопределяющимися. Производство в офицеры лиц этих категорий производилось в зависимости от сословной принадлежности и полученного образования. Так, поступавшие в армию «на правах студентов» производились в офицеры по выслуге в унтер-офицерском звании от 3 до 6 месяцев; поступавшие в армию «на правах дворян» - «недоросли из дворян» производились в офицеры по выслуге в унтер-офицерском звании 2-3 лет. Наконец, поступавшие в армию вольноопределяющимися делились для производства в офицеры на три разряда, в зависимости от «прав происхождения».

Кроме того, в офицеры производились и унтер-офицеры обязательных сроков службы, т.е. призванные по рекрутскому набору. Лица этой категории производились в офицеры, прослужив в унтер-офицерском звании также 12 лет, при условии, если за время пребывания на военной службе они не подвергались телесным наказаниям.

Лица всех этих категорий, за исключением поступавших на «правах студентов», количество которых было ничтожно, обладали крайне низким общеобразовательным уровнем и при производстве в офицеры не имели почти никаких военных знаний, кроме знания строевого устава. Нередко производившиеся в офицеры едва умели писать и знали арифметику в лучшем случае в пределах четырех действий. В середине 1860-х гг. половина офицеров не имела никакого образования. Таков был уровень знаний большинства дореформенного офицерства, так как лица этих категорий составляли значительную часть офицерского корпуса.

Так, с 1825 по 1850 год из 59.091 офицера, вступивших в ряды армии,

36.152 человека были произведены из унтер-офицеров. Из кадетских корпусов и специальных военных училищ (артиллерийского и инженерного) выпускалось незначительное количество офицеров. Так, из общего числа офицеров, поступивших в регулярные войска с 1825 по 1861 год, цифра выпускаемых из военно-учебных заведений составляла всего лишь 25-26%, причём ежегодное количество их не превышало 600 человек.

В дореформенный период все военно-учебные заведения находились в ведении главного начальника военно-учебных заведений, обычно назначавшегося из лиц императорской фамилии и не подчинявшегося военному министру. В этих условиях Военное министерство не могло контролировать и направлять жизнь военно-учебных заведений.

Существовавшие к концу царствования Николая I военно-учебные заведения можно подразделить на три разряда: высшие, специальные и кадетские корпуса, соединявшие в себе, как правило, и общее и специальное военное образование. К первым необходимо отнести Военную академию, подготовлявшую офицеров генерального штаба.

Ко вторым – Михайловское артиллерийское и Главное инженерное училище, созданные для подготовки офицеров специальных родов войск. Эти училища были рассчитаны на 4-летний срок обучения, причём наряду с военными дисциплинами там изучались также и общеобразовательные. К этому разряду надо отнести и школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, подготовлявшую офицеров гвардии, с двухгодичным сроком обучения.

Последний разряд – кадетские корпуса – составляли наиболее многочисленную группу военно-учебных заведений. Общее количество их равнялось 16, не считая корпусов для малолетних, представлявших собой по существу сиротские дома. Курс обучения в кадетских корпусах был рассчитан на 8-9 лет.

Все военно-учебные заведения носили сословный характер и были «учреждены с той целью, чтобы юному российскому дворянству дать приличное звание сему воспитание».

Объём знаний общеобразовательных предметов, получаемых в кадетских корпусах, был очень невелик, а качество преподавания находилось на крайне низком уровне. «Умственное образование» отодвигалось на второй план, уступая место «нравственности», необходимым атрибутом которой являлась верность монарху и религии, а также слепое выполнение воли начальства.

Объём военных знаний, полученных кадетами, был также крайне

низок, включая в себя главным образом строевое обучение, причём, как утверждал в одной из своих записок Д.А. Милютин, кадеты имели крайне смутное представление о конкретных условиях армейской службы.

Несколько лучше было поставлено преподавание в специальных военных училищах - Главном инженерном и Михайловском артиллерийском, в особенности в последнем. В силу специфического характера специальных военных училищ, они сохраняли некоторую самостоятельность в системе преподавания, причем муштра и плац-парадные традиции играли в них значительно меньшую роль.

В большей мере пороки существовавшей подготовки офицеров проявлялись в Военной академии, подготавливавшей офицеров генерального штаба. Ген. П. Меньков, окончивший академию в царствование Николая I, писал: «Из первоклассного военного заведения... ухитрились сделать заведение школьников. ... От офицера требовали не изучения предмета и обсуждения со всех сторон, а безусловное повторение слов импровизированного доморощенного профессора, выучившего свой предмет по коротенькой тетрадке выписок из науки...» Действительно, за исключением отдельных профессоров, преподаватели академии стояли далеко от науки.

Число слушателей в Военной академии было ничтожно: по штатам, на курсе в конце 40-х годов значилось 25-27 слушателей, в действительности их было ещё меньше.

Однако, независимо от официальной программы, принятой в области подготовки будущих офицеров, в военно-учебных заведениях продолжали подспудно сохраняться боевые традиции Суворова и Кутузова. В результате из стен этих заведений выходили не только «герои» смотров и плац-парадов, но и подлинные герои – герои Севастополя.

В первые пять лет после Крымской войны Военное министерство не проводило каких-либо существенных изменений в работе корпусов. Главным штабом военно-учебных заведений руководил генерал Я.И. Ростовцев, человек весьма осторожный.

Осенью 1862 г. по настоянию военного министерства было принято решение о реорганизации военно-учебных заведений, о придании им характера специальных. Кадетские корпуса, не дававшие своим воспитанникам целевого военного назначения, подлежали упразднению. Система военного образования должна была подчиняться военному министерству.

В январе 1863 г. в составе военного министерства было создано *Главное управление военно-учебных заведений*. Управление ведало всеми военно-учебными заведениями, кроме академий: Николаевская академия под-

чинялась Главному штабу, а артиллерийские, инженерные и другие специальные академии - соответствующим управлениям военного министерства.

В результате проведённой реформы кадетские корпуса (кроме Пажеского и Финляндского) ликвидировались. Была создана система военных гимназий и юнкерских училищ для подготовки офицерских кадров. В 1863-1866 гг. 12 кадетских корпусов преобразовали в военные гимназии, близкие по программе общеобразовательных дисциплин в средней школе. Число гимназий со временем увеличилось. Военные гимназии (сначала 6-летние, а с 1874 г. – 7-летние) были средними учебными заведениями военного ведомства, близкими по программе общеобразовательных дисциплин к реальным училищам. Выпускники этих гимназий составляли основной контингент поступающих в военные училища.

Из военных училищ ежегодно (1863-1869 гг.) выпускалось в среднем по 600 человек. Однако этого оказалось недостаточно для пополнения командного состава армии. Чтобы решить эту проблему, в 1864 г. были учреждены юнкерские училища, готовившие пехотных, кавалерийских и казачьих офицеров, сроком обучения 2 года. В юнкерские училища принимались юноши, окончившие средние учебные заведения. Пехотные военные училища в Петербурге получили название: 1-е Павловское и 2-е Константиновское, а московское – 3-е Александровское. Полковые командиры отзывались о питомцах юнкерских училищ с похвалами.

В юнкерских училищах Д.А. Милютин видел будущее армии, т.к. они служили основным источником пополнения офицерского корпуса. При создании этих учебных заведений преследовались две цели. С одной стороны, давать образование, необходимое для производства в офицеры, и с другой, - улучшение материального и нравственного быта офицеров.

В 1877 году существовало 17 юнкерских училищ при военных округах. Хотя по закону в них и разрешалось принимать лиц недворянского происхождения, тем не менее три четверти юнкеров являлись дворянами.

Для пополнения контингента юнкерских училищ в 1868 г. 8 военнo-начальных школ было преобразовано в военные прогимназии с четырёхлетним сроком обучения. Они готовили к поступлению в юнкерские училища на правах вольноопределяющихся. В них поступали те, кто не имел материальных средств учиться в военных гимназиях. Уже в 1869 г. открылось десять прогимназий, в которых училось 2700 воспитанников.

В 1855 г. первое высшее военно-учебное заведение Императорская военная академия была преобразована в Николаевскую академию Генерального штаба. В том же году на базе офицерских классов инженерного

и артиллерийского училищ были образованы Николаевская инженерная академия и Михайловская артиллерийская академия.

Уровень преподавания в академиях был очень высок. В Артиллерийской академии работали выдающиеся учёные – профессор баллистики Н.В. Маиевский, профессор технологии А.В. Гадолин, математик П.Л. Чебышев.

В системе Военного министерства находилась и Медико-хирургическая академия, готовившая для армии медицинских и ветеринарных врачей, а также фармацевтов. Особо опекаемая Д.А. Милютиним, она была центром передовой медицинской и естественно-научной мысли России. Президентом академии являлся видный профессор хирургии П.А. Дубовицкий, учёным секретарем – крупнейший химик Н.Н. Зинин, в числе профессоров – великие русские учёные С.П. Боткин и И.М. Сеченов. При академии действовали анатомо-физиологический и естественно-исторический институты, крупный клинический госпиталь. В 1872 г. при Медико-хирургической академии открылись первые в России женские курсы акушерок – слушательницы получали высшее медицинское образование.

В 1867 г., в связи с созданием новой военно-судебной системы, при военном министерстве открылась Александровская военно-юридическая академия.

Таким образом, Д.А. Милютину удалось обновить и качественно улучшить офицерский корпус. К 1880 г. военное ведомство имело развитую систему учебных заведений: 6 военных академий, 6 военных училищ, 18 военных гимназий, 16 юнкерских училищ, 8 прогимназий, Пажеский и Финляндский корпуса со специальными классами, приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища и Морской корпус. Военное образование с 1876 г. становилось бессловным, хотя подавляющее число воспитанников было из дворян. Сократилось число офицерских вакансий, значительно повысился уровень подготовки офицеров. Но офицеров с военным образованием не хватало.

4. Перевооружение армии

Вооружение армии определялось уровнем военно-технического развития страны. Металлургия являлась самой отстающей отраслью дореформенной экономики, что, естественно, и обуславливало состояние военного производства. Производство вооружения осуществлялось арсеналами, а также заводами как военного, так и горного ведомств. Стрелковое

вооружение, а также холодное оружие изготавливались на трех заводах: Тульском, Ижевском и Сестрорецком. Производительность этих заводов в 1850 –е годы определялась ежегодным изготовлением 105-135 тысяч ружей и пистолетов, а также 25-30 тысяч холодного оружия. Кроме того, холодное оружие изготавливалось еще на Златоустовской фабрике. Однако в действительности производительность этих заводов была значительно ниже. За 9 лет, с 1853 года по 1861 включительно, было изготовлено на всех заводах 809.469 ружей и пистолетов, что составляло 89. 941 в год. Оборудование большинства заводов было примитивным: большая часть работ производилась вручную. Процент брака достигал колоссальных размеров. Так, например, на Ижевском заводе только при нарезке стволов брак достигал 60%, при пороховой пробе – 13%, а при завёртке – иногда до 100%. При всём этом на заводах имелись высококвалифицированные кадры оружейников, а на отдельных, как, например, на Сестрорецком, в конце 50-х годов и неплохое оборудование. Основной причиной, определявшей низкую производительность на этих заводах, являлся подневольный крепостной труд.

Артиллерийские орудия и снаряды изготавливались на казенных заводах горного ведомства, преимущественно на Урале, а также Олонцеком, Луганском и др. В период Крымской войны производство большинства заводов значительно увеличилось, особенно в 1855 году. Артиллерийское вооружение частично производилось и ремонтировалось также в т.н. местных арсеналах – С.- Петербургском, Брянском и Киевском. Состояние этих арсеналов было крайне убогим. Вся работа производилась вручную. Отливки орудий производились в двух арсеналах: С.- Петербургском и Брянском. За годы войны (1853-1855) было отлито и отделано 588 орудий, исправлено старых 651 орудие. Работа в этих арсеналах производилась частично солдатами артиллерийских гарнизонных бригад, частью же вольнонаемными мастерами.

К началу Крымской войны русская армия имела на вооружении почти исключительно гладкоствольные, заряжающиеся с дула, ружья, в то время как западноевропейские армии в значительной своей части были вооружены стрелковым нарезным оружием. Дальность прямого выстрела из ударного гладкоствольного пехотного ружья образца 1845 г. составляла 200 шагов. Стрельба из ружей далее 300 шагов была мало действенна. Примерно такими же качествами обладали и кремневые гладкоствольные ружья. Процесс заряжания ружей был крайне неудобен и состоял из 12 приёмов. Заряжание могло производиться только стоя.

Нарезным оружием была вооружена лишь незначительная часть войск, не более 4-5% общего количества их. Количество огнестрельных припасов было явно недостаточно: на каждое ружье полагалось иметь комплект в 100 патронов, причём в действительности их было меньше. Запасы холодного оружия были также невелики. Против положенного по штатам имелось в наличии тесаков – 21%, сабель, палашей и шашек не многим более 50%.

К началу 50-х годов артиллерия была вооружена гладкостенными, заряжающимися с дула, орудиями, преимущественно медными. Стрельба из всех состоявших на вооружении орудий производилась следующими снарядами, имевшими сферическую форму: 1) ядрами, 2) гранатами (обыкновенными, картечными и с кусками зажигательного состава), 3) бомбами обыкновенными и картечными, 4) картечью и 5) брандкугелями, т.е. бомбами, начинёнными вместо пороха кусками зажигательного состава.

Одним из существенных недостатков дореформенного вооружения артиллерии являлась его многосистемность, что создавало большие затруднения в обеспечении снарядами. Кроме того, количество артиллерийского вооружения было недостаточно. К началу войны запасы артиллерийского вооружения были незначительны – на 1 января 1853 года имелось всего лишь 1272 орудия. Однако, при всех недостатках, присущих дореформенной артиллерии, качество орудий было значительно выше состояния стрелкового оружия. К тому же и искусство стрельбы в артиллерии находилось на достаточно высоком уровне. Это объяснялось, во-первых, тем, что в артиллерии было меньше муштры, по сравнению с пехотой и кавалерией. Во-вторых, состав офицеров в артиллерии по своему уровню был также неизмеримо выше. Все это и обуславливало относительно хорошее состояние дореформенной артиллерии.

В период Крымской войны вооружение армии не претерпело существенных изменений. Пехота получила 135.360 нарезных ружей, что крайне незначительно увеличило процент нарезного оружия. Для гладкоствольного оружия в 1855 году была принята «цилиндровальная» пуля (взамен круглой), значительно увеличившая дальность стрельбы, вооружение артиллерии претерпело ещё меньшие изменения, коснувшись лишь отчасти полевой.

В ходе реформы проводилось перевооружение армии. Оно происходило в несколько этапов и окончательно завершилось в 1870-х годах. В 1866-1867 гг. гладкоствольное оружие было полностью заменено нарезным, заряжающимся с дула. Затем в войсках появилось нарезное оружие, заря-

жающееся с казенной части, сначала системы Крынка (Кренке-Гогенбург – австрийский оружейный мастер, изобретатель в области стрелкового оружия. Винтовка Крынка обладала наибольшим прицелом на 600 шагов и заряжалась с казенной части), затем Карле (изобретатель в области стрелкового оружия, винтовка его системы отличалась скорострельностью и прочностью устройства). В 1866 г. русские офицеры – полковник А.П. Горлов и капитан К.И. Гуниус были откомандированы в США. Там они ознакомились с системами американского стрелкового оружия и остановились на винтовке с откидным затвором полковника Х. Бердана, образца 1867 г., признав её лучшей из всех имеющихся там систем оружия. Вместе с тем в этой винтовке был обнаружен ряд существенных недостатков, поэтому она была коренным образом реконструирована. Вследствие этого в США её справедливо назвали «русской малокалиберной винтовкой». Американскому заводу Кольта было заказано 30 тыс. этих винтовок. Наибольший прицел этой винтовки достигал 1500 шагов при очень большой ударной силе – на расстоянии 4 тыс. шагов пуля пробивала дюймовую доску. Винтовка была создана под патрон с металлической гильзой и заряжалась с казенной части, имела откидной затвор. Первая партия винтовки Гуниуса – Горлова или Бердана № 2 прибыла в Россию в 1867 г.

К началу русско-турецкой войны 1877-1878 гг. русская армия была повсеместно вооружена скорострельными винтовками новейших систем. Из имевшихся 48 пехотных дивизий 27 были вооружены винтовками системы Крынка, 16 – новыми малокалиберными винтовками и 5 дивизий из числа расположенных на Кавказе – игольчатыми винтовками системы Карле. Пистолеты в войсках повсеместно заменялись револьверами системы Смита-Вессона, образца 1871, 1874 и 1880 гг.

Соответственно с новыми требованиями к вооружению была перестроена деятельность ряда военных заводов, и в первую очередь оружейных: Тульского, Ижевского и Сестрорецкого. Для перевооружения артиллерии важнейшее значение имело создание Обуховского и Пермского сталепушечных заводов. Благодаря открытию инженера полковника П.М. Обухова Россия первой в мире стала производить стволы орудий из литой стали, появились стальные, заряжавшиеся с казенной части орудия. В результате в 60-х годах Россия наряду с Германией превратилась в монополиста по производству стальных орудий.

У России появился паровой флот, а в 1872 г. был построен первый броненосец. Под влиянием военных округов было проложено несколько

стратегических железных дорог к западным и южным границам. В 1870 г. созданы специальные железнодорожные войска.

Боевая подготовка предполагала обучение солдат лишь тому, что необходимо на войне. Были изданы новые уставы, наставления и учебные пособия. Воинский устав о строевой и пехотной службе 1862 г. уделял много внимания одиночному обучению. Значительно было усилено физическое воспитание солдат. В войсках преподавали гимнастику и фехтование, создавались гимнастические городки, сооружались различные укрепления, которые солдаты учились штурмовать. Больше заботы проявлялось о повышении грамотности среди солдат. Издавались специальные солдатские журналы, открывались ротные и полковые библиотеки. Наряду с этим в тактической подготовке войск сохранялись отдельные старые принципы (сомкнутый строй, недостаточное использование возможностей новых видов вооружения: скорострельности, стрельбы на дальние дистанции, по закрытым целям). Отпуск снарядов для стрельбы был крайне ограничен.

С 1876 г. была введена военно-конская повинность: на время войны годное для военных целей конское поголовье подлежало мобилизации с денежной компенсацией его владельцам. В связи с этим стали регулярно проводиться военно-конские переписи.

5. Введение всесословной воинской повинности

Одним из главных достижений военной реформы был переход от рекрутского набора к всесословной воинской повинности. Из всех существовавших натуральных повинностей самой тяжелой для народа, без сомнения, была рекрутская. Отбывание военной службы являлось делом лишь податных сословий – крестьян и мещан, солдатских детей. Около 20% населения было освобождено от воинской повинности. Например, купечество еще в 1739 году, согласно указу Анны Иоанновны, получило право покупать крестьян для отдачи их за купеческое общество в рекруты. В 1776 г., при Екатерине II, последовал указ: «А как российские купцы, будучи выключены из подушного оклада, платят по 1% с капитала, то Всемилостивейшее увольняя их от поставки рекрут натурою, повелеваем, до будущего узаконения, взыскивать с них по 360 руб. за рекрута, располагая сии деньги, по сколько с души придётся». В 1783 году плата за рекрута для купцов была увеличена с 360 до 500 рублей¹. Полное осво-

---

¹ Журнал Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра рекрутского устава. 1863 г. С. 4.

бождение купеческого сословия от рекрутской повинности, личной и денежной, произошло в 1807 году, когда манифестом императора Александра I денежная повинность снималась «со всех трёх гильдий на вечные времена».

Комплектование армии рядовым составом производилось по рекрутскому уставу 1831 года. Призывной возраст – от 20 до 35 лет. Ежегодный контингент рекрутов с 1835 по 1854 г. составлял в среднем около 80 тыс. человек. В 1793 г. в армии вместо пожизненного был установлен срок службы в 25 лет. Начиная с 1834 г. в связи с принятием мер для создания обученного резерва и ростом недовольства в армии, стали практиковать увольнение в бессрочный отпуск до окончания общего срока службы. Из гвардии освобождали после 22, а из общеармейских частей после 15-20 лет пребывания в строю.

В 1826 г. драгунский капитан Якубович в письме к Николаю I из Петропавловской крепости так характеризовал солдатскую службу: «Стать под государевы знамёна вменяют в наказание провинившемуся гражданину, тогда как он должен быть представитель славы своего отечества... Солдат армии обречен на 25 лет службы; оставляя отчий дом, а часто жену и детей, уходит безнадежен когда-либо насладиться мирной жизнью под родным кровом, в кругу близких; уныние, тоска в сердце. Не уважая себя, не любя своего звания, действует из одного побуждения страха, разворачивается, не боится штрафа, не полагая когда-либо воспользоваться отставкой, и если тысячный и достигает назначенного срока, то он не дослуживает, а доживает узаконенное время»¹.

«Срок для службы, - писал декабрист П. Пестель, - определенный в 25 лет, до такой степени через всякую меру продолжителен, что мало солдат оный проходят и выдерживают, и потому с самого младенчества привыкают они взирать на военную службу, как на жесточайшее несчастье и почти как на решительный приговор к смерти»².

По замечанию одного современника «проводы рекрута скорее похожи на проводы покойника, чем на прощание с живым человеком»³. Суровость режима, продолжительность служебного стажа – всё это ещё более способствовало укреплению в обществе взгляда, что рекрутчина – это кара, которая постигает наихудших, которой следует избегать. Отдача в рекруты широко практиковалась в то время в качестве наказания за провинность. Быть сданным в солдаты или, как тогда выражались, «быть забри-

---

¹ Гессен С. Солдатские волнения в начале XIX века. – М., 1929. С. 5

² Там же. С. 5-6.

³ Взгляды на постепенное образование рекрута и солдата // Военный сборник. 1859. № 5. С. 505.

тым» или «попасть под красную шапку» («красная» означала не цвет, а «красивая», «нарядная»), считалось самым тяжёлым видом уголовного наказания даже для крепостных крестьян. Этот вид наказания определялся уголовным законодательством наравне с ссылкой в Сибирь и содержанием в арестантских ротах. Сельским обществам и помещикам разрешалось в виде окончательного средства избавляться от неугодных элементов, отдавая их в солдаты.

Наборы в армию представляли настоящее бедствие для народа и сопровождались большими трудностями. Даже военный министр Д.А. Милютин не скрывал этого: «Набор в армию, – писал он, – проходил весьма болезненно... существовавший тогда порядок придавал набору тяжёлый, удручающий характер. Взятым рекрутам вёлся счёт наравне с податями».

Уклонение от военной службы было массовым явлением. Особенно широко были распространены членовредительство и побег. Как пелось в солдатской песне:

«Пальцы рубит, зубы рвёт,
В службу царскую нейдёт...
Ваньку в рекруты берут,
Все деревни заревут...»

В царствование Николая I получили широкое распространение продажа и купля рекрутских квитанций, освобождавших лицо, приобретшее квитанцию, от службы в армию. На этих «фитанциях», как называли их в народе, иные помещики наживали немалые суммы. Операция была простая: неугодного крепостного барин сдавал в рекруты вне всякой очереди, за что получал зачётную рекрутскую квитанцию. После этого он продавал её богатому крестьянину, чьему сыну выпадала очередь идти в солдаты. Правительство разрешило Военному министерству набирать на военную службу т.н. «охотников», т.е. лиц, согласных служить в армии добровольно, и по количеству их выпускало в продажу квитанции, стоимость которых доходила до 500 рублей. Богатые крестьяне, которые раньше покупали людей в рекруты, теперь также нанимали за себя охотников.

После Крымской войны рекрутские наборы в империи не проводились 6 лет. В марте 1862 г. по инициативе Д.А. Милютина при Государственном совете была создана особая комиссия для пересмотра рекрутских уставов с целью в какой-то степени «уравнять и облегчить эту повинность для народа». Комиссию возглавил члена совета действительный тайный советник Н.И. Бахтин. Но работа шла медленно. Деятельность комиссии упиралась в нерешенность основного вопроса – какая часть населения должна

быть привлечена к призыву.

В то же время международная обстановка конца 1860-х годов характеризовалась стремительным наращиванием военной мощи ряда европейских государств, что требовало массового обучения мужского населения военному делу и, следовательно, увеличения контингента призываемых в армию.

Молниеносный разгром Франции осенью в 1870-1871 гг. прусской армией, укомплектованной по принципу всеобщей воинской повинности, произвёл сильное впечатление во всей Европе. Д.А. Милютин вспоминал: «Умы поражены были громадностью военных сил, развернутых Пруссией, совершенством их организации, быстрыми ударами, нанесёнными могущественному врагу. Тогда поняли и у нас, как несвоевременно было заботиться исключительно об экономии, пренебрегая развитием и совершенствованием наших военных сил. Заботы о сокращениях и сбережениях отодвинулись... на задний план; заговорили о том, достаточны ли наши вооруженные силы для ограждения безопасности России в случае каких-либо новых политических пертурбаций в Европе»¹.

Вывод напрашивался очевидный: рекрутские наборы изжили себя и не позволяли в случае военной угрозы мобилизовать требуемые людские ресурсы. Однако идеи всеобщей воинской повинности встретили сильную оппозицию со стороны противников реформ. Негодовало купечество, привыкшее откупаться от рекрутчины деньгами.

Военный министр поставил вопрос о необходимости увеличения обученного людского запаса. Большую помощь Д.А. Милютину оказал бывший министр внутренних дел П.А. Валуев. Летом 1870 г. он находился в Пруссии и наблюдал быструю мобилизацию прусской армии, громадное развитие её вооруженных сил. Вернувшись из-за границы, передавая военному министру свои впечатления, П.А. Валуев высказал мысль о распространении обязательной военной службы на все сословия без исключения. Не рассчитывая на успех, если инициатива подобного предложения будет исходить от него, Милютин убедил Валуева изложить письменно эти мысли и представить их Александру II от своего имени. Так и было сделано. Через несколько дней Валуев прислал Милютину записку, озаглавленную «Мысли невоенного о наших военных силах». «Записку Валуева, – замечает Милютин, – я нашёл вполне отвечающей цели, и, по желанию его, лично представил Государю при своем докладе 5 октября в Царском Селе».

---

¹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1868–1873. М., 2006. С. 307.

Подавая эту записку, военный министр, по его собственному признанию, «мало рассчитывал на успешный результат». Тем радостнее было на следующий день получить записку обратно с такой резолюцией Александра II: «Совершенно совпадает и с твоими, и моими собственными мыслями, которые, надеюсь, и будут приводиться в исполнение по мере возможности»¹.

На другой день, 7 октября, Д.А. Милютин был с докладом у государя, который выразил полное одобрение инициатив военного министра. Воодушевленный поддержкой Александра II, в тот же день Д.А. Милютин набросал канву будущего устава всеобщей воинской повинности в России.

17 ноября 1870 г. были образованы две комиссии: одна – для разработки «Положения о воинской повинности», другая – для составления «Положения о запасных, местных и резервных войсках и государственном ополчении». Общее руководство и направление работы комиссий возлагалось на военного министра, непосредственным же председателем обеих комиссий назначался начальник Главного штаба генерал-адъютант Ф.Л. Гейден. Общее руководство их работой возглавил Д.А. Милютин. Комиссия о воинской повинности была подобрана из представителей различных министерств и ведомств. На её заседания приглашались представители не только высшей бюрократии, но и разных сословий (например, купец первой гильдии Найденов из Москвы или петербургский предводитель дворянства граф Бобринский) или групп населения (например, для обсуждения вопроса о воинской повинности евреев доктор философии Зейберлинг, профессор Хвольсон и барон Гинцбург, а при обсуждении льгот для лиц с художественным образованием директор петербургской консерватории Азанчевский).

Для более квалифицированной подготовки различных глав устава комиссия была разделена на 4 отдела. Первый отдел разрабатывал вопрос о сроках службы и льготах по отбыванию воинской повинности, второй – о возрасте призываемых на службу, третий – о денежных расходах по призыву, четвёртый – о вольноопределяющихся и о военной замене.

Комиссия работала в течение двух лет. 19 февраля 1873 г. Д.А. Милютин внёс в Государственный совет проект «Устава о воинской повинности». С апреля по ноябрь 1873 г. проект обсуждался созданным при Государственном совете Особым присутствием о воинской повинности во главе с великим князем Константином Николаевичем – давним приверженцем реформы. Обсуждение проекта вызвало горячие споры по целому ряду вопросов.

---

¹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1868–1873. М., 2006. С. 310-311.

Перед обсуждением закона о воинской повинности в общем собрании Государственного совета, 3 декабря 1873 г., Александр II откровенно говорил Константину Николаевичу, наследнику и Д.А. Милютину: «Есть сильная оппозиция новому закону; многие пугаются, видят в нём демократизацию армии». И на вопрос, кто же ведёт такие разговоры, добавил: «Вы сами знаете, кто ваши противники; а более всех кричат бабы...»¹.

Основными противниками реформы являлись представители «петербургской аристократической партии», из крупных военачальников – генерал-фельдмаршалы А.И. Барятинский и Ф.Ф. Берг, сомнения относительно возможности безотлагательного введения в России всеобщей воинской повинности министр иностранных дел князь А.М. Горчаков. Решительным поборником сохранения в армии привилегий дворянства был министр просвещения граф Д.А. Толстой. В частности он полагал, что положения нового Устава приведут к тому, что господствующее положение дворян в офицерском корпусе могут занять лица мещанского или купеческого звания. Кроме того, Д.А. Толстой отрицал необходимость особых льгот для лиц, получивших высшее образование, возражал против сохранения отсрочек для студентов, полагая, что они могут легко и удобно сочетать свои занятия с отбыванием воинской повинности. По многим вопросам Д.А. Толстого поддерживали шеф жандармов П.А. Шувалов и К.П. Победоносцев.

При обсуждении в Государственном совете проекта устава по всем спорным пунктам восторжествовала точка зрения Военного министерства. В рескрипте Александра II, оценивавшем заслуги Д.А. Милютина, говорилось: «Проникнутый горячей заботливостью о пользе армии и общем благе государства, вы стремились во внесенном вами в Государственный совет проекте к приумножению не только материальной, но преимущественно нравственной силы войска, а в то же время не упустили из виду необходимости ограждения других важных интересов: быта семейного, промышленности, торговли и искусств, а в особенности просвещения во всех его степенях»².

---

¹ Милютин Д.А. Дневник. 1873-1875. М., 2008. С. 59.

² Цит. по: Толмачев Е.П. Александр II и его время. Кн. 1. М., 1998. С. 344.

6. Основные положения «Устава о воинской повинности» от 1 января 1874 г.

1 января 1874 г. Александр II утвердил «Устав о воинской повинности» и специальный Манифест о нём. В 1-й статье Устава говорилось: «Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население без различия состояний подлежит воинской повинности». По новому закону призыву на службу подлежало всё мужское население страны, без различия сословий, только одного возраста, а именно те, кому исполнился 21 год. От военной службы освобождались «инородцы» Средней Азии, Казахстана, отчасти Кавказа и Крайнего Севера, отдельные группы колонистов, служащие на ряде железных дорог, а также духовные лица всех вероисповеданий, деятели науки и искусства, преподаватели учебных заведений. Призываемым на военную службу лицам запрещалось нанимать вместо себя охотников или получать освобождение от службы с помощью купленных квитанций, как это было принято в царствование Николая I.

Новая система позволяла иметь сравнительно небольшую армию мирного времени и подготовленные резервы на случай войны. Для армии устанавливался 6-летний срок действительной службы и 9 лет пребывания в запасе, для флота – 7 лет службы и 3 года в запасе. Всё мужское население, не состоящее на военной службе, но способное носить оружие, возраста от 21 года до 40 лет зачислялось в государственное ополчение, в том числе уволенные в запас.

Срок службы зависел от уровня образования новобранцев. Учащиеся высших учебных заведений (университетов, академий, семинарий) не призывались на службу до окончания образования. Лица с высшим образованием должны были служить полгода и 14,5 лет пребывать в запасе. Выпускникам средних учебных заведений (гимназий, реальных училищ и др.) закон определял 1,5 года действительной службы и 13,5 лет – в запасе. Лица с неполным средним образованием (окончившие городское училище или уездное училище, или четырехклассную гимназию) служили 3 года и 12 лет состояли в запасе. Наконец, выпускники начальной школы должны были служить 4 года и 11 лет пребывать в запасе. Кроме того, новобранцы получившие среднее и высшее образование могли отбывать воинскую повинность в качестве вольноопределяющихся, причём срок службы сокращался в два раза, так что для получивших высшее образование он доводился всего до трёх месяцев. Для них предусматривался ус-

коренный порядок производства в унтер-офицеры и офицеры в случае успешной сдачи соответствующих экзаменов. Таким образом, реформа дала стимул к образованию. «Отечественные записки» отмечали, что в связи с законом о всеобщей воинской повинности «чуть ли не все земства и городские общества принялись жертвовать значительные суммы на открытие реальных и ремесленных школ».

Для призывников были установлены многочисленные льготы по семейному положению. Льгота первого разряда предоставлялась единственному сыну у родителей, единственному кормильцу в семье при малолетних сиротах – братьях и сестрах, а также единственному внуку у бабки и деда, не имеющих способного к труду сына. Льгота второго разряда предоставлялась тем, у кого были лишь братья, не достигшие 18-летнего возраста. Наконец, льготу третьего разряда получали те призывники, у которых в семье старший брат находился на действительной службе или умер во время прохождения оной и т.д.

В мирное время потребность в солдатах была значительно меньше числа призывников, поэтому поступление на службу производилось по жребию. Лица, вынудившие номер, влекущий к зачислению на службу, поступали в ряды войск, а прочие освобождались раз и навсегда от обязанности поступления на службу, но до 40 лет зачислялись в государственное ополчение. Молодые люди тянули жребий в первый день призыва на призывном участке, после проверки списков. Все, у кого не было льгот по семейному положению, признанные здоровыми и годными в войска, должны были призываться в армию в порядке вынутых номеров жребия. Соответственно, чем больше был вынутый номер, тем больше шансов избежать призыва в армию. Если одних безльготных не хватало для выполнения плана по призыву, устанавливаемого для каждого округа, то призывались, опять-таки в порядке вытянутого жребия, имевшие льготу третьего разряда, а затем, по необходимости, дело доходило до лиц, имевших льготу второго разряда. Молодые люди, имевшие льготу первого разряда, могли быть призваны в войска только по особому высочайшему повелению.

Новый закон оказал влияние и на состав армии, сделав её более молодой, вследствие сокращения срока действительной службы, и однородной, по возрасту нижних чинов.

Вместе с тем закон не был до конца последователен. Во-первых, значительная часть «иностранческого» населения устранялась от воинской повинности. Во-вторых, по отношению к русскому населению воинская повинность распространялась в основном на податные сословия, так как

привилегированные сословия благодаря своему образованию или прохождению обучения в военно-учебных заведениях практически освобождались от солдатской службы. В-третьих, сословные различия сохранялись и в самой армии. Командный состав русской пореформенной армии был преимущественно из дворян, хотя формально лица из податных сословий имели право поступать в военно-учебные заведения и в перспективе стать офицерами. Рядовой солдат мог дослужиться только до унтер-офицерского чина.

И все же, главное было сделано. Как писал выдающийся русский юрист А.Ф. Кони, «Милютин обратил дело защиты родины из суровой тяготы для многих в высокий долг для всех и из единичного несчастья в общую обязанность»¹.

7. Первый призыв на службу по новому закону

Опубликование закона о всесословной воинской повинности встретило одобрение со стороны либеральной общественности. Курское земство приветствовало введение всеобщей воинской повинности, «как акт, служащий двигателем в области народного образования». Рязанские земцы, в принятом по инициативе А.И. Кошелева адресе заявляли, что «Высочайшее повеление о распространении воинской повинности на все сословия... утешило и ободрило» их. «Общность повинности, – говорится в рязанском адресе, – облегчит ей тяготу, возвысит дух войска, объединит земства и усилит государство... Постепенными преобразованиями Вы вызываете всё к большему и большему развитию мысль, слово и дело общественное». Аналогичные адреса составили Саратовское, Пермское, Псковское, Вятское и Тверское (по предложению П.А. Бакунина) земства². Обозревая устав о воинской повинности, «Военный сборник» писал: «Образованные классы... могут содействовать возвышению нравственных качеств армии... Той же нравственной цели соответствует и отмена всяких выкупов от военной службы; армия будет свободна от охотников – заместителей, вносящих в неё только порочные, необузданные привычки; в населении окончательно искоренится мысль, что нести военную службу должен лишь тот, кто не имеет в своем распоряжении нескольких сотен рублей»³.

¹ Кони А.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1968, т. 5. С. 225.

² Веселовский Б.Б. История земства. Т. III. СПб., 1911. С. 152.

³ Военный сборник. 1874. Т. 96. № 3. 24-25.

Отношение консервативных кругов к реформе ярко выражено в «Записках» сенатора М.П. Веселовского, который указывал, что Устав о воинской повинности оторвёт большинство населения от производительного труда. «Отнимая от сохи настоящих пахарей, – писал Веселовский, – оно (т.е. Положение о воинской повинности. – С.Р.) возвращает в деревни так называемых «порченных мужиков», т.е. таких грамотных (скорее полуграмотных людей), которые уже успели отвыкнуть от земледельческого труда, тяготятся им, стремятся в города на места дворников, швейцаров, лакеев и т.п., а при неудаче увеличивают собою бездомный городской пролетариат»¹.

В малограмотной крестьянской среде в ожидании призыва ходили разные слухи по поводу новой солдатчины. В частности, в одних местах шли толки о том, что значительная часть новобранцев будет отправлена в «аглицкую землю»; в других местах говорили, что «нынешний набор только пробный, а настоящий будет на новый год». Говорили также, что в солдаты начнут забирать даже семилетних детей, чтобы в казармах хорошенько подготовить их к службе. В Самарской губернии распространился слух, что будет набор с девиц. Вследствие этого родители взрослых дочерей поспешили выдать их замуж².

Подготовка нового закона о воинской повинности вызвала брожение среди крымских татар и меннонитов (сектантов, отрицавших военную службу, в конце XVIII-XIX в. переселившихся в Россию и живших преимущественно в Новороссии, Поволжье и на Кавказе). Татары заговорили о переселении в Турцию, меннониты требовали паспорта для выезда в Америку, хотя, согласно ст. 157 Устава о воинской повинности 1874 г., они освобождались от ношения оружия и могли назначаться «только на нестроевые должности при госпиталях или в мастерские военно-сухопутного или морского ведомства и тому подобные заведения» (это правило, впрочем, не распространялось на лиц, присоединившихся к секте или переехавших в Россию после 1874 г.).

Желая остановить начавшееся движение, Александр II в апреле 1874 г. специально направил в Крым Э.И. Тотлебена. Объехав более 60 селений, Тотлебен просил выдать паспорта 3,5 тыс. меннонитов, на что последовало согласие императора. В результате выехало около 2 тыс. меннонитов (всего их численность в России к концу XIX в. достигала 50 тыс. человек). В 1875 г. меннонитам было предоставлено право отбывать обязательную

¹ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М. 1952. С. 331.

² Первый призыв всех сословий на военную службу. СПб. 1875. С. 5-6.

службу не в военном, а в других ведомствах (в мастерских Николаева, в пожарных командах, госпиталях, причём преимущественно в Новороссийском крае).

Большую часть татар, кроме Феодосийского уезда, удалось успокоить. Однако положение оставалось сложным. Согласно ст. 150 Устава о воинской повинности, лица, подлежащие по жребию поступлению на действительную службу, но не явившиеся к её отправлению, заменялись другими по порядку жеребьевых номеров. Из-за переселения в Турцию массы молодых татар Таврической губернии применение закона легло бы почти исключительно на христианское население, между тем, как отмечалось в отчёте по Государственному совету, «население сие вообще не многочисленно». В ноябре 1874 г. Особое присутствие о воинской повинности разъяснило, что не явившихся татар заменять не следует. Волнения в связи с введением общей воинской повинности отмечались среди мусульман и в Поволжье.

В первые месяцы после опубликования закона в России наблюдался спекулятивный бум с рекрутскими квитанциями, которые находились на руках. Указ Александра II сохранил действия их во время набора 1874 года. Купленные ранее, рекрутские квитанции могли быть представлены к зачёту не позднее 1 октября 1874 г. Зимой и весной цены на квитанции выросли невероятно. В Москве, как сообщал корреспондент «Недели», стоимость квитанций поднялась с 485 рублей (номинальная цена) до 6 тысяч рублей и даже до 10 тысяч рублей. Во Владимире, судя по появившимся там объявлениям, находились покупатели, готовые платить за квитанцию по 12000 рублей¹. Дело дошло до того, что по России разъезжали специальные барышники, скупавшие по деревням и селам рекрутские квитанции и продававшие их затем с огромной прибылью: «Из одного Томска было отправлено в Россию до 50 квитанций, которые покупались на месте у мужичков от 600 до 2000 рублей за каждую, а продавались капиталистам от 2000 до 3000 рублей, так что барышей было получено до 50 тыс. рублей»². В Бессарабии за одну квитанцию давали до восьми тысяч рублей³.

В ноябре-декабре 1874 г. совершён был первый призыв на военную службу по новому закону. Призыву подлежали молодые люди, родившиеся в 1853 году. Все достигшие 20 лет обязаны были приписаться к своему

---

¹ Неделя. 1874. № 6.

² Неделя. 1874. № 10.

³ Первый призыв всех сословий на военную службу. С. 2-3.

призывному участку. В призывные списки таких внесено было 724 648 человек. Из них 48,9% не имели права на льготу по семейному положению, а 51,1% имели право на таковую (третьего разряда 6,3%, второго 17,1% и первого 27,7%). На действительную службу предполагалось призвать 150 тысяч человек¹.

Во всех губерниях и областях было создано 2101 призывных участка, 90 городских, 636 смешанных и 1375 сельских². На время призыва помещения городских дум, земских управ, мировых съездов, волостных управ, сельских школ превратились в призывные пункты, в которых молодые люди тянули жребий. Сотни, тысячи людей приходили смотреть на эту невиданную доселе процедуру. Как отмечал военный министр Д.А. Милютин, всех присутствовавших поражала «резкая противоположность со стародавними варварскими порядками рекрутских наборов»³. Корреспондент «Пензенских губернских ведомостей» так описал эти перемены: «Прежде бывало, введут в присутствие рекрута: он дрожит и бледнеет, за ним входит старик – отец или старуха – мать и сейчас же падает перед присутствующими на колени: «Отцы наши, освободите: у него дети малыя!» «У меня вот грудь болит и весь я нездоров», – говорит, бывало, рекрут, трепещущею рукою указывая на больное место». Теперь же все по-другому, отмечает корреспондент: «рекрут ходит быстро, весело; смотрит, как говорится, соколом. За ним не плетутся его старики вымалывать милости у присутствия... «Крестись, молись Богу, служи верой и правдой!» – говорит рекруту наш почтенный, уважаемый председатель»⁴.

Действительно, корреспонденты отмечали в основном благостную картину: слезы не текли рекой, не было ни сцен отчаяния, ни пьяных сцен, которыми были так богаты прежние рекрутские наборы. И всё-таки, случалось членам присутствия видеть и человеческие драмы.

***Свидетельство очевидца.** Одну такую печальную сцену описал в «Биржевых новостях» врач, состоявший членом присутствия. «Одна семья, скопившая долгими годами и отказами решительно во всём не только роскошном, но даже подчас и необходимом, несколько сотен рублей, купила квитанцию для молодого крестьянина. С замиранием сердца, усиленным его биением и бледный как полотно, вышел*

¹ Столетие Военного министерства. 1802-1902. Исторический очерк. Комплектование войск с 1855 по 1902 год. Т. IV. Ч. III Кн. I. От. II. СПб. 1914. С. 152.

² РГИА. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 1034. Л. 37 об.

³ Милютин Д.А. Дневник. 1873-1875 /Под ред. Л.Г. Захаровой. М. 2008. С. 141.

⁴ Голос. 1874. 17(29) декабря.

по выкликке призывной, молодой парень; за ним же вышел в рекрутское присутствие дряхлый, седой старик – его дед. Последний начал копаться у себя за пазухой и вынул завернутую в нескольких платках и тряпицах рекрутскую квитанцию. Но едва его дрожащая рука протянулась с квитанцией к столу, где заседало присутствие, как председатель объявил совершенную негодность этого документа вследствие просрочки. Оказалось, что квитанция не была представлена своевременно (к 1 октября 1874 г.) в воинское присутствие и потому, согласно указу от 1 января того же года, потеряла свою силу. «Не погубите отцы родные, кормильцы!» – завопил ошеломленный этим сюрпризом старец: «Я не знал, что квитанции-то надо являть, мы люди тёмные!..» Но сделать ничего было нельзя – и парень пошел в солдаты. Известие это совсем пришибло старика... Долго стоял он, как высеченный из камня, и, наконец, поток слёз вывел зрителей из невольного оцепенения»¹.

Слезы старика понять не трудно: как отмечали губернаторы и командированные в провинцию для наблюдения за призывом офицеры из свиты императора, такие крестьяне, копившие годами деньги на квитанцию, «как видно из прошений их, закладывали свое имущество или продавали часть его для того, чтобы оставить в семье крайне необходимого работника», а некоторые «отдавали на десять и более лет... своих сыновей в кабалу!»².

Не скрывали корреспонденты и фактов грубости и произвола комиссий. Из Таганрога, например, сообщали, что «здесь издевательство и грубость ничем не были ограничены. На призывников кричали, как на стадо животных. Собравшуюся у здания присутствия толпу разгоняли силой... Один из призываемых, вынуженный жребий, обратился к члену присутствия с вопросом: «Если я завтра не успею явиться к освидетельствованию...?» В ответ на это член присутствия грозно перебил и закричал: «А в острог не хочешь?»³. После жеребьевки проводилось медицинское освидетельствование лиц призывного возраста. Особенно пристальное внимание обращалось на тех призывников, у кого на правой руке не было указательного пальца. Согласно докладу министра внутренних дел, в первый призыв 49442 человек были освобождены от службы в войсках «по болезням и телесным недостаткам»⁴, а также из-за маленького роста: наименьший

¹ Неделя. 1875. № 16.

² РГИА. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 1034. Л. 24; Д. 818. Л. 11 об.

³ Первый призыв всех сословий на военную службу. С. 19.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 196. Л. 8.

рост новобранца определялся в два аршина и два с половиной вершка (т.е. чуть более 153 см.). В дальнейшем около 15-20% признавались негодными к службе из-за физической непригодности.

Кроме жеребёвки, было ещё одно новшество, которое удивило многих: новобранцев первого призыва распустили по домам, проститься с родными. Правило это не распространялось только на губернии Царства Польского, северо-западного и юго-западного края и на те местности, население которых в прежние годы замечено было в уклонении от рекрутской повинности. Уездные присутствия выдавали каждому увольняемому временный билет, который они должны были предъявить местной полиции. На полицию возлагалась ответственность за своевременный сбор новобранцев. Роспуск по домам большинства принятых новобранцев произвёл благоприятное впечатление на всё население Империи.

А затем следовали торжественные проводы в армию. 18 декабря 1874 г. псковский губернатор отправил следующую телеграмму министру внутренних дел: «Сегодня в полдень перед отправлением новобранцев по назначению отслужен на площади торжественный молебен в присутствии начальствующих лиц при громадном стечении народа. Городской голова предложил чарку водки и калачи. Первая чарка за здоровье Государя Императора огласилась восторженным ура! При звуках народного гимна новобранцы веселы, уныния нигде не было видно. Начальствующие свидетельствуют о примерном поведении новобранцев»¹.

Несмотря на то, что в целом призыв прошел спокойно, губернаторы и другие местные начальники докладывали в Петербург о многих проблемах и замечаниях, которые выявил этот первый призыв, выполненный на новой, демократической основе. Например, как уже было сказано, вместе с каждым призываемым прибывали и его родственники. Часто, выехав за многие десятки верст от дома, крестьяне вынуждены были на долгое время задерживаться на призывных пунктах (нередко на 10-15 дней). Корреспондент, находившийся в дни призыва в Пензенской губернии, приводит следующий расчёт: «Если с участка требовалось 100 рекрут, то призывных оказывалось до 600 и более. С этими 600 человек на сборный пункт являлось 600 их жен, нередко с детьми, 600 их отцов и столько же матерей. Вся эта масса, проживая по 10 копеек в день на человека, должна была истратить во время призыва до 1750 рублей, не считая потерянного времени»².

---

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 811. Л.Л. 37-38.

² Первый призыв всех сословий на военную службу. С. 17.

В г. Кашире Тульской губернии крестьяне прожили шесть дней, и за это время так обеднели, что вынуждены были просить милостыню, чтобы не умереть с голоду. Ночевали они в холодном и грязном помещении постоялого двора, спали на мокрой соломе¹. В некоторых призывных пунктах Нижегородской губернии не существовало даже постоянных дворов, а хозяева свободных домов, пользуясь случаем, размещали в своих тесных избах по 40-50 человек, родственников призываемых, и брали с них за ночлег в три раза дороже обычного. По признанию самих крестьян, призыв 1874 г. обошелся для них «гораздо дороже, чем прежние приёмы в городе»².

Не обошлось и без нарушений и всякого рода злоупотреблений со стороны должностных лиц во время приема новобранцев. Отчёты губернаторов пестрят сообщениями о взяточничестве членов присутствия, врачей, писарей и даже священников во время призыва. Нижегородский губернатор граф Кутайсов докладывал министру внутренних дел А.Е. Тимашеву о результатах проведённой им по собственной инициативе проверке слухов, что «некоторые Уездные присутствия неосновательно бракуя лиц совершенно годных к военной службе, действуют неправильно, иногда даже пристрастно и вообще возбуждают в народе толки», на которые он не мог не отреагировать. Стремясь, по его словам, «доказать населению, что никакой подкуп призываемого освободить не может», губернатор подверг переосвидетельствованию в Губернском присутствии 349 человек, ранее забракованных. В результате 92 призывника оказались годными к службе, 44 человека отправили на дополнительные «испытания» в больницу³.

В первом призывном участке Грайворонского уезда Курской губернии врачи Татаринов и Рязанов, как показало следствие, «забраковали» за взятки до 50% всех осмотренных призывников. В одном из уездных городов Владимирской губернии молодой крестьянин просил доктора, чтобы он признал его негодным к службе и предложил ему взятку в 300 рублей. Врач деньги взял, но обещание почему-то не выполнил. Новобранец о таком поступке врача сообщил своим товарищам. Возмущенные новобранцы толпой отправились к доктору домой, выбили окна в доме, выломали двери, устроили настоящий погром. Сам виновник успел бежать⁴.

---

¹ Русские веомости. 1874. 20 декабря.

² РГИА. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 808. Л. 22 об.

³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 808. ЛЛ. 8-9.

⁴ Неделя. 1874. № 52.

Его коллега из Псковской губернии врач Новоржевского уезда Геринг, командированный в состав присутствия, был уличен «в поборах за содействие к освобождению от исполнения воинской повинности». Он брал с крестьян от 200 до 250 рублей. Правда, Геринг деньги крестьянам вернул, так как лица, которых он пытался «забраковать», были признаны годными и приняты на службу на основании заключения другого врача. В том же уездном присутствии было доказано, что писарь местного казначейства Оршанский взял с крестьянина Николая Петрова 50 рублей, «обещая прибавить ему лет в ревизской сказке». Однако Петров всё-таки был принят на службу, а писаря передали суду Мирowego судьи, который приговорил его к тюремному заключению на пять месяцев¹.

Во время призыва было засвидетельствовано много фактов, когда на медицинское освидетельствование и для определения возраста по наружному виду (из-за отсутствия справок о рождении) являлись подставные лица. Особенное распространение это явление получило в южных и западных губерниях России. Только в одной Минской губернии для определения возраста по наружному виду было вызвано 10 485 человек, среди которых было выявлено вместо призывников много подставных больных и великовозрастных².

В связи с неправильными действиями местных органов власти по организации призыва только за период осеннего набора 1874 г. было подано 76083 жалобы, в том числе 44330 жалоб на неправильное назначение льгот и 26996 жалоб на неправильности в призывных списках. Из числа поданных жалоб 37911 были признаны уважительными³. В том случае, если родители, родственники, опекуны новобранца считали, что его призвали в армию в нарушение закона, то они имели право опротестовать решения уездного, а затем и губернского присутствия, подав жалобу в Правительствующий Сенат.

На что же жаловались подданные Российской империи, с какими просьбами обращались в Петербург? Нижегородский губернатор граф Кутайсов в своем отчёте об исполнении призыва указывал: «Уездным присутствиям пришлось рассмотреть очень много просьб, содержание которых преимущественно было об освобождении от призыва. Из числа просителей были, прежде всего, отцы и матери единственных сыновей, затем одиночки не пользующиеся льготами по циркуляру МВД от 30 мая 1874 г.

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 811. ЛЛ. 43-44.

² Федоров А.В. Русская армия в 50-70 гг. XIX в. Л. 1959. С. 270.

³ РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 36. Л. 172.

за № 32»¹. (В этом своем распоряжении губернаторам, объясняя суть 45 статьи Устава, министр внутренних дел А.Е. Тимашев особо отмечал, что «семейство» следует понимать, «как союз кровный, а не рабочий, при назначении льгот по семейному положению, семейные разделы не должны иметь никакого значения»)². Всех их, – продолжал Кутайсов, – «хлопотать о льготах вынуждали условия семейной обстановки, где при единственном работнике – одиночке была жена с одним или двумя детьми и потому одиночка, поступая на службу, семью свою должен оставить на произвол судьбы, а заведенное хозяйство отдавать в посторонние руки за бесценок»³.

Документ. Первое дело, связанное с призывом в армию на основе нового закона о всеобщей воинской повинности, было рассмотрено в Сенате 14 января 1875 г. Крестьянка из г. Саранска Домна Сафонова подала жалобу на отказ Пензенского Губернского по воинской повинности Присутствия в предоставлении сыну её Павлу льготы по семейному положению. Так как она была неграмотной, то жалобу «по её личной просьбе» написал мещанин Петр Князев. По словам просительницы, её 58-летний муж страдает «падучей болезнью», а первый сын мужа – её пасынок – живёт отдельно. Единственный же её сын Павел вытянул жребий и был призван на службу. И осталась она одна, по её словам, «с тремя малолетними дочерьми и престарелым мужем... без всякого поддержания и опоры». Саранское и Пензенское Губернское Присутствия отказали крестьянке, ссылаясь на циркуляр Министерства Внутренних Дел от 21 мая 1874 г. за № 30, согласно которому «при назначении льготы» тот факт «живут ли члены семьи вместе или отдельно и принадлежат ли они к одному обществу или сословию, или к разным», не должен был учитываться⁴. И жалуется в Сенат женщина Домна Сафонова, что на пасынка у неё никакой надежды нет, что брошена она «на произвол судьбы с малолетними» дочерьми, и что, если её сына не вернут из армии, то «всё хозяйство придёт в разрушение» и должна она будет «прокармливаться с малолетними дочерьми с помощью мирского подаяния»⁵. Сенат же, формально придерживаясь буквы закона, хода-

---

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 808. Л. 21 об.

² Сборник правительственных распоряжений по введению общей воинской повинности. Т. 1. СПб. 1874. С. 291.

³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 808. Л. 21 об.

⁴ Сборник правительственных распоряжений по введению общей воинской повинности. Т. 1. С. 290.

⁵ РГИА. Ф. 1341. Оп. 135. Д. 173. Л. 2-3.

тайство просительницы оставил без последствий.

По словам губернатора Кутайсова, за родителями новобранцев – «одинок», которым было отказано в льготе по семейному положению на основании особых циркуляров министра внутренних дел, «следовали ходатаи о предоставлении льготы незаконнорожденным детям, не пользующимися никакими гражданскими правами на основании 136 ст. Законов...», а следовательно и лишенным прав на льготы по семейному положению»¹.

Так, из представленного в Сенат прошения крестьянки той же Нижегородской губернии, Макарьевского уезда, Варварской волости села Варварского Авдотьи Папалиной видно, что она «в 1853 году прижила... незаконно сына Каллистрата», а через три года вышла замуж за односельчанина Федора Папалина, который воспитывал её единственного сына как своего родного, и когда тот вырос, «отдал ему дом свой с крестьянским наделом». Губернское по воинской повинности присутствие 13 ноября 1874 года отказало предоставлять льготу Каллистрату как единственному сыну в семье, поскольку мать не предъявила никаких доказательств об усыновлении сына. Не предъявила, потому что, по её словам, «совершенно не знала» о существовании такого правила, да и местное начальство, судя по всему, не спешило сообщить ей о необходимости иметь такую справку. Хотя женщина помнила, что волостное правление выдавало её сыну «паспорт с отчеством и фамилией мужа»². Сенат оставил жалобу без последствий.

Справка. На основании разверстки Военного министерства в 1874 году было принято на действительную службу 148 458 человек. Зачтено квитанций за 935 человек. Основную массу новобранцев составляли крестьяне – 127 491 человек. Из числа дворян было призвано 1 621 чел., почётных граждан – 631 чел., купцов – 909 чел., мещан и ремесленников – 12 713 чел., прочих – 5 093 чел. Число уклонистов, т.е. не явившихся к призыву составило 24 350 человек или 3,5% от общего числа призываемых. Среди уклонистов не было лиц крестьянского сословия. Право на сокращение срока службы по образованию имели 1 641 человек (1,1% от общего числа принятых в армию). Неграмотных же было 116 590 человек, что составляло 78,6%. Треть новобранцев были женами. Более 50% призывников освобождалось от службы по семейному положению. В ополчение было зачислено 438.737 человек³.

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 808. Л. 21 об.

² РГИА. Ф. 1341. Оп. 135. Д. 234. ЛЛ. 2-3об, 6.

³ Столетие Военного министерства. 1802-1902... С. 153-154.

8. Первый призыв в Санкт-Петербурге

Согласно ст. 87 Устава о воинской повинности в Петербурге, а также ещё в двенадцати крупных городах России образовывались отдельные городские по воинской повинности присутствия. В Санкт-Петербурге присутствие было открыто 5 марта 1874 года в здании городской Думы. Первым председателем его стал Городской Голова действительный статский советник Николай Иванович Погребов. В состав присутствия вошли: офицер по назначению военного начальства полковник Н.А. Франк (в сентябре 1874 г. он был замещен майором К.А. Сапожниковым), чиновник по назначению начальника полиции майор П.И. Мерклинг и два члена городской управы, назначенные по выбору городской думы – полковник генерального штаба В.Н. Лавров и полковник, флигель-адъютант, граф К.Н. Ламздорф, который в том же году, по случаю увольнения в отпуск, также был замещен князем Ф. М. Касаткиным-Ростовским. Кроме того, в состав Присутствия вошли два врача и военный приёмщик полковник К.А. Вейс. Делопроизводство по канцелярии Присутствия возложено на редактора «Известий Думы» В.К. Шелейховского.

Петербург был разделен на восемь призывных участков. Поскольку дело было новое, то, прежде всего, присутствие предприняло меры для широкого оповещения населения. Объявления о приписке к участкам были опубликованы в газетах. В целях большей гарантии уведомления лиц призывного возраста присутствие обратилось за содействием к петербургскому градоначальнику генерал-адъютанту Трепову, который распорядился эти объявления разослать всем домовладельцам столицы. Они, в свою очередь, должны были брать с призывников, проживавших в их домах, подписки о прочтении соответствующих объявлений¹.

Первое время жители Петербурга не спешили проявить свою гражданскую активность. Желавших приписаться к участкам было не много. К 1 апреля в специальной книге присутствия значилось всего 26 фамилий. Интересно, что среди первых «приписных» были сыновья председателя комиссии для разработки устава всеобщей воинской повинности генерала Ф.Л. Гейдена, петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова (Федор и Дмитрий), граф Павел Павлович Шувалов (будущий генерал и московский градоначальник) и дети других известных в столице людей.

---

¹ Первый призыв к воинской повинности в новом порядке в С.-Петербурге. Отчёт С.-Петербургского Городского Присутствия за 1874 год. СПб., 1875. С. 6.

Приём заявлений о приписке производился ежедневно с 13 до 15 часов, кроме субботы, воскресенья и праздничных дней. Заявления принимались не только непосредственно от лиц, подлежащих внесению в «приписную книгу», но и от их родителей и опекунов, а также от их доверенных лиц. При подаче прошений о приписке к призывному участку, как правило, молодые люди заявляли о правах своих на льготы по семейному положению и о правах на отсрочки по образованию для окончания курса в учебных заведениях. Правда, примерно треть из этого числа никаких документов, подтверждающих это право, не предоставили, и присутствию приходилось разыскивать их через адресный стол и вызывать повестками или с помощью полиции сообщать им о необходимости предоставления необходимых документов.

Многие лица податных сословий не знали всех деталей новых правил приписки. Их «темнотой» пользовались ловкие адвокаты, которые, побросав свои обычные дела, принялись помогать купцам и мещанам правильно оформлять документы, надо полагать, дающие право на различные льготы или даже на освобождение от призыва. Как писали газеты, адвокаты «обделывали» свои дела «по преимуществу в двух трактирах, находящихся в окрестностях Гостиного и Апраксина дворов, в которых они устроили нечто вроде клубов для ежедневных вечерних собраний и ловли доверителей». По слухам, адвокаты – дельцы получали «солидные куши». Не обходилось и без проделок с их стороны. Например, один адвокат «ухитрился взять с одного из апраксинских торговцев только на расходы по покупке гербовой бумаги для приписки 50 рублей»¹. Подобным же промышляли и некоторые писари.

Вторым этапом призывной кампании стало составление призывных списков – особой поименной ведомости всех тех из приписанных к призывным участкам лиц, которым в год призыва исполнялось 21 год. Вначале городское присутствие и сословные управы составили частные, по сословиям, списки, а затем, свели их в один общий список. При этом те молодые люди, которые или уже поступили на службу вольноопределяющимися или, находясь ещё в учебных заведениях, заявили намерение отбыть воинскую повинность в качестве этих последних по окончании ими образования, были записаны в особый дополнительный список В.

Приписную операцию предполагалось завершить к 1 июля 1874 г. К назначенному сроку в общий призывной список было внесено 2013 человек.

---

¹ С-Петербургские ведомости. 1874. 29 марта (10 апреля).

Дополнительный список В (вольноопределяющихся) состоял из 526 фамилий¹. Списки эти были выставлены в зале городской Думы на всеобщее обозрение для того, чтобы все желающие в течении двух недель, с 5 по 20 июля, могли удостовериться в точности представленных в них сведений. Тем лицам, которые пропустили срок приписки к призывным участкам, или обнаружили ошибки в списках, но опоздали об этом заявить, дозволялось обращаться с соответствующими заявлениями в том только случае, если они могли «представить доказательства, что причиною пропуска ими срока были особенные и вполне заслуживающие уважения обстоятельства». Городское присутствие предупредило молодых людей, достигших призывного возраста (т. е. родившихся в 1853 году), но по каким-либо причинам не внесенным в призывные списки, что если они не заявят «о том до дня вынимания жребия» их сверстниками, то, согласно 158 статьи устава, они будут лишены права на жребий и, если окажутся годными к службе, «отдадутся в оную». Кроме того, на «уклонистов» от службы налагался штраф не свыше ста рублей. Те же из них, кто оказывался неспособными к службе, подвергались «заключению в тюрьме гражданского ведомства на время от двух до четырех месяцев или аресту» на срок не более трех месяцев².

Принимая во внимание и новизну дела, и то обстоятельство, что в самом присутствии некоторое время не все было готово к приёму призывников, Петербургское городское по воинской повинности присутствие решило не прибегать к карательным мерам. Оно допустило беспрепятственный приём новых заявлений от призывников не только до дня, но и в самый день жеребьевки. Только тогда окончательно были составлены призывные списки. В дальнейшем в списки постоянно вносились исправления.

В течение всего 1874 года свой гражданский долг выполнили и приписались к призывным участкам 4379 человек. Из них окончательно в призывные списки было внесено 1978 молодых людей 1853 года рождения, подлежащих призыву в 1874 году. В их числе представителей сословий, изъятых от внесения в десятую народную перепись, было 906 человек, купцов – 108, мещан – 742, лиц ремесленного сословия – 112, обитателей охтенского пригорода (купцов и мещан) – 43. Кроме петербуржцев, 67 жителей из других регионов выразили желание приписаться к столичным

---

¹ Первый призыв к воинской повинности в новом порядке в С.-Петербурге... С. 13.

² Устав о воинской повинности... С. 362, 370, 378; Ведомости СПб Градоначальства и СПб городской полиции. 1874. 5 июля.

участкам и призываться в Петербурге¹. По разверстке годового призыва из Петербурга в войска надлежало принять 351 человек. Следовательно, в армию предстояло забрать только пятую часть всех призывников.

Итак, 1 ноября 1874 г. в 12 часов дня в большом зале Петербургской городской думы начал производиться первый призыв на службу на основе всеобщей воинской повинности. По этому случаю газета «Русский инвалид» сообщала своим читателям: «Важность предстоящего события, а также и новизна привлекли в думу громадную толпу народа; публика была самая разнообразная, были дамы, щегольски одетые мужчины, офицеры, воспитанники разных учебных заведений и характерные пальто петербургских цеховых. Вся эта толпа вела себя необыкновенно спокойно и чинно»². Здесь же присутствовало и высокое начальство: петербургский градоначальник, генерал-адъютант Трепов и столичный губернатор, тайный советник Лутковский, начальник главного штаба, генерал-адъютант граф Гейден и начальник местных войск петербургского военного округа, генерал-лейтенант Каталей и другие. Через 20 минут прибыл главнокомандующий войсками гвардии и петербургского военного округа Великий князь Николай Николаевич. После молебна, который отслужило духовенство Казанского собора, перед собравшейся публикой и призывниками выступил губернатор Лутковский. Он, прежде всего, напомнил молодым людям 1-ю статью нового Устава, которая гласила: «Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного», а закончил свою речь старым русским изречением: «За Богом молитва, а за Царем служба не пропадают».

В первый день призыва на службу брали молодых людей, проживающих во втором призывном участке Петербурга (Спасская часть). После торжественной части члены присутствия заняли свои места за столом. Здесь же находились военный приёмщик лейб-гвардии Финляндского полка полковник К. А. Вейс, два врача, а также по одному представителю от ремесленников, мещан и купцов. Поскольку публики было много, вся она разместилась на скамьях, заняла место в проходах, а некоторые устроились даже на подоконниках. Прежде чем приступить к жеребьевке, члены Присутствия проверили призывной список, после чего делопроизводитель Присутствия В. К. Шелиховский публично зачитал его. Затем он огласил список тех, кто имел право на льготу по семейному положению (таких на

---

¹ Первый призыв к воинской повинности в новом порядке в С.-Петербурге... С. 7, 19.

² Русский инвалид. 1874. 2 ноября.

участке оказалось 51 человек), а также список из 18 человек, получивших отсрочку для окончания учебных заведений. После оглашения списков председатель Присутствия предоставил слово тем новобранцам, которые имели какие-либо возражения. Таких оказалось 15 человек. Все их заявления были выслушаны, но только в одном случае присутствие признало претензию справедливой: в списке ошибочно оказалась фамилия человека, родившегося в 1852 г. и, следовательно, он не подлежал призыву. Его имя тут же вычеркнули из списка, и председатель присутствия объявил, что второй участок состоит из 174 человек, но на службу будет призвано только 30 человек.

После проверки списков члены присутствия приступили к процедуре жеребьевки. Вначале председатель громко пересчитал пронумерованные билеты, затем трижды предложил кому-либо из призывников пересчитать билеты ещё раз, но желающих не нашлось, из толпы раздались голоса: «не надо», «верим». Прежде чем высыпать билеты в колесо, бросили жребий, который определил очередность жеребьевки по сословиям. В итоге первыми тянули жребий мещане, вторыми – лица, не внесенные в десятую народную перепись, затем – ремесленники, и последними шли к колесу представители купеческого сословия. Само «колесо для жеребьевых номеров» находилось перед столом членов присутствия и рядом с ним, видимо для того, чтобы предотвратить жульничество, стояли член воинского присутствия князь Касаткин-Ростовский и депутат от сословия. Первым к лотерейному колесу вызвали мещанина Николая Федорова Волкова, который, однако, не появился и, согласно установленному порядку, жребий за него вытянул депутат от мещан Полозов¹. Позже выяснилось, что Волков находился в зале, но в ту минуту, когда произнесли его фамилию, «с ним сделалось дурно»². Между тем, его билет оказался с номером 154, и такой жребий фактически гарантировал ему освобождение от службы. Вся процедура жеребьевки заняла около четырёх часов и закончилась в 18 часов.

На следующий день в городской Думе проходило медицинское освидетельствование молодых людей и их окончательный приём на службу. Вновь были приглашены все желающие, вновь в зале было много публики, но на сей раз во время медицинского осмотра присутствовали одни мужчины. Было здесь и высокое начальство. Член присутствия майор П.И. Мер-

---

¹ Русский инвалид. 1874. 2 ноября.

² С-Петербургские ведомости. 1874. 5(17) ноября.

клинг вызывал молодых людей по порядку номеров, вынутых ими при жеребьевке. Перед столом присутствия стояла мерка для определения роста, которую прислали из Главного штаба военного министерства. По уставу наименьший рост новобранца определялся в два аршина и два с половиной вершка (т.е. чуть более 153 см.). Первым был вызван мещанин Петр Аникин, который оказался ростом 165,55 см. И хотя он имел «не вполне здоровую грудь», тем не менее, его призвали в армию на нестроевую должность. Под номером 7 шел сын губернского секретаря Федор Тарасов, коренастый юноша, ростом 170 см., который в прежние времена по закону не подлежал бы рекрутской повинности. Когда председатель «объявил ему, что он годен и принят на службу», Тарасов «громко и весело ответил «слава Богу», и пошел записывать свой адрес». И так проверяли каждого призывника. 23 человека не явились в тот день к освидетельствованию, из них большинство принадлежало к мещанскому сословию. Тридцатый новобранец из числа принятых в армию, шел под номером 90 общего списка. Два купеческих сына (Власов Павел и Лукин Петр) представили присутствию зачётные квитанции и, таким образом, освобожились от службы.

В 17 часов все закончилось: призванные в армию новобранцы были приведены к присяге и временно распущены по домам. В соответствии с новым уставом и согласно циркуляру министра внутренних дел от 21 октября за № 98, каждый из них получил временный вид на жительство и указание явиться к воинскому начальнику не позже 7 декабря. Услышав такое объявление председателя присутствия, многочисленные зрители изумились «подобной свободе», и вспомнили времена рекрутчины, «когда принятых на службу немедленно окружали стражей и отводили в казармы»¹. Все остальные призывники, участвовавшие в жеребьевке, но на службу не попавшие, получили особые свидетельства: признанные неспособными к службе – бессрочные свидетельства об освобождении от службы навсегда; зачисленные в ратники ополчения – свидетельства с обозначением на них номеров жребия, и, наконец, лица получившие отсрочку от службы – временные, с обозначением причин отсрочки.

В таком точно же порядке брали на службу молодых людей и на других призывных участках столицы. Окончательная сдача причитавшихся по губернской разверстке новобранцев от населения Петербурга последовала 28 ноября т. е. значительно раньше того срока (15 декабря),

---

¹ Русский инвалид. 1874. 3 ноября; С-Петербургские ведомости. 1874. 3(15) ноября.

который определен был в 14 ст. устава. На производство набора новобранцев в каждом участке, кроме первого, ушло по два дня. Поскольку первый участок (Адмиралтейская и Казанская части) оказался самым многочисленным, то призыв в нем продолжался четыре дня. Многочисленность участка объясняется тем обстоятельством, что к здешним мещанскому и ремесленному сословиям было приписано до 300 питомцев Воспитательного дома, находившегося в Казанской части столицы¹. В призывном списке участка было 561 человек, по разверстке в войска призывали 101 лицо. Опыт первых лет призывов показал, что в первом участке около 2/3 лиц после проведения жеребьевки освобождались от службы и зачислялись в ополчение. В дальнейшем некоторые молодые люди шли на хитрость, дабы избежать призыва: они «временно поселялись в районе этих, так сказать, привилегированных участков, в которых представлялось много шансов быть освобожденными»².

Другие призывные участки Петербурга также имели свои особенности. Самый малочисленный из всех участков был второй, в состав которого входила Спасская часть. Наиболее богатая и аристократическая призывная публика проживала в первом и шестом (Литейная часть) участках столицы. Наибольшее число «забракованных» по здоровью – «малосилию, анемии, плохому питанию и неудовлетворительному развитию организма» – выпало на Охтенский пригород, приписанный к восьмому участку³.

Кстати, по итогам медицинского осмотра врачи признали не способными к службе 106 человек. В своём итоговом отчете о призыве члены присутствия отмечали хилость населения столицы, почти половина «забракованных» призывников оказались неспособными к службе по причине «слабости груди, бугорчатки и катара дыхательных органов». Ниже минимального роста оказались 12 призывников, а большинство поступивших на службу новобранцев имело рост 2 аршина 6 вершков, т. е. примерно 169 см.⁴

После приёма основной массы новобранцев городское воинское присутствие продолжило свою работу, главным образом с теми, кто не явился к жеребьевке и освидетельствованию. Таких было не мало, особенно в первые дни. Достаточно сказать, что из 1978 человек призванных к жеребь-

---

¹ С.-Петербургские ведомости. 1874. 27 ноября (8 декабря).

² Обзор двадцатипятилетней деятельности С.-Петербургского городского по воинской повинности присутствия 1874-1898 гг. – СПб., 1899. – С. 5.

³ С.-Петербургские ведомости. 1874. 29 ноября (11 декабря).

⁴ Первый призыв к воинской повинности в новом порядке в С.-Петербурге... С. 44, 51, 54.

ёвке, не явилось 526, и за них тянули жребий члены присутствия или сословные старшины¹. Однако среди них были как сознательные «уклонисты» от армии, так и неграмотные люди, не знавшие своих обязанностей и прав. После каждого осмотра и приёма новобранцев присутствие сообщало градоначальнику поименные списки не явившихся для того, чтобы их имена были преданы огласке и опубликованы в «Ведомостях градоначальства и полиции». Кроме того, принимались меры для розыска «уклонистов». Поэтому почти ежедневно до 15 января (день, когда присутствие завершило отчет о своей деятельности) в присутствие приходили молодые люди призывного возраста, кто добровольно, а кто под конвоем полиции. Всего явилось 226 человек, из них на службу было принято 68. Их обменяли на тех новобранцев, которые вытянув более высокий номер жребия, тем не менее, из-за отсутствия прогульщиков вынуждены были пойти служить. И все-таки, по данным присутствия 113 человек так и не исполнили свой гражданский долг².

Приведем некоторую статистику первого призыва. В войска было принято 329 человек. Из них способных к строевой службе было 314, к нестроевой – 15, зачтено 22 квитанции. Среди зачисленных в войска новобранцев было 10 дворян, потомственных и личных, 25 человек состояло на государственной службе, почетных граждан потомственных и личных было 8, прочих лиц изъятых от народной переписи – 108, купцов – 13, мещан – 132, цеховых – 14, из охтенского пригорода – 9. Десять новобранцев были переписаны из других городов и уездов. Русских было 315, немцев – 8, поляков – 4, евреев – 2.

Некоторые особенности призыва вытекали из особенностей населения Петербурга. Так, среди призванных на службу в Петербурге новобранцев только пять были женатыми и считались «одиночками» (семья «одиночки» состояла только из него самого – кормильца, жены и детей). Только семь петербургских новобранцев были полностью неграмотными, 106 человек считались полуграмотными (т. е. умели только читать), остальные умели читать и писать. Напомним, по всей России неграмотных молодых солдат было 78,6%. 55 новобранцев из Петербурга закончили учебные заведения и, следовательно, имели право на сокращенные сроки службы. По всей России такое право получили 1 641 человек (1,1% призванных). Заслуживает также внимание тот факт, что никто из 569 призывников, имев-

¹ Первый призыв к воинской повинности в новом порядке в С.-Петербурге... С. 33.

² Голос. 1874. 18 (30) декабря; Первый призыв к воинской повинности в новом порядке в С.-Петербурге... С. 38, 40.

ших право на льготы всех трёх разрядов, не был призван на действительную службу в армию¹. Наконец, именно в столице во всей полноте проявились такие преимущества нового устава от 1 января 1874 г., как демократичность и всеословность.

Не трудно заметить, что при прежних рекрутских порядках около половины новобранцев 1874 года были бы освобождены от службы, и основная тяжесть воинской повинности легла бы вновь на податное население.

Каких-либо сцен отчаяния, глубокой скорби, характерных для прежней рекрутчины, замечено не было. Зафиксированы случаи, когда призывники, не найдя себя в первоначальных списках, заявляли желание быть приписанными к участкам и тянуть жребий. Были и такие, кто имел все шансы не попасть в войска, и, тем не менее, заявляли о своем желании служить в армии.

Например, два призывника, один из которых находился под покровительством Комитета о нищих, а другой, «по званию дворянин, а по профессии – нечто вроде бродяги», признались, «что на поступление в ряды армии они смотрят как на средство вырваться из своего тяжкого материального положения»².

Со стороны городского присутствия по воинской повинности сделано было всё возможное, чтобы заслужить доверие населения. Свидетельством тому является тот факт, что только на одном призывном участке нашлись недовольные действиями присутствия. Было подано всего две жалобы, и обе признаны неуважительными. Не зафиксировано и каких-либо случаев махинаций со стороны врачей, других должностных лиц, попыток дать взятку со стороны родителей призывников. В Петербурге все заинтересованные лица внимательно следили за исполнением законности и порядка, чего не скажешь о глубинке, где подобные факты встречаются практически в каждой губернии.

Сами члены присутствия, как говорится, трудились не покладая рук: рабочий день в городской думе они начинались в 10 часов утра и заканчивали, как правило, в 19-20 часов вечера. Кроме того, в так называемое неприсутственное время им приходилось вести обширную переписку по призывному набору.

---

¹ Извлечение из отчетов по исполнению воинской повинности С.-Петербургским столичным населением. 1874-1879 годы. СПб., 1880. С. 114, 116; Первый призыв к воинской повинности в новом порядке в С.-Петербурге... С. 40-41; РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 36. ЛЛ. 140-144.

² С.-Петербургские ведомости. 1874. 29 ноября (11 декабря).

Итоги призыва на основе закона о всесословной воинской повинности были тщательно проанализированы. На основе докладов губернаторов и наблюдателей на местах министерство внутренних дел составило общий свод замечаний относительно нового Устава. Всего было 65 замечаний¹. Многие из них касались льгот по семейному положению. Очевидно, что при распределении льгот авторы нового Устава стремились, прежде всего, не допустить разорения, пауперизации крестьянских хозяйств. Призыв на службу молодого человека не должен был обернуться нищетой для его семьи. Однако опыт первого призыва показал, что составители Устава не учли, или сознательно проигнорировали многие особенности крестьянской жизни, например, ранние браки, наличие незаконнорожденных детей, приёмшей. В частности, льготами были обделены так называемые «одиночки» – женатые молодые люди, имеющие детей, а также единственные, но незаконнорожденные сыновья. Со стороны губернаторов было много нареканий и в отношении организации в ряде уездных городов призывных участков, столь больших, что только одна жеребьевка призывников занимала несколько дней; задавались вопросы об ответственности врачей за неправильное освидетельствование призываемых на военную службу и т.д. Все эти замечания и предложения были рассмотрены в Особом Присутствии о воинской повинности, а затем и в Государственном Совете в октябре 1875 года. По итогам этих совещаний в Устав о воинской повинности были внесены необходимые изменения и дополнения.

Данные, показывающие призывы в течение первых семи лет после принятия закона о всесословной воинской повинности² представлены в табл. 3.

В конце XIX в. в русской армии были произведены следующие изменения. По новому воинскому уставу 1888 г. устанавливался 5-летний срок действительной службы и 13-летний – пребывания в запасе для всех родов войск, с последующим зачислением в ополчение. Предельный возраст для ополченца увеличивался с 40 до 43 лет. Сохранялись прежние льготы по семейному положению, но в 2–4 раза увеличивались сроки службы для лиц, окончивших средние и высшие учебные заведения, а также для вольноопределяющихся. Как уже отмечалось выше, для армии мирного времени необходимый контингент призываемых на действительную службу был значительно меньше общего числа призывников. Например,

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 1034. ЛЛ. 8-80 об.

² Таблица составлена на основе данных, приведенных в издании «Столетие Военного министерства. 1802–1902. СПб., 1902, Т. IV, ч. III, кн. I, отд. II, с. 152–173.

Таблица 3

Годы	Внесено в призывные списки	Освобождено по семейному положению	Освобождено по предъявлении зачётной квитанции	Предоставлена отсрочка по образованию	Предоставлена отсрочка по имущественному положению	Призвано в ряды армии
1874	724 648	369 570	935	1752	310	148 458
1875	693 367	353 990	747	1904	276	178 392
1876	677 096	348 298	842	2239	291	192 377
1877	689 825	349 975	756	2545	277	211 510
1878	758 750	399 492	750	2616	311	213 152
1879	774 661	401 962	556	2626	214	197 615
1880	808 683	422 136	516	2780	195	213 677

в 1900 г. из 1150 тыс. мужчин, подлежащих призыву, было призвано 315 тыс. человек. Таким образом, из числа лиц призывного возраста на действительную службу брались 25-30%. Характерно также, что с каждым годом увеличивалось число лиц, которым были предоставлены отсрочки по образованию.

Военные реформы Д.А. Милютин перестроили российскую армию на современный лад, значительно повысили её боеспособность. Реформы способствовали ускоренному росту железных дорог как необходимого условия для проведения мобилизации в такой обширной стране, как Российская Империя. Д.А. Милютину удалось изменить структуру армии, совершенствовать военно-судебную систему, облегчить положение солдата. В армии отменили телесные наказания, хотя «мордобой» остался обыденным явлением. Устав предписывал не только военные и физические упражнения солдат, но и обязательное обучение их грамоте, т.к. до 80% призывавшихся в то время на службу составляли неграмотные. Армия сделалась для населения своего рода школой.

Первое серьезное испытание – русско-турецкая война 1877-1878 гг. показало высокий уровень боевой подготовки армии. Но сохранялись и пережитки старой крепостнической системы – бесправие солдат, кастовость офицеров, протекционизм. По-прежнему, хотя и в меньшей степени, ощущалась нехватка офицерских кадров, а перевооружение армии растянулось на десятилетия.

VIII. ВОПРОС О КОНСТИТУЦИИ. СУДЬБА ПРОЕКТА М.Т. Лорис-Меликова.

Однако политическое переустройство страны не было завершено. Реформы не затронули высшие органы государственной власти. Россия по-прежнему оставалась самодержавной монархией. Почему Александр II, так решительно поддержавший отмену крепостного права, упорно отрицал необходимость и возможность парламента и конституции в России? Следуя современной терминологии, Александр II был «центристом». Он верил в то, что самодержавная монархия является лучшей и наиболее органичной для русского народа формой правления. Кроме того, он был убежден, что не только простой мужик, но и высшие классы русского общества не достигли ещё, по его словам, «той степени образованности, которая необходима для представительного правления». 29 июня 1862 г. министр внутренних дел Валуев записал в своем дневнике, что Александр II на заседании Совета министров, одобрявшего проект земской реформы, затронул вопрос о конституции и заявил, «что противится установлению конституции не потому, что он дорожит своей властью, но потому, что убеждён, что это было бы несчастьем России и привело её к распаду»¹. Через три года император ещё более ясно обосновал свою позицию. В сентябре 1865 г. он вместе с супругой и детьми отдыхал в своем подмосковном имении Ильинском. В числе немногих лиц, принятых Александром II, был местный звенигородский уездный предводитель дворянства П.Д. Голохвастовым, один из самых громогласных ораторов московского дворянского собрания, требовавших конституции. В беседе с ним император сказал: «И теперь вы, конечно, уверены, что я из мелочного тщеславия не хочу поступиться своими правами! Я даю тебе слово, что сейчас на этом столе я готов подписать какую угодно конституцию, если бы я был убеждён, что это полезно для России. Но я знаю, что сделай я это сегодня, и завтра Россия распадется на куски. А ведь этого и вы не хотите»². Александр II считал, что реформы не должны привести к дестабилизации общества, распаду многонациональной империи.

С середины 1860-х гг. реформаторские усилия Александра II утратили прежнюю энергию. Причин было несколько. Темпы и направление реформ вызывали недовольство как консервативных сил, мечтавших о возврате к временам Николая I, так и тех, кто считал, что реформы идут слишком

¹ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961, Т. 1. С. 181.

² Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и деятельность. М., 2006. С. 419.

«медленно» и «неглубоко». Среди столичной молодежи распространялись прокламации, призывавшие к «кровавой» революции. Выстрел в царя Д. Каракозова 4 апреля 1866 г. произвел шокирующее впечатление на общество. В ответ правительство в лице шефа III отделения П.А. Шувалова перешло к карательным мерам против «крамолы». Император всё более уставал от деятельности по преобразованию государства. Сказались и личные переживания: смерть от туберкулеза в 1865 г. старшего сына Николая, болезнь императрицы, последняя любовь царя – любовь к юной княгине Екатерине Долгорукой. Политический сдвиг сопровождался сменой окружения царя. Либеральные министры, кроме Д.А. Милютин и Горчакова, были отправлены в отставку, их места заняли реакционеры – П.А. Шувалов (шеф жандармов, прозванный в придворных кругах за своё всеисие «Петром Четвертым»), Д.А. Толстой (министр просвещения), К.И. Пален (министр юстиции). Следствием возросшей неуверенности царя явилась своеобразная «министерская чехарда»: за последние 15 лет царствования Александра II на 10 министерских постах сменилось 32 министра, в т.ч. по четыре министра внутренних дел и юстиции. Но реформы все-таки не были полностью прекращены. Теперь они чередовались с охранительными мерами.

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. обстановка в стране оставалась напряженной. Народовольцы развязали террор против царя и представителей власти. Нарастала критика действий правительства со стороны земских либеральных деятелей. После того как А. Соловьев 2 апреля 1879 г. стрелял в царя (пять пуль, выпущенных из револьвера, не достигли цели) Александр II специальным указом Правительствующему сенату вводит временных генерал-губернаторов в Петербурге, Харькове и Одессе с чрезвычайными правами административной высылки, ареста любого лица, приостановления или закрытия периодических изданий. Такие же права получили и генерал-губернаторы Московский, Киевский и Варшавский.

Пережив очередное покушение (взрыв 5 февраля 1880 г. в Зимнем дворце, организованном Степаном Халтуриным), Александр II для наведения порядка в стране повелел учредить Верховную распорядительную комиссию во главе с героем русско-турецкой войны, бывшим харьковским генерал-губернатором М.Т. Лорис-Меликовым, наделив его полномочиями диктатора.

Свидетельство современника. А.Ф. Кони в мемуарах приводит рассказ Лорис-Меликова о своей карьере: «...А тут эта война, Карс...

Зовут затем «усмирять чуму». Я Поволжья вовсе не знаю. Нет! По-езжай. А там – вдруг сапран на 12 млн в Харькове. Делай, что хочешь: судью застрели, губернатора сошли, директора гимназии повесь!! Едва успел оглядеться, вдуматься, научиться, вдруг – бац! – иди управлять уже всем государством. Я имел полномочия объявлять по личному усмотрению высочайшие повеления. Ни один временщик – ни Менишиков, ни Бирон, ни Аракчеев – никогда не имели такой всеобъемлющей власти»¹.

Лорис-Меликов (позже он будет назначен министром внутренних дел) действовал с помощью «кнута и пряника»: усилил репрессии против террористов, но в то же время пытался продолжить реформы, начатые Александром II. По его предложению было ликвидировано III отделение, снискавшее недобрую славу в обществе. Его функции были переданы Департаменту полиции, созданному в составе Министерства внутренних дел. С поста министра народного просвещения был уволен Д.А. Толстой, этот, по словам Лорис-Меликова, «злой гений русской земли». Был значительно ослаблен цензурный гнет, но в печати строго запрещалось упоминать о конституции. Идеолог народничества Н.К. Михайловский дал такое определение диктатуре Лорис-Меликова: «писий хвост – волчья пасть». В радикальных кругах ходила эпиграмма: «Мягко стелет – жестко спат: Лорис-Меликовым звать».

28 января 1881 г. Лорис-Меликов представил доклад Александру II: «...Великие реформы царствования вашего величества представляются до сих пор отчасти не законченными, а отчасти не вполне согласованными между собою». Лорис-Меликов, указывая на невозможность распространения в России конституционных учреждений и созыва Земского собора, настаивал на необходимости всё-таки удовлетворить те стремления передовых представителей общества к участию в государственной жизни. По его мнению, следовало вернуться к тому способу привлечения общественных сил на государственную работу, который практиковался в эпоху разработки крестьянской реформы. Для разработки преобразований Лорис-Меликов предлагал создать при Государственном Совете из чиновников и назначенных царём (а не выборных) «сведущих людей» – представителей земств и городских дум, профессоров, публицистов и т.п., две редакционные комиссии для подготовки законов. При всей ограниченности это могло стать началом российского парламентаризма. Эту направленность

---

¹ Кони А.Ф. Собр. соч. М., 1968. Т. 5. С. 195-196.

поддерживали и другие министры. Так, министр финансов А.А. Абаза говорил при обсуждении проекта: «Трон не может опираться только на миллион штыков и армию чиновников... В государстве есть также и образованные классы. Для пользы дела необходимо заручиться их участием в правительстве, прислушаться к их мнению и не пренебрегать их частую столь разумными советами».

Свои предложения Лорис-Меликов рассчитывал осуществить за 3 года. При этом Лорис-Меликов не раз высказывал убеждение в том, что какое-либо конституционное учреждение в России не будет иметь под собою почвы. «...Я знаю, - говорил Лорис сенаторам, - что есть люди, мечтающие о парламентах, о центральной земской думе, но я не принадлежу к их числу. Эта задача достанется на дело наших сыновей и внуков, а нам надо лишь приготовить к этому почву». Александр II, одобрив 1 марта 1881 г. проект правительственного сообщения, которое доводило до сведения подданных о готовящихся реформах, также сказал сыновьям вел. Князьям Александру и Владимиру Александровичам: «Я дал своё согласие на это представление, хотя и не скрываю от себя, что мы идем по пути конституции»¹.

Александр II утвердил проект реформы политической системы, подготовленный М.Т. Лорис-Меликовым. Утром *1 марта 1881 г.* император вызвал Валуева, вручил ему проект правительственного сообщения и велел назначить на среду, 4 марта, заседание Совета министров для окончательного утверждения проекта Лорис-Меликова. Но через несколько часов на набережной Екатерининского канала прогремят взрывы бомб, брошенных народовольцами. От полученных ранений Александр II скончался. Новый царь Александр III созвал в воскресный день 8 марта Совет министров, который был намечен его отцом на 4 марта.

Вокруг проекта Лорис-Меликова разгорелась борьба мнений. Первым выступил влиятельный царедворец С.Г. Строганов, который сказал: «Путь этот ведет прямо к конституции, которой я не желаю ни для вас, – обращаясь к царю, – ни для России». Валуев парировал тем, что «предлагаемая мера очень далека от конституции. Она имеет целью справиться с мнением и знанием людей, знающих более, чем мы, живущие в Петербурге, истинные потребности страны и её населения». Ему вторил Д.А. Милютин: «Ваше величество, не о конституции идет у нас теперь

---

¹ Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности // Отечественная история. 2001. № 5. С.32-53.

речь. Нет её и тени...»¹ Но после гибели Александра II от рук народовольцев *1 марта 1881 г.* проект был отклонен. Трагичная смерть реформатора поставила точку на эпохе реформ, так и не доведенных до своего логического завершения.

---

² Литвак Б.Г. *Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива.* М., 1991. С. 299.

IX. ЗНАЧЕНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ РЕФОРМ 60-70-Х ГГ. XIX В.

Такой была эпоха реформ Александра II, эпоха Освобождения. Бурная, противоречивая. Такой же противоречивостью отличаются суждения историков об этой эпохе. Многие современные историки, говоря о «половинчатом», «противоречивом» характере реформ 60–70-х годов XIX в., в то же время подчеркивают, что они значительно продвинули Россию по пути экономической и политической модернизации. Реформы открывали путь к созданию в России собственно гражданского общества и правового государства (хотя такой терминологией реформаторы не пользовались), закладывали основы этого длительного процесса.

А.А. Корнилов (историк конца XIX – начала XX вв.): «Значение великих преобразований эпохи реформ было таково, что черта, проведённая ими в русской жизни между дореформенной и послереформенной эпохами, стала непереходима и неизгладима; никакая реакция в правительственных и даже в некоторых общественных кругах не могла уже вернуть Россию к её прежнему, дореформенному положению. Реакция, наступившая в 1866 г., сделала много зла, но она не могла возратить Россию к прежнему быту, ибо этот быт с отменой крепостного права был разрушен безвозвратно»¹.

Элен Каррер д Анкосс, научный, общественный и политический деятель Франции: «Политика реформ Александра II была наиболее позитивным этапом на протяжении долгого пути России к модернизации; она коренным образом перевернула всю страну. Возможно, она была несовершенной, неполной, с конца 1860-х годов её тормозила растущая оппозиция. Но развитие капитализма, эволюция крестьянства, закат дворянского сословия, подъём буржуазии и прежде всего пролетариата – все эти явления ускорились благодаря решениям царя-освободителя. Он подтолкнул Россию к тому, что она быстро стала наверстывать свое отставание. Даже сами методы изменения – постепенная реформа – также как и его содержание были вдохновлены развитием западного мира и приближали Россию к Европе. Соглашаясь с духом своего времени в своем стремлении не насаждать силой изменения в обществе, а приобщить его к ним, Александр II так же в корне перевернул всю страну, как это когда-то сделал Петр Великий, но ценой «роста варварства». В этом смысле именно Александр был «европеизатором» России»².

¹ Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. М., 1993. С. 263.

² Каррер д Анкосс Э. Незавершенная Россия. М., 2005. С. 137-138.

В.А. Федоров: «Реформы 60–70-х годов XIX в. начиная с отмены крепостного права знаменовали собой существенные изменения в политическом строе России. Однако эти преобразования носили непоследовательный и незавершенный характер. Уступки, сделанные прежде всего в интересах крупной буржуазии, нисколько не нарушали дворянских привилегий. Новые органы местного управления, школа и печать были подчинены царской администрации. В политике императора Александра II сочетались и реформаторство, и реакционные тенденции. Последние замедляли ход реформ и в ряде случаев искажали их характер. Проводя реформы, самодержавие вместе с тем применяло старые административно-полицейские методы управления, поддерживало сословность во всех сферах общественно-политической жизни страны»¹.

Дворниченко А.Ю.: «По сути дела, эта была ещё одна попытка приспособить ГКС [государственно-крепостнический строй] к условиям меняющегося мира, попытка, может быть, наиболее решительная, но именно этой своей решимостью породившая непредсказуемые последствия для дальнейших судеб ГКС»².

Авторы одного из последних изданий дали такую оценку: «Ни до, ни после «эпохи великих реформ» никому не удавалось столь глубоко, комплексно и относительно бесконфликтно убрать старое, отжившее и ввести новое в жизнь огромной страны, а главное, органично вписать нововведения в привычное направление исторического пути России, не совершая грубого насилия над её тысячелетним опытом и традициями»³.

По-разному историки определяют характер политического курса Александра II: одни называют его «либеральным» (В.Г. Чернуха), другие «умеренно-либеральным» (А.Н. Боханов), третьи «либерально-консервативным» (С.С. Секиринский). Л.М. Ляшенко считает, что Александр II был «эволюционистом» и ради постепенного движения вперед готов был поддерживать либо либералов, либо консерваторов, в зависимости от того, чьи позиции, с точки зрения монарха, в данный момент наиболее соответствовали историческим реалиям.

Главные особенности преобразовательной деятельности заключаются в следующем:

---

¹ Федоров В.А. История России. 1861–1917: Учеб. Для вузов. М., 2000. С. 68.

² Дворниченко А.Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. Учебное пособие. М., 2010. С. 743.

³ Судьбы реформ и реформаторов в России (Российская академия гос. службы при Президенте РФ). М., 1999. С. 97.

1. Успех реформ был обеспечен их тщательной продуманностью и всесторонней подготовкой. Практическим шагам предшествовали долгие обсуждения, с привлечением специалистов, экспертов, общественности. В ходе подготовки учитывались, суммировались и перерабатывались различные мнения.

2. Для реформ была характерна постепенность. Боясь разрушительных последствий, реформаторы во главе с Александром II действовали осторожно и осмотрительно. При этом реформаторам приходилось преодолевать сопротивление консервативных сил.

3. Важную роль сыграла готовность либералов-реформаторов идти на компромиссы с консервативными кругами дворянства. Однако в принципиальных вопросах реформаторы не пошли на уступки силам прошлого: в частности, было отвергнуто предложение части помещиков освободить крестьян без земли.

4. Другой особенностью России было сохранение самодержавной монархии, огромная роль государства в экономике, отталкивание монархией слоев, могущих стать социальной базой модернизации страны, нерешённость аграрного вопроса и обострение национального вопроса.

5. Эпоха реформ родила целую плеяду талантливых государственных деятелей, каждый из которых заслуживает отдельного исследования. История показывает, что настоящие реформаторы идут не по течению, а против него, преодолевая сопротивление не только консервативных сил, не желавших обновления, но и инерцию масс. Именно благодаря собственной воле и решимости Александр II превозмог инерцию элиты, широких кругов дворянства.

Следует отметить, что эпоха Великих реформ 60-70-х гг. XIX в. совпала с крупнейшими событиями в развитии мировой цивилизации. После окончания гражданской войны между Севером и Югом, 1 января 1863 года президент США Линкольн, возложив на себя чрезвычайные полномочия, подписал Прокламацию об освобождении рабов. Важные шаги по укреплению и развитию демократии были сделаны в Европе. В Англии в ходе парламентской реформы почти в два раза увеличилась численность граждан, имеющих избирательные права при выборах в парламент, было введено тайное голосование, легализованы профсоюзы. В Германской империи в 1871 г. была принята Конституция. Япония в ходе революции Мэйдзи¹ (1868-1869 гг.) отказалась от самоизоляции и встала на путь модер-

¹ В Японии в 1868 г. императора Мацухито короновали императором Мэйдзи (по-японски Мэйдзи – «просвещенное правление»).

низации. По сравнению с Россией в Японии преобразования происходили более решительно: помимо реформ в области экономики, введения всеобщей воинской повинности, в стране приняли конституцию, стали возникать политические партии, уже в 1872 году было введено всеобщее обязательное обучение детей в школе.

Все эти меры обеспечивали переход к индустриальному обществу и опирались на идеологию политического либерализма.

Х. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Литература ко всему периоду

1. Великие реформы в России 1856-1874 / Под ред. Захаровой Л.Г. – М., 1992.
2. Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ: Т. 1–2. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008.
3. Каррер д Анкосс Э. Незавершенная Россия /Пер. с франц. – М.: РОССПЭН, 2005.
4. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. – М., 1993.
5. Литвак Б.Г. Переворот 1861года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. – М.: Политиздат, 1991.
6. Ляшенко Л.М. Царь-освободитель. Жизнь и деяния Александра II. – М., 1994.
7. Миронов Г.Е. История государства Российского: Историко-библиографические очерки. XIX век. М., 1995.
8. Проскурякова Н.А. Россия в XIX веке: государство, общество, экономика: учеб. пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2010.
9. Реформы Александра II. – М., 1998.
10. Российские самодержцы. 1801-1917. - М., 1994.
11. Российские реформаторы. XIX- начало XX вв. - М., 1995.
12. «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869: Сборник документов. – М., 2006.
13. Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. – М., 2006.
14. Титов А.А. Реформы Александра II и их судьба. – М., 1910.
15. Толмачев Е.П. Александр II и его время: В 2 кн. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998.
16. Толмачев Е.П. Военная политика и реформы Александра II. – М., 2006.
17. Троицкий Н.А. Россия в XIX веке. Курс лекций. - М., 1997.
18. Федоров В.А. История России. 1861–1917: Учеб. Для вузов. – М.: Высш. Шк., 2000.
19. Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. – Л., 1978.

Мемуары

1. Валуев П.А. Дневник П.А.Валуева, министра внутренних дел. Т. 1-2. – М., 1961.

2. Кропоткин П.А. Записки революционера. – М., 1990.
3. Н.А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб., 1907.
4. Мещерский В.П. Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003.
5. Милютин Д.А. Воспоминания и дневник. – М., 1999-2010.
6. Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. – М.: Захаров, 2005.
7. Новиков А.И. Записки земского начальника. – СПб., 1899.
8. Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. – М., 1959.
9. Петербург в конце 1861 г. (Дневник А.П. Марковой-Виноградской) // Минувшие годы. 1908. № 10.
10. Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. – М.-Л., 1928.
11. Трагедия реформатора: Александр II в воспоминаниях современников – СПб, 2006.
12. Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки (1854–1886). М.-Л., 1934.

Отмена крепостного права

1. Дучинский Н.П. Великая крестьянская реформа при царе-освободителе. СПб., 1911.
2. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. - М., 1968.
3. Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. – М.: РОССПЭН, 2011.
4. Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи. / Сост. В.А.Федоров. – М.: МГУ, 1994.
5. Крестьянское движение в России в 1857-1861 гг. М., 1963.
6. Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Т. 1–2. – Берлин, 1860–1862.
7. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу Н.П. Семенова. Т. 1. СПб., 1889.

Судебная реформа

1. Главные деятели и предшественники судебной реформы. Под ред К.К. Арсеньева. Брокгауз-Ефрон. – СПб., 1904.
2. История русской адвокатуры. Т. 1. И.В. Гессен. Адвокатура, общество и государство. 1864-1914. – М.: Издание советов присяжных поверенных. 1916.
3. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. - М., 1989.

4. Ларин А.М. Из истории суда присяжных в России. – М., 1995.
5. Немыгина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. - Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999.
6. Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864-1917 гг. /Сост. С.М. Казанцев. – Л.: Лениздат, 1991.
7. Тимофеев Н.П. Суд присяжных в России. Судебные очерки. – М., 1881.
8. Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России. 60-80 годы XIX в. – М.: Наука, 1987.

Реформы местного самоуправления

1. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. I–III. – СПб., 1909–1911.
2. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. – М.: Наука, 1990.
3. Герасименко Г.А. История земского самоуправления. – Саратов: Поволжская академия государственной службы им П.А. Столыпина, 2003.
4. Земское самоуправление в России, 1864–1918: в 2 кн. Кн. 1. – М.: Наука, 2005.
5. Исторический обзор деятельности земских учреждений С.-Петербургской (ныне Петроградской) губернии. (1865-1917). Составлен Б.Б. Веселовским по поручению Петроградской Губернской Земской Управы. – Пг., 1917.
6. Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. - М., 1993.
7. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. - Л., «Наука», 1984.
8. Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х начале 80-х гг. XIX в. - М., 1991.

Реформы в области просвещения

1. Гессен С. Петербургский университет осенью 1861 г. (по неопубликованным материалам из архива А.В.Никитенко) // Революционное движение 1860 годов. М., 1932.
2. Звягинцев Е.А. Полвека земской деятельности по народному образованию. М., 1915.
3. Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России 1856 -1880. СПб., 1901.
4. Стаферова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.): Научная монография. – М.: «Канон+» РООИ

«Реабилитация», 2007.

5. Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50-60-е годы XIX в. – Л.: Издат-во ЛГУ, 1984.

6. Федосова Э.П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878-1918). М.: Педагогика, 1980.

7. Чарнолуцкий В.И. Земство и народное образование. Ч. 1. – СПб., 1910.

8. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. – М.: Наука, 1993.

Военные реформы

1. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. – М., Наука, 1973.

2. Гессен С. Солдатские волнения в начале XIX века. – М., 1929.

3. Журнал Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра рекрутского устава. 1863 г.

4. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. – М., Изд-во Московского университета, 1952.

5. Извлечение из отчетов по исполнению воинской повинности С.-Петербургским столичным населением. 1874-1879 годы. СПб., 1880.

6. Обзор двадцатипятилетней деятельности С.-Петербургского городского по воинской повинности присутствия 1874-1898 гг. – СПб., 1899.

7. Первый призыв всех сословий на военную службу. СПб. 1875.

8. Первый призыв к воинской повинности в новом порядке в С.-Петербурге. Отчет С.-Петербургского Городского Присутствия за 1874 год. СПб., 1875.

9. Сборник правительственных распоряжений по введению общей воинской повинности. Т. 1. СПб. 1874.

10. Столетие Военного министерства. 1802-1902. Исторический очерк. Комплектование войск с 1855 по 1902 год. Т. IV. Ч. III Кн. I. От. II. СПб. 1914.

11. Федоров А.В. Русская армия в 50-70-х годах XIX века. Очерки. Л., изд-во ЛГУ, 1959.

Фонды Российского государственного исторического архива (РГИА). Санкт-Петербург

РГИА. Ф. 1246. Фонд Государственного Совета. Особое Присутствие о воинской повинности.

РГИА. Ф. 1284. Департамент общих дел МВД.

РГИА. Ф. 1292. Управление по делам о воинской повинности МВД.
РГИА. Ф. 1341. Фонд Сената.

Журналы

Военный сборник. 1859. № 5.
Военный сборник. 1874. Т. 96. № 3.
Исторический вестник. 1910. № 2.
Красный архив. 1926. Т. III (16).
Литературное наследство. 1935. № 22–24.
Родина. 2007. № 1.
Родина. 2011. № 5.
Русская старина. 1897. № 10.
Русская старина. 1906. Кн. 11.
Русская старина. 1914. № 4.
Русский архив. 1891. Кн. 1. Вып. 1.
Русский архив. 1911. Кн. 1. Вып. 1.

Газеты

Голос
Колокол.
Неделя
Русский инвалид
Санкт-Петербургские ведомости

Научное издание

Сергей Николаевич Рудник

**ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ
1860 – 1870 годов:
ЭПОХА И ЛЮДИ**

Монография

Редактор *О.С. Крайнова*
Компьютерная вёрстка *К.П. Ерёмин*

ЛР № 020309 от 30.12.96

Подписано в печать 27.09.13. Формат 60х90 1/16. Гарнитура “Таймс”.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 11,0. Тираж 300 экз. Заказ № 225.
РГГМУ, 195196, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр. 98.
Отпечатано в ЦОП РГГМУ
